Е. МАГНУСГОФСКАЯ

Е. Магнусгофская

„СВѢТЪ И ТѢНИ“

Сборникъ разсказовъ

Рига, 1929 года

Печатано въ типографіи Э. Левина, Рига, Мельничная улица № 33

...За честь и свободу
Родимой отчизны,
Царю и народу
Мы отдали жизни...
Мы въ жертву Ему же
Сгорали отъ зноя,
Въ окопахъ, на стужѣ,
Мы гибли зимою...
Насъ смерть поджидала,
Болѣзни косили...
Рать крѣпко стояла,—
Мы все выносили...

Предисловіе.

О Великой войнѣ написала женщина?... Она была въ окопахъ?... Она ходила въ атаки?... Она была добровольцемъ?...

Въ томъ то и прелесть разсказовъ, что она не участвовала въ томъ, что принято называть войною — въ бояхъ и сраженіяхъ, въ атакахъ и развѣдкахъ, тамъ, гдѣ убиваютъ и ранятъ, жгутъ, грабятъ и насилуютъ.

Она пережила войну въ ея тылу, въ лазаретахъ и госпиталяхъ, въ городахъ и селахъ, занимаемыхъ непріятелемъ, въ помѣщичьей усадьбѣ, гдѣ стали вражескіе офицеры. И неустанно, чуткой молодой дѣвичьей душой она искала и тутъ великій людской героизмъ.

Она нашла дѣвушекъ, безстрашно готовыхъ на смерть ради свершенія подвига, мальчишекъ— уличныхъ незамѣтныхъ бродяжекъ, возвышенныхъ войной до героизма. Подлость насилія войны авторъ освѣтилъ яркимъ свѣтомъ самопожертвованія, гнусность уклоненія отъ войны заклеймилъ презрѣніемъ любимой и когда-то любившей женщины.

Все просто, не вычурно, ясно, протокольно точно и овѣяно задумчивой прелестью женскаго любящаго людей сердца, тонкимъ чувствомъ природы.

Гюи де Мопассанъ въ своей „Мамзель Фифи“ описалъ тылъ франко-германской войны, 1870—

71 годы, и его повѣсть вольной французской дѣвушки мы помнимъ лучше, чѣмъ „Погромъ“ Эмиля Золя, посвященный самой войнѣ.

О подвигахъ тыла, о страданіяхъ покинутыхъ невѣстъ, о дѣвушкахъ—жертвахъ войны, о сестрахъ милосердія, посвятившихъ себя напутствованію умирающихъ солдатъ и умѣвшихъ это дѣлать такъ, что солдаты умирали съ ясной улыбкой — такъ мало писали. Герои — солдаты, офицеры, генералы, славные, доблестные полки;— но кромѣ нихъ война родитъ и другихъ героевъ, тоже страдающихъ, умѣющихъ тихо умирать и жертвовать собой для Родины — и о нихъ не грѣхъ вспомнить...

Есть здѣсь герои подлинной войны—но это герои тихіе. Солдаты, ничѣмъ не замѣтные, свято и покорно до конца исполнившіе свой долгъ.

Свѣтъ и тѣни...

„Смерть“, — пишетъ авторъ — „оттѣняетъ жизнь, какъ тѣнь — свѣтъ... видя близко конецъ, мучительно хочется жить, пользоваться всѣми манящими благами человѣческой жизни, взять отъ нея поскорѣй, что есть у нея свѣтлаго, яркаго, волнующаго“.

Кто не хочетъ забыть войны, кто внимательно изучаетъ ее по воспоминаніямъ героевъ фронта—тотъ не долженъ пройти мимо этой маленькой книжки вдумчивыхъ женскихъ разсказовъ о томъ, какъ жилъ во время войны ея ближайшій тылъ—тылъ, такъ близко прикоснувшійся къ смерти и ранамъ, гдѣ свѣтъ почти непрерывно заслонялся тѣнью...

П. Красновъ

12/25 января 1929 г.
дер. Сантени, Франція.

„Онъ".

Люсѣ пять лѣтъ.

Она — единственная дочь, единственный ребенокъ, баловень всѣхъ домашнихъ и знакомыхъ. Люся—умненькая и развитая не по лѣтамъ.

Она знаетъ, что ея папа на войнѣ. Что враги—нѣмцы. Часто приходятъ отъ папы письма, въ конвертахъ съ лиловымъ штемпелемъ, на которомъ значатся еще не совсѣмъ понятныя Люсѣ слова „дѣйствующая армія". Люся умѣетъ читать и очень гордится тѣмъ, что можетъ писать отдѣльныя фразы. Когда мама пишетъ письма отцу, Люся тоже вкладываетъ туда листочекъ почтовой бумаги съ красивыми цвѣточками, на которомъ выводитъ, подъ диктовку матери, каракулями „привѣтъ папѣ". Мама иногда сердится, когда Люся сбивается, ставитъ печатныя буквы. Но Люсѣ писать по печатному легче...

Въ залѣ висятъ два большихъ портрета въ золотыхъ рамахъ, съ короной наверху. Люся отлично знаетъ, чьи это портреты. Она тянулась къ золотымъ рамамъ совсѣмъ еще малюткой. Когда Люсю взрослые спрашиваютъ снисходительно: — Люся, кто это? — она всегда отвѣтитъ: „Онъ", хотя знаетъ, какъ Его зовутъ.

Но въ словѣ „Онъ" заключается для Люси что-то таинственное, похожее на то, что чудится

ей въ непонятныхъ еще словахъ церковнаго богослуженія.

Люся никогда не скажетъ: „Царь“. Она знаетъ, что царей на свѣтѣ много, ну а „Онъ“—одинъ.

Потому что „Онъ“—ну, это „Онъ“.

Однажды пришло короткое письмо отъ папы уже безъ лиловаго штемпеля. Мама очень плакала, прочитавъ его, потомъ сказала Люсѣ, что папа раненъ, и она ѣдетъ къ нему въ Москву. Люся ужасно огорчилась, что ее не берутъ. Мать на минутку заколебалась и долго совѣтовалась со старой няней, но все таки рѣшила оставить Люсю дома.

Въ ту же ночь мама уѣхала.

Люся хорошо могла представить себѣ раненаго папу. Онѣ съ мамой часто бывали въ лазаретахъ, гдѣ она раздавала солдатикамъ конфеты и папиросы. Они лежали въ кроватяхъ, такіе блѣдные, забинтованные. И за все благодарили.

— Вотъ и папа лежитъ такъ, съ повязкой на головѣ — думала Люся, лежа долго-долго въ постелькѣ съ открытыми глазами. Она стала плохо спать съ того времени, какъ уѣхала мама. Няня спала теперь здѣсь же, на диванѣ.

По вечерамъ Люся наблюдала, какъ старушка молилась, клала истово земные поклоны, согнувшись до земли, оставаясь такъ долго-долго.

Иногда ей казалось, что няня заснула, и тогда Люся сначала тихо, а потомъ громче окликала ее:

— Няня!

Старушка поднимала голову и, не оборачиваясь, ворчала:

— Молчи, баловница, не мѣшай молиться!

А Люся лежала и думала:

— О чемъ такъ долго молится няня?

Одинъ разъ спросила:

— Няня, а ты молишься за „Него"?

Но няня, видно, не поняла вопроса, и разсѣянно отвѣтила:

— За всѣхъ, за всѣхъ.

Люся проснулась на разсвѣтѣ отъ звонка. Стала звать няню, которая была туговата на одно ухо. Горничную, послѣ отъѣзда папы на фронтъ, отпустили, прислуга спала за кухней и не могла слышать звонка. Няня проснулась не сразу. Долго возилась съ туфлями: не могла спросонья сразу попасть въ нихъ ногами. Потомъ, слышала Люся, никакъ не находила ключемъ замка... Наконецъ, хлопнула входная дверь. Кто-то вошелъ.

Начался сдавленный шопотъ. Послышались всхлипыванья.

Въ одной рубашенкѣ, босая, прокралась Люся къ дверямъ гостиной. Она не ошиблась: тамъ, у стола, въ шляпѣ съ длинной черной вуалью—это больше всего поразило Люсю—сидѣла мама, и плакала. А няня стояла передъ ней, и у нея было такое смѣшное лицо. Люсино сердечко забилось предчувствіемъ чего-то страшнаго, непонятнаго, неотвратимаго.

— Гдѣ папа? — спросила она, подбѣгая къ вздрогнувшей отъ неожиданности матери.

— Папа на небѣ, у Боженьки — отвѣтила няня, осѣняя себя широкимъ крестомъ.

И заплакала.

— На небѣ — проговорила дѣвочка и задумалась.

Она знала, что, когда умираютъ хорошіе люди, они идутъ въ небо и больше не возвращаются. Но смерть не проходила еще такъ близко отъ нея и не заставляла ее задумываться.

— Значитъ, папа больше сюда не придетъ?— сказала Люся.

— Не придетъ... никогда,—отвѣтила мама и зарыдала.

Люся удивлялась, почему мама и няня плачутъ. Вѣдь папа у Боженьки, значитъ — папѣ хорошо.

Что папѣ хорошо—въ этомъ Люся не сомнѣвалась. Вѣдь онъ на небѣ, съ ангелами и тамъ нѣтъ нѣмцевъ. Злые люди, говоритъ няня, на небо не пойдутъ, а нѣмцы, вѣдь, злые.

Сначала Люся заговаривала съ мамой объ отцѣ, но мама всегда начинала плакать. Люся, хотя и не понимала причины, но все же догадалась, что лучше о папѣ не говорить. Сама за полгода его отсутствія она привыкла—какъ легко привыкаютъ дѣти—къ разлукѣ съ нимъ и начала какъ-то даже о немъ забывать.

Мама стала прихварывать, часто не вставала даже цѣлый день съ постели и выходила съ Люсей гулять только въ солнечные дни. Онѣ всегда шли къ морю въ одно и то же мѣсто, къ одной и той же скамейкѣ... Мама садилась на скамейку и раскрывала книгу, а Люся бѣжала къ водѣ, искала янтарь и розовыя раковинки и вела одной ей понятные разговоры съ синими морскими волнами, плескавшимися о песокъ.

И часто, возвращаясь съ полной горсточкой нѣжно-розовыхъ ракушекъ, заставала маму со слезами на глазахъ.

И тогда она знала: мама думала объ отцѣ.

Мать лежала въ постели съ полузакрытыми глазами. Въ комнатѣ, какъ теперь часто, была приспущена штора. И Люся ворвалась въ нее, какъ свѣтлый лучъ.

— „Онъ“ ѣдетъ! — кричала она радостно — „Онъ“ ѣдетъ, мамочка!

— Кто?—не поняла мать.

— Ну, „Онъ“... какая ты, мама, непонятливая!.. „Онъ“ пріѣдетъ, сказала няня, завтра рано утромъ... Вездѣ вѣшаютъ флаги .. Цвѣты... А въ окнахъ всюду—„Его“ портреты... Ахъ, какъ это красиво! По нашей улицѣ „Онъ“ тоже проѣдетъ. Мамочка, позволь, я украшу окна гостиной, да? Мы пойдемъ съ няней на рынокъ, купимъ цвѣтовъ. Позволишь, мамочка?

— Да, да можешь... — отвѣчала мать, гладя ея золотистые волосенки.

Ея сердце не билось горячей радостью, какъ три года назадъ, когда она видѣла „Его“ въ столицѣ. Слишкомъ велика была тяжелая эгоистическая боль, переполнявшая все ея сердце, и не было въ немъ мѣста другому широкому чувству.

Возбужденная, неспокойная, Люся не могла долго заснуть. Она все думала о томъ, посмотритъ ли „Онъ“ на ея, Люсины, окна. Они, дѣйствительно, были очень красивы. Даже мама встала съ постели, и помогала дѣвочкѣ разставлять цвѣты вокругъ портретовъ, снятыхъ со стѣны. Няня наскоро сшила два новенькихъ флага.

Внизу, въ первомъ этажѣ, была какая-то контора, которая ограничилась тѣмъ, что поставила въ одномъ изъ оконъ царскіе бюсты, задрапировавъ другія матеріей національныхъ цвѣтовъ. Во второмъ этажѣ другая квартира стояла пустой, въ третьемъ жила какая-то старая нѣмка, которая не умѣла или не хотѣла украшать оконъ. И Люсины два царили надъ всѣмъ домомъ. Даже напротивъ ни у кого не было такъ красиво.

„Онъ“ долженъ былъ проѣхать въ одиннадцать часовъ утра, но Люся забралась на окно чуть ли не съ восьми. И какао свое пить не захотѣла Люся.

Съ ранняго утра потянулась по залитымъ

осеннимъ солнцемъ улицамъ нарядная публика. Дамы одѣты, какъ на Пасху, въ свѣтлыхъ платьяхъ, съ цвѣтами. Много ихъ еще цвѣло ранней осенью въ садахъ, — пышныя астры, яркія георгины, и настурціи, настурціи, настурціи...

Къ десяти часамъ стали приходить партіями гимназисты и гимназистки. Въ бѣлыхъ накрахмаленныхъ фартучкахъ, въ чисто вычищенныхъ курточкахъ и мундирахъ. Суетились нарядныя учительницы, разставляя дѣвочекъ, рядами, по росту. Учителя, въ орденахъ, съ торжественными лицами, выравнивали гимназистовъ. У дѣвочекъ были въ рукахъ цвѣты. Нѣкоторыя гимназіи слѣдили за тѣмъ, чтобы у всѣхъ были одинаковые. Больше всего было астръ — бѣлыхъ, лиловыхъ, розовыхъ.

— Зачѣмъ у нихъ цвѣты? — спрашивала въ сотый разъ дѣвочка.

— Онѣ будутъ бросать на улицу, когда „Онъ“ проѣдетъ — отвѣчала мать, разсѣянными глазами глядя на шумную, волнующуюся, праздничную толпу.

И вотъ, какъ далекое эхо, прокатилось вдали мощное „ура“. Вздрогнула, рванулась впередъ толпа, сдерживаемая цѣпью стоявшихъ впереди учениковъ. Дѣвочки нервно оправляли прически, одергивали другъ у друга фартуки. Учителя взволнованнымъ шопотомъ отдавали послѣднія приказанія. Замолкъ шумный говоръ. Волнующее ожиданіе овладѣло тысячной толпой. А „ура“ грохотало все ближе и ближе.

И вотъ показались автомобили. Первый проѣхалъ очень быстро; въ немъ, какъ показалось Люсѣ, сидѣлъ не то военный, не то полицейскій съ сѣдыми усами. Другіе автомобили шли медленно. Двое военныхъ въ походной формѣ сидѣли во второмъ. И Люся сразу узнала, который изъ нихъ „Онъ“. Знала хорошо по пор-

трету. „Онъ“ смотрѣлъ на толпу и привѣтливо улыбался своей грустной ласковой улыбкой.

Могучими волнами катилось по рядамъ „ура“. Медленно шелъ по усыпанной цвѣтами улицѣ царскій автомобиль. И всѣ видѣли только Его...

— Мамочка, „Онъ“ не смотритъ на окно! .— въ отчаяніи закричала дѣвочка, и, осѣненная внезапной мыслью, сорвала и бросила внизъ три пышныхъ ослѣпительно-бѣлыхъ розы

Онѣ упали внизъ, подъ тяжелыя колеса автомобиля, туда, гдѣ лежали остальные цвѣты. Но, можетъ быть, „Онъ“ замѣтилъ, что цвѣты брошены сверху — поднялъ голову, скользнулъ взглядомъ по украшенному окну—и улыбнулся...

— Мама, „Онъ“ смотрѣлъ въ окно! „Онъ“ улыбался! „Онъ“ зналъ, что это я сдѣлала для „Него“! — ликовала дѣвочка, глядя вслѣдъ удалявшемуся мотору.

— Ахъ ты, моя маленькая патріотка! — тихо говорила мать, приникнувъ губами къ золотистымъ волосамъ.

Странно—и такъ сладко—билось въ груди ея сердце. Жгучая боль разлуки ушла куда-то далеко, уступивъ мѣсто волнующему радостному чувству. Тому чувству, что овладѣло всей тысячной толпой, съ воодушевленнымъ пѣніемъ рвавшейся прорвать цѣпь почетной охраны, чтобы устремиться за „Нимъ“, чтобы еще разъ видѣть „Его“ лицо, „Его“ свѣтлую улыбку..

— Милая дѣвочка,—думала, перебирая золотистыя кудряшки мать—на всю жизнь останется у тебя въ памяти эта улыбка. Выростешь большая, лишишься свѣтлыхъ грезъ дѣтства... А эти дни не изгладятся изъ твоей памяти... Никогда не забыть тебѣ этого праздника, этого народнаго порыва.

И этой кроткой, ясной улыбки...

Русскій флагъ.

Жизнь въ городкѣ Р. протекала, несмотря на великія событія, мирно и спокойно. Газеты въ городѣ не было. Телеграммы получались съ опозданіемъ.

Русскихъ во всемъ городкѣ было всего десять человѣкъ, но во главѣ ихъ стоялъ молодой, дѣльный священникъ. Соединившись съ латышскимъ пѣвческимъ обществомъ, эти русскіе оборудовали лазаретъ на десять кроватей. Въ началѣ октября прибыли первые раненые. Эти девять блѣдныхъ, измученныхъ страданіями солдатъ внесли новую струю въ сонную жизнь городка. Сначала лазаретъ былъ переполненъ съ утра до вечера добросердечными крестьянками, приносившими яйца и молоко, учащейся молодежью и праздными барышнями.

Но постепенно порывъ остылъ.

Хозяйки жили, по-прежнему, рынкомъ, дѣтской и кухней. Барышни шили бѣлье и мечтали о пріѣздѣ раненыхъ офицеровъ. Отцы семействъ учились у своихъ дѣтей русскому языку. А по вечерамъ, за бутылкой оранжевой воды, вели безконечные политическіе и стратегическіе разговоры.

Къ войнѣ привыкли, перестали ее замѣчать.

И вдругъ—совершенно неожиданно —пронеслась крылатая вѣсть, что непріятель близко. Туманнымъ апрѣльскимъ вечеромъ прибыли первые бѣженцы — усадьбовладѣльцы, крестьяне

недалекихъ усадебъ. Недавняя буря попортила телеграфные провода и эрцы совсѣмъ не знали о вступленіи непріятеля въ Курляндію.

Въ городѣ поднялась суматоха. Несмотря на одиннадцать часовъ вечера, время, въ которое почтенные эрцы видѣли обычно третій сонъ, многіе бросились на почтовую станцію разбирать лошадей. Желѣзная дорога до Р. была уже третій годъ въ проектѣ. Женщины, охая и плача, стали укладывать вещи. Владѣльцы собственныхъ экипажей съ сосредоточеннымъ видомъ задавали кормъ лошадямъ. Никогда еще, кажется, за всѣ четыреста лѣтъ его существованія, не было въ городкѣ такой безпокойной ночи. До утра былъ свѣтъ во всѣхъ окнахъ. Когда ранній весенній разсвѣтъ заглянулъ въ городишко, по большой Митавской дорогѣ потянулись безконечные экипажи, телѣги и толпы пѣшеходовъ.

А съ южной стороны наводняли городъ новыя толпы бѣженцевъ. Утомленные, не спавшіе, измученные, они не смѣли отдохнуть, и, томимые паническимъ ужасомъ, убѣгали передъ безпощадной лавиной вражескихъ полчищъ. Плакали дѣти, успокаиваемыя испуганными женщинами; ржали лошади. Съ мрачнымъ видомъ шагали за своими телѣгами крестьяне-латыши.

— Не хотимъ рыть нѣмцамъ окопы!—угрюмо отвѣчали они, когда ихъ спрашивали, зачѣмъ они бросаютъ свои пепелища.

Интеллигенція городка—нѣмцы—осталась на мѣстѣ, съ философскимъ спокойствіемъ ожидая, во что выльются событія. Латышское и русское населеніе покинуло городъ и онъ наполовину опустѣлъ.

Открытыя окна, незапертыя двери, забытыя на улицахъ вещи и наглухо запертыя лавки. Ясный апрѣльскій день сіялъ яркими красками.

Голубѣло небо. Кротко улыбалось солнце. Откуда-то сыпались трели жаворонка.

Но на всемъ лежала печать жуткаго ожиданія чего-то неопредѣленнаго, страшнаго, неизбѣжнаго...

Въ послѣднемъ домикѣ, стоявшемъ въ густомъ—пока еще прозрачномъ—саду, за которымъ начинались поля, лежалъ въ убогой каморкѣ мальчикъ лѣтъ девяти. Мать его, бѣдная швейка, не имѣла средствъ, чтобы нанять лошадей, а пѣшкомъ итти мальчикъ не могъ: у него третій мѣсяцъ болѣли ноги.

— Кто тронетъ больного мальчика?—думала она, но страшныя черныя мысли все же лѣзли въ голову.

Мальчикъ лежалъ, повернувшись къ окну и смотрѣлъ на дорогу, по которой шли все новыя и новыя толпы бѣженцевъ. Мальчикъ смотрѣлъ на дорогу, и—ждалъ нѣмцевъ. Врядъ ли во всемъ городѣ ждалъ еще прихода непріятеля кто-нибудь съ такой жадностью, какъ этотъ больной ребенокъ. Да, онъ ждалъ ихъ, какъ солдатъ ждетъ первой встрѣчи съ врагомъ въ чистомъ полѣ. И въ душѣ ребенка пылалъ боевой восторгъ... Всю свою болѣзнь, лежа цѣлыми днями, онъ мечталъ о нѣмцахъ. Мечталъ о томъ, какъ выздоровѣетъ и пойдетъ добровольцемъ на войну, подобно сотнямъ другихъ мальчиковъ, убѣгающихъ на театръ военныхъ дѣйствій со всѣхъ концовъ необъятной Россіи..

Мысль о подвигѣ, который надлежитъ ему совершить, стала у болѣзненнаго мальчика навязчивой идеей... А съ тѣхъ поръ, какъ вчера вечеромъ узналъ онъ, что нѣмцы идутъ въ Р., его охватило мучительное нетерпѣніе. Больной, прикованный къ постели, онъ ждалъ какого-то

чуда. Ему казалось что онъ встанетъ съ кровати и совершитъ сразу что-то великое... Славное...

— Мама, что говорила женщина, которая приходила на кухню?

— Многое... Какъ они бѣжали, какъ пришли нѣмцы...

—Были съ ними нѣмцы жестоки?—допытывался мальчикъ.

— Нѣтъ, ихъ не трогали... Торопились проходить дальше... Только станцію подожгли, да разграбили въ желѣзнодорожныхъ кладовыхъ товары. Тамъ были, между прочимъ, ящики съ конфетами. Они насовали себѣ полные карманы, ѣли сами и раздавали встрѣчнымъ дѣтямъ. Женщина разсказывала, какъ ея пятилѣтній малышъ отказался отъ шеколада. „Не возьму отъ нѣмца". Такой упрямый — только разсердилъ господина офицера. Тотъ подумалъ: мать подучила. А малышъ этотъ отъ себя. Упрямецъ такой...

— Онъ не упрямый, мамочка, онъ—герой!—мечтательно произнесъ мальчикъ, устремивъ снова взоръ въ окно. На дорогѣ, теперь уже пустынной, показалось какое то темное пятно, привлекшее живое вниманіе Саши. Пятно приближалось и росло.

• — Мама, нѣмцы!

Голосъ мальчика прерывался отъ волненія. Зоркіе глаза его различили всадниковъ еще на большемъ разстояніи. Саша крѣпко сжалъ руку своей поблѣднѣвшей матери. Оба молча смотрѣли въ окно, на приближавшійся германскій отрядъ.

— Запру... дверь... вѣдь мы въ домѣ одни...

Мать вышла изъ комнаты. Больной приподнялся на постели. Какая то неотвязная мысль засѣла въ его головѣ. Оглядываясь на дверь, спустилъ онъ съ кровати свои тоненькія непослушныя ноги и, держась за столъ, стулья и

сундукъ, доползъ до шкафа. Открылъ его. Досталъ небольшой національный флагъ — дѣтскій, игрушечный... И, съ трудомъ добравшись до большого фикуса, стоявшаго у окна, прислонилъ его... Чтобы былъ виденъ издали!

Нѣмецкіе разъѣзды разсыпались по всему городу, но никто изъ нихъ не замѣтилъ наивной демонстраціи маленькаго патріота...

Вечеромъ у Саши былъ жаръ. Онъ метался по постели и бредилъ нѣмцами. А мать, сидя у изголовья, и цѣлуя горячій, какъ огонь, лобикъ мальчика, шептала:

— Глупенькій, славный мой маленькій патріотъ! Всталъ на свои больныя ножки! Милый мой!

Черной волной разливалась темнота апрѣльской ненастной ночи, а въ этой теплой, ласкающей тьмѣ подходили съ запада, скрытыя еще многоверстнымъ сосновымъ боромъ,—подходили русскія войска....

Колькинъ подвигъ.

Кольку Кудряваго знали въ городѣ рѣшительно всѣ. Это былъ худощавый мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, оборванный, грязный, босой, съ черными, вьющимися волосами и голубыми глазами, смотрѣвшими довѣрчиво и привѣтливо. Онъ не былъ нищимъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, онъ не любилъ просить, а если и просилъ — то только одними глазами. Но взглядъ этихъ лучистыхъ глазъ былъ такъ требователенъ, что рѣдко кто могъ отказать голодному мальчику.

Зимой и осенью Колька работалъ. То его видѣли на льду, помогающаго расчищать дорожки, то онъ возилъ елки, то пилилъ на дровяномъ дворѣ толстыя полѣнья. Осенью снималъ яблоки, свозилъ сухую листву. За что ни брался Колька— все онъ дѣлалъ серьезно, аккуратно и хорошо. Онъ не былъ лѣнивъ, но въ характерѣ его была неуживчивость, страсть къ бродяжничеству. Можетъ быть, въ немъ была цыганская кровь. Родителей его не зналъ никто. Не здѣсь родился Колька, и откуда появился онъ—не знали.

Зимой и осенью онъ жилъ полукультурной жизнью мелкаго городишки. Но лишь только начинали пригрѣвать первые весенніе лучи, его нестерпимо тянуло на волю, и, какъ бы хорошо ни жилось ему, онъ все бросалъ— и уходилъ.

Однажды Колькѣ улыбнулось счастье. Онъ очень приглянулся пріѣзжей бездѣтной купчихѣ. Та уговорила его ѣхать съ ней и увезла съ собой въ Москву. Увезли его въ концѣ ноября, а въ

іюлѣ онъ снова показался на улицахъ, такой же грязный, нечесанный. Только платье на немъ было цѣлое и на ногахъ хорошіе сапоги.

—Что же, Колька, прогнала тебя купчиха, что-ли?—спрашивали его.

—Не...я самъ убѣгъ... Скушно тамъ...

—Какъ же ты вернулся? Неужели пѣшкомъ?

—А то какъ же? На чугунку безъ денегъ не пущаютъ... Пробовалъ...

Единственное, что вынесъ Колька изъ пребыванія у купчихи—это грамота. Сначала ему доставляло удовольствіе читать давно знакомыя по виду вывѣски съ большими чайниками, краснолицыми господами и дамами съ чудными прическами, традиціонной сахарной головой, глазастымъ сыромъ и селедкой. Но потомъ онъ выучилъ ихъ наизусть и больше грамотой не интересовался. Книгъ онъ не читалъ и сталъ, мало по малу, забывать все, чему выучился въ Москвѣ.

Проѣзжія дамы часто обращали вниманіе на красиваго мальчика, восторгались его глазами и подзывали къ себѣ. Но онъ избѣгалъ ихъ, очевидно, опасаясь, чтобы его снова не увезли. Жизнь въ комнатѣ казалась для него ужаснѣе всего.

Еще зимой, когда на дворѣ морозъ— пожалуй. Но лѣтомъ—ни за что.

Съ каждой весною онъ, какъ перелетная птица, исчезалъ изъ города и пропадалъ по недѣлямъ, а иногда и на все лѣто. Гдѣ онъ бывалъ, чѣмъ занимался, чѣмъ питался—знаетъ Одинъ Богъ...

На вопросъ: „Гдѣ ты былъ?“—Колька неизмѣнно отвѣчалъ: „Въ лѣсу“. А когда его спрашивали: „Что ты ѣлъ?“ — слѣдовалъ отвѣтъ: „А что придется“.

Его неудержимо тянуло въ лѣсъ, гдѣ не слышно человѣческаго шума, въ поле, гдѣ теплѣе грѣютъ солнечные лучи, къ журчащей въ тростникахъ рѣчкѣ. У него была тамъ какая то своя

жизнь, о которой онъ никому не говорилъ, да и врядъ ли могъ бы разсказать на своемъ языкѣ. Жизнь, которая отражалась только подчасъ въ его голубыхъ наивныхъ глазахъ...

Да поздней осени скитался онъ за городомъ. И только, когда холоднѣй и длиннѣй становились туманныя ночи, и подъ утро хрустѣла промерзшая за ночь земля, обнаженныя деревья съ сухимъ трескомъ отряхали желтые листья —возвращался Колька совсѣмъ въ городъ, загорѣлый, растрепанный и довольный.

—Холода наступаютъ—Колька пришелъ!—говорили, улыбаясь, горожане.

Знойное лѣто было въ самомъ разгарѣ, когда покой Колькинаго лѣса былъ нарушенъ топотомъ многихъ ногъ и грохотомъ обозныхъ телѣгъ,—черезъ лѣсъ шли солдаты. Цѣлый почти день шли они, а на утро проходили съ небольшими перерывами новыя массы, оглашая тихій лѣсной воздухъ протяжными звуками русской пѣсни. Топали лошади, тянулись обозы, громыхали пушки.

Любопытно прислушивался къ солдатскимъ разговорамъ Колька. Изъ нихъ узналъ онъ, что „ерманецъ затѣялъ войну и идетъ на Рассею“. Онъ долго добивался узнать, каковъ этотъ „ерманецъ“. Когда же ему объяснили, что „ерманцы“ это тѣже нѣмцы, какихъ немало жило въ ихъ городкѣ, Колька очень удивился и долго не хотѣлъ вѣрить. Только понемногу улеглось въ его мозгу новое понятіе, и онъ сталъ съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣть на проходившихъ нѣмцевъ, бормоча подслушанное имъ у солдатъ:

— Ерманцы... Вильгельмы-шельмы!...

Съ солдатами онъ бесѣдовалъ охотно, раз-

спрашивая о всѣхъ подробностяхъ боевой жизни. Часто далеко провожалъ ихъ по лѣсу.

—Идемъ съ нами, малецъ!—шутили они.

—Ну и пойду—отвѣчалъ онъ, глядя на какой нибудь листъ, дрожавшій въ вышинѣ.

И пошелъ. Какъ ушли многіе мальчики — просто присталъ къ полку и ушелъ съ нимъ къ границѣ.

Но къ веснѣ вернулся назадъ.

— Что, прогнали тебя солдаты?

— Не... я ушелъ самъ.

— Почему же?

— Слушаться очинно надо... А я не хочу. Самъ знаю, что дѣлать...

— Ишь!—говорили товарищи.— А ерманца видалъ?

— Видалъ.

— Ну, какой онъ?

— Какой... Обнаковенный...

— И дрался съ нимъ?

— Не, я не дрался... я патроны подносилъ.

— И какъ пушки стрѣляютъ, слышалъ?

— Слышалъ.

— Страшно небось?

— Неа... не страшно... Вродѣ, какъ громъ...

— Ну... — говорили только товарищи и замолкали, втайнѣ завидуя.

Подошла и Пасха—ранняя и холодная. На шестой недѣлѣ Поста появилось въ городѣ много солдатъ, но они проходили черезъ городъ, не отдыхая, спѣша куда то на востокъ. Въ городѣ остался небольшой гарнизонъ.

Въ Вербное воскресенье населеніе города было охвачено необычайнымъ волненіемъ: пошли слухи, что близко врагъ. И хотя на Страстной

никакого непріятеля въ городѣ не показывалось, — смутное безпокойство не покидало жителей.

Предчувствіе оправдалось: нѣмцы выросли, какъ изъ подъ земли, въ самую Великую Пятницу. Немногіе защитники города были перебиты и побѣдители стали хозяевами городишки.

Сѣрымъ грустнымъ разсвѣтомъ занималась Великая Суббота. Жители не рѣшались выходить изъ домовъ. Купцы не хотѣли открывать лавокъ. Въ церквахъ робко звонили къ утренѣ.

На самой зарѣ вышелъ въ поле Колька Кудрявый.

— Куда, Коля? -- окликнула его лавочница, открывавшая ставни своей кухни—иди лучше къ намъ, право... Ерманецъ не любитъ, когда такъ шатаются. Хотя ты еще дите... но все таки...

Но Колька тряхнулъ головой, и, плюнувъ съ презрѣніемъ, произнесъ:

— А ну ихъ, ерманцевъ...

И его фигура скоро скрылась въ утреннемъ туманѣ...

Приближался вечеръ. Жители перешептывались, подолгу останавливаясь около расклеенныхъ объявленій — на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ — въ которыхъ запрещалось жителямъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера. Объявленія были расклеены около пяти.

Наконецъ, старый священникъ, ксендзъ и городской голова направились къ ратушѣ, гдѣ остановился начальникъ отряда. Ихъ долго продержали у коменданта. Когда вышли, лица у всѣхъ были печальныя.

— Не позволяютъ—сказалъ, вздохнувъ, священникъ—ни за что...

— Въ такую то ночь!.. Праздника Христова не встрѣтить!.. Крестнымъ ходомъ не пойти — волновался народъ.

А вечеръ подходилъ все ближе и ближе.

Уже погасли послѣдніе дневные лучи и надъ уснувшимъ въ глубокомъ мракѣ городомъ загорѣлась тысячью огнями безлунная ночь... Горожане затеплили свѣчи передъ образами и стали ждать полуночи, чтобы хоть у себя дома, въ кругу родныхъ, пропѣть „Христосъ воскресе"...

И вдругъ—какъ труба Архангела—надъ беззаботными нѣмцами прогремѣло грозное „ура".

Недологъ былъ бой. Усталые или пьяные нѣмцы не выдержали дружнаго натиска нашихъ стрѣлковъ. Частью были перебиты, частью сдались въ плѣнъ.

И ровно въ полночь побѣдно и мощно раскатился надъ освобожденнымъ городомъ Пасхальный перезвонъ. Торжественно выходилъ крестный ходъ изъ храма, переполненнаго народомъ.

Застѣнчиво жался на паперти Колька. Онъ не понималъ, почему сегодня какъ то уступаютъ ему дорогу, жмутъ руку, подходятъ и подробно распрашиваютъ, какъ онъ нашелъ и привелъ солдатъ. Даже самъ офицеръ похлопалъ его по плечу, и назвалъ „молодцомъ" и „героемъ". И нѣсколько человѣкъ — изъ самыхъ богатыхъ купцовъ—сказали Колькѣ, чтобы онъ приходилъ послѣ обѣдни разговляться.

Необычайно торжественно отошла въ этомъ году заутреня и „Христосъ воскресе" звучало такъ радостно и полно, какъ не звучало еще, кажется, никогда подъ сводами старенькаго храма.

Сѣдой батюшка въ бѣло-серебряной ризѣ

вышелъ съ крестомъ и сталъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ говорить о чудесномъ избавленіи города, о томъ, какъ милостивъ Господь, давшій имъ съ легкимъ сердцемъ встрѣтить Великій Праздникъ. Закончилъ онъ евангельскимъ словомъ: „Изъ устъ младенцевъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу"...

И снова всѣ посмотрѣли на Кольку. А онъ, недовольный и смущенный общимъ вниманіемъ, все оглядывался, какъ бы ища случая незамѣтно выбраться изъ церкви.

Колька не хотѣлъ итти разговляться ни къ кому изъ горожанъ, предпочитая остаться съ своими пріятелями—солдатами. И такъ какъ выбраться изъ церкви было сейчасъ трудно (въ этомъ году рѣдко кто ушелъ послѣ заутрени), Колька прижался въ уголокъ, да такъ и остался до конца обѣдни, уставившись своими голубыми глазами на образъ Спасителя, въ стеклѣ котораго отражались пестрые лампадные огоньки.

Понималъ ли онъ, что совершилъ подвигъ? Зналъ ли что, только, благодаря тому, что онъ разыскалъ и привелъ ближайшими, извѣстными ему лѣсными тропинками солдатъ, жители могли встрѣтить Свѣтлый праздникъ во храмѣ.

Врядъ ли...

Никакого отвѣта на это нельзя было прочесть въ ясныхъ очахъ мальчика. Въ нихъ свѣтилась какая то дѣтская безотчетная радость и весенняя надежда. Надежда на то, что скоро стаютъ послѣдніе снѣга и станетъ тепло, прилетятъ жаворонки, — и онъ уйдетъ въ свои лѣса, поля и просторные луга.

Ну, а ерманцы?

Ерманцевъ прогонятъ, какъ прогнали и сегодня!..

Арестантъ Ивановъ.

Сѣдой арестантъ поднялся съ наръ и подошелъ къ маленькому, дававшему скудный свѣтъ окошечку. До него было высоко, но, вставъ на нары и ухватившись рукой за желѣзные прутья, арестантъ могъ достать до него головой.

Гдѣ то въ городѣ былъ гулъ голосовъ. Казалось, что по улицамъ шло и спѣшило куда то съ криками множество народу.

— Ивановъ! — окликнули его изъ нижняго окна.

— Здѣсь! —отвѣтилъ сѣдой арестантъ.—Что тамъ такое?

— Нѣмцы пришли! — торжествующе отвѣтили снизу.

— Чему же ты радуешься, Шибковъ?—спросилъ Ивановъ и странное чувство на мигъ овладѣло его душой.

Уже четыре мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ мрачныя стѣны тюрьмы проникли первые слухи о войнѣ. Сначала, въ первые дни, оттуда, съ улицы, долетали радостные крики, пѣніе гимна, громкое раскатистое „ура". Какое ему, Иванову, было дѣло до этой радости, до войны—вообще до всей жизни, которая течетъ внѣ этихъ стѣнъ? Его жизнь—въ этой мрачной одиночной камерѣ, а въ будущемъ — другая тюрьма, другая камера съ рѣшетчатымъ окномъ, а далѣе—каторжныя работы. На много, много лѣтъ...

Уже семь мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ,

какъ закрылись за Ивановымъ стѣны тюрьмы. Развѣ только семь мѣсяцевъ, а не семь лѣтъ? Да нѣтъ, семь вѣчностей прошло съ того дня!...

Слухи о войнѣ и патріотическомъ подъемѣ всколыхнули даже мертвую трясину тюрьмы. Читались телеграммы, велись безконечные стратегическіе споры. Арестанты работали на воиновъ. Ивановъ не принималъ участія ни въ разговорахъ, ни въ работахъ. Тогда онъ находился еще въ общей камерѣ, его перевели въ одиночную съ мѣсяцъ тому назадъ.

Четыре мѣсяца прошло съ начала войны. И первый разъ за эти четыре мѣсяца всколыхнулось что то новое въ груди арестанта.

— Чему же ты радуешься, Шибковъ?—повторилъ свой вопросъ Ивановъ.

— Дуракъ — теперь же легко освободиться! Начальства нѣтъ, сторожа куда то разбѣжались. Теперь можно шумѣть — никто не услышитъ. Я давно замѣтилъ, что одинъ прутъ рѣшетки держится не совсѣмъ крѣпко. Попытаюсь выломать.

Ивановъ машинально попробовалъ всѣ прутья на своемъ окнѣ. Но они сидѣли всѣ плотно. . .

Начинало смеркаться. За окномъ было еще свѣтло, но въ углахъ камеры стали сгущаться тѣни.

Ивановъ боялся темноты. Дни еще были сносны, но страшны и жутки бывали черныя ночи, когда изъ каждаго угла выползали тѣни его преступленія.

Какъ это случилось?

Вѣдь почти всю жизнь—до пятидесяти лѣтъ — Ивановъ прожилъ такъ, какъ всѣ: работалъ и пилъ; отдыхалъ — и снова работалъ и пилъ. И,

какъ тысячи ему подобныхъ Ивановыхъ, проклиналъ свою жизнь и свой трудъ.

Пилъ и проклиналъ—и, чѣмъ больше пилъ—тѣмъ больше проклиналъ. И наконецъ, допился до той точки, за которой начинается черная бездна.

Давно уже въ умѣ его мелькала страшная мысль, но въ неясной, неосязательной формѣ. Особенно это случалось въ тѣ дни, когда онъ приходилъ въ дорогую, но сильно запущенную квартиру хозяина, принося ему деньги отъ жильцовъ. Хозяинъ цѣпкими пальцами пересчитывалъ рубли и рѣдкія золотыя монеты, и ругался послѣдними словами, если кто нибудь изъ подвальныхъ жильцовъ присылалъ только часть, прося подождать съ остальнымъ, а то и со всѣми деньгами нѣсколько дней...Хозяинъ ругался и смѣшно бѣгалъ по комнатѣ, такъ что развѣвались фалды его долгополаго—какъ носятъ еще въ городкахъ Польши евреи—сюртука. А дворникъ стоялъ передъ нимъ и думалъ о томъ, что завтра же, по приказанію хозяина, вынесетъ на дворъ изъ какой нибудь квартиры жалкую мебель. Дѣти будутъ кричать, женщины причитать, вытирая фартукомъ слезы... А мебель—мокнуть на осеннемъ дождѣ... Такія сцены повторялись часто — чуть ли не каждый мѣсяцъ.

Ивановъ втайнѣ жалѣлъ бѣдняковъ, которые осыпали его бранью или умоляли повременить вытаскивать мебель... Но хозяинъ приказалъ...Хозяинъ платилъ ему жалованье. Каморка его была теплая и чистая ...Работы не слишкомъ много... Впрочемъ въ душѣ Ивановъ ожесточался все больше и больше. Больше пилъ и проклиналъ свою жизнь. И особенно—вотъ такихъ богатыхъ и жадныхъ, какъ его хозяинъ.

Ночной сторожъ шепнулъ Назвалъ

именемъ то, что давно копошилось въ душѣ Иванова—на самомъ, самомъ ея днѣ...

И съ каждымъ днемъ мысль эта стала терять часть своего ужаса. Съ каждымъ днемъ таяли нравственныя препятствія.

И вотъ наступила ночь...

Все было, какъ сонъ. Пьянъ онъ былъ, очень пьянъ.

Вспоминаются только деньги — цѣлыя горы бумажекъ и золотыхъ монетъ, которыя годами копились въ сундучкѣ подъ кроватью.

Когда Иванова арестовали въ кабакѣ, онъ сознался во всемъ, разсказалъ, какія помнилъ, подробности преступленія. Сообщника его не поймали: умнѣе былъ.

Здѣсь, въ тюрьмѣ, въ темныя ночи, стала яснѣй вспоминаться картина. Но опять таки, какъ сонъ... И то, что безпокоило душу, было гдѣ то глубоко. Но больше, чѣмъ безпокойства совѣсти—было страха. Мучительнаго, животнаго страха—отъ котораго хотѣлось забиться въ самый дальній уголъ, прижаться къ полу лицомъ... Страха—увидѣть!

Равнодушно принялъ Ивановъ вѣсть о пятнадцатилѣтней каторгѣ. Онъ продолжалъ жить въ полуснѣ.

Если бы только не одиночная камера! Если бы не эти ужасныя ночи! Слышать человѣческій голосъ, видѣть людей!

По корридору раздались глухіе шаги. Кто то гремѣлъ замками. Жуткое напряженіе овладѣло арестантомъ. Наконецъ, щелкнулъ засовъ и у его двери и на порогѣ показался солдатъ въ незнакомой формѣ.

— Нѣмецъ! — сразу рѣшилъ Ивановъ. Солдатъ пригласилъ его жестомъ слѣдовать за собой.

Въ просторной пріемной находилось уже много арестантовъ. Тамъ же было нѣсколько германскихъ солдатъ и офицеръ. Послѣдній обратился къ арестантамъ съ рѣчью. Говорилъ онъ по русски плохо и неправильно, постоянно вставляя нѣмецкія слова. Но главное Ивановъ понялъ: ихъ отпускаютъ на свободу! Понялъ еще, что ждутъ отъ нихъ благодарности и какой то услуги. Ивановъ больше не слушалъ. Всѣ мысли его сосредоточились на моментѣ, когда ихъ выпустятъ на улицу.

Когда было позволено идти, арестанты бросились къ дверямъ, толкая другъ друга. У всѣхъ была одна и та же мысль:

— А вдругъ еще передумаютъ?

Холодный воздухъ непривычно охватилъ Иванова. Онъ остановился на перекресткѣ. Всѣ остальные арестанты свернули на большую улицу. Здѣсь, на углу, остался онъ одинъ. Кругомъ было совсѣмъ темно. Фонари не горѣли. Ни изъ одного окна не струилось луча свѣта. Мракъ и тишина царствовали повсюду. Только изрѣдка нарушало тишину ржанье лошадей и доносившійся откуда то хохотъ пьяныхъ.

Медленно шелъ Ивановъ по улицѣ, еще не вполнѣ понимая совершившагося факта.

Вѣдь онъ свободенъ!

Почему же не радуетъ его эта свобода, такъ неожиданно свалившаяся на него? Почему такая тяжесть давитъ его душу?

Ему вспомнились снова нѣмцы, и, самъ не зная почему, онъ сказалъ громко:

— Нѣмцы дураки!

Сказалъ — и самъ удивился.

На главной улицѣ во многихъ окнахъ былъ свѣтъ. Кое-гдѣ они были открыты и оттуда доносился пьяный хохотъ. Мелькала форма германскихъ солдатъ. Изъ одного такого окна послы-

шался рѣзкій женскій визгъ, заглушенный пьянымъ смѣхомъ.

— Черти! — равнодушно сказалъ Ивановъ.

И побрелъ знакомой дорогой. Къ дому, гдѣ прослужилъ дворникомъ восемь лѣтъ, гдѣ случилось „то"...

Мало народу попадалось по дорогѣ. Развѣ пьяные пруссаки, горланившіе пѣсни, да какія то темныя фигуры, боязливо жавшіяся къ заборамъ.

Въ темномъ узкомъ переулкѣ споткнулся онъ о что то мягкое и холодное. Ивановъ съ ужасомъ ощупалъ подъ собой человѣческую руку, еще чуть теплую, вскочилъ, и, не оглядываясь, пустился бѣжать, томимый ужаснымъ представленіемъ... Очнулся онъ только, когда наткнулся на какую то женщину, съ визгомъ шарахнувшуюся отъ него въ сторону,

---

Ивановъ оглядѣлся.

Онъ находился въ бѣднѣйшемъ кварталѣ города. Теперь онъ только замѣтилъ, что за рядомъ старыхъ домовъ полыхало зарево.

И жутко было видѣть этотъ безмолвно разгоравшійся свѣтъ, не сопровождаемый ни набатомъ, ни тягучимъ стономъ пожарной трубы.

Ивановъ направился на огонь. У двухъ горѣвшихъ домовъ суетилась небольшая кучка людей. Кое-кто выносилъ жалкую мебель, вродѣ той, какую Ивановъ, будучи дворникомъ, выбрасывалъ на дворъ по распоряженію хозяина... Другіе мрачно стояли поодаль.

— Пущай пропадаетъ!

Какіе то люди, ссорясь между собой, выносили товаръ изъ колоніальной лавки и тутъ же набивали себѣ въ карманъ. Съ удивленіемъ

Ивановъ узналъ выпущенныхъ вмѣстѣ съ нимъ арестантовъ.

— Что вы дѣлаете?—крикнулъ онъ—тушить бы надо, а они грабятъ!

— Къ чорту! — отвѣтилъ Шибковъ — нѣмцы позволили. Валяй братцы, вотъ бочка съ сельдями!

— Нѣмцы вы что ли некрещеные — возмутился Ивановъ — совѣсти въ васъ что ли нѣтъ?

— А у тебя то больно ея много! — при общемъ смѣхѣ отвѣтилъ Шибковъ — мы то не убивцы. А кто жида зарѣзалъ.

— Ну.... это не твоя печаль — мрачно откликнулся Ивановъ—А такъ нельзя. Нешто мы не русскіе, что нѣмцамъ въ руку играть будемъ, обижать своихъ? Побить бы ихъ, мерзавцевъ, надо, — вотъ было бы дѣло! Чаво они тутъ хозяйничаютъ, здѣсь Рассея, а не Нѣмецкая земля.

— Вѣрно! — пронеслось одобрительно въ толпѣ.

— Бей нѣмцевъ, братцы! — крикнулъ кто то нерѣшительно, но высокій рыжій еврей высунувшись изъ толпы, зашикалъ:

— Ой, будьте вы потише — господа офицеры могутъ услышать!

Предостереженіе было не лишнимъ. Къ толпѣ подходили три офицера. Они поговорили между собой, указывая на горѣвшій домъ, потомъ прошли равнодушно мимо.

Подошло нѣсколько солдатъ.

— Нѣмцевъ въ городѣ немного — сказалъ кто то.

— Вѣстимо, немного—отвѣтили изъ толпы.

— И половина пьяные... Сколько казенокъ разгромили...

—Ну?

—Вотъ те и ну—самъ видѣлъ... На Питерской и на Большой...

Настроеніе у всѣхъ было возбужденное.

Огонь охватывалъ теперь уже третій домъ. Пламя величественно разбѣгалось по крышамъ. Жильцы ведрами носили воду изъ ближайшаго колодца. Толпа стояла въ оцѣпенѣніи. Никто не помогалъ. Но и грабежъ пріостановился.

Карапузикъ лѣтъ четырехъ выбѣжалъ изъ толпы и, смѣшно растопыривъ ножки, остановился посреди улицы.

—Это солдаты, мама? — спрашивалъ онъ у красивой женщины, которая старалась его оттянуть,—нѣмецкіе солдаты, да?

Мать схватила ребенка, но онъ вырвался и подбѣжалъ къ одному изъ солдатъ, любопытно разглядывая его форму. Тотъ снисходительно погладилъ малыша по головѣ. Потомъ наклонился къ матери и что-то прошепталъ ей на ухо.—Подлецъ!—пробормотала она, вся вспыхнувъ. Но, нисколько не обезкураженный ея отпоромъ, нѣмецъ придвинулся къ ней ближе и грубовато обнялъ женщину. Она силилась освободиться. Нѣмцы ухмылялись. Толпа выжидательно молчала. И что-то жуткое было въ молчаніи этой толпы,на глазахъ которой безнаказанно оскорбляли женщину.

Ребенокъ, испугавшійся сначала, теперь замахалъ на солдата рученками, и, заплакавъ, кричалъ:

—Оставь мою маму... не трогай маму!

И, видя, что онъ безсиленъ, вцѣпился ногтями въ руку солдата, державшую женщину... Солдатъ вскрикнулъ отъ боли, и, какъ вещь, отшвырнулъ ребенка на мостовую. Мать закричала дикимъ голосомъ и бросилась къ упавшему ребенку. Онъ лежалъ безъ движенія на камняхъ мостовой, изъ головки его сочилась струйка крови.

Мать голосила. Толпа стояла въ зловѣщемъ молчаніи. Солдаты, испуганные неожиданнымъ исходомъ, повернулись, чтобы итти.

—Да что это—крикнулъ очнувшійея первымъ Ивановъ — а мы терпѣть будемъ? За что онъ дите то убилъ? Нѣмчура проклятая!... Братцы, бей нѣмцевъ!

— Бей нѣмцевъ! — пронеслось зловѣщимъ эхо въ толпѣ.

— Бей нѣмцевъ! —откликнулся сонный городъ.

Трещалъ огонь. Свистѣлъ, вырываясь клубами, дымъ. И , подъ дикіе крики толпы, совершался страшный самосудъ.

Горѣла теперь уже вся улица.

А толпа, съ ломами, дубинами, ухватами, топорами и молотками, опьянѣвшая отъ крови, ходила по улицамъ, уничтожая захваченнаго врасплохъ малочисленнаго непріятеля.

Уже разсвѣтало, когда Ивановъ, усталый, опьяненный, присѣлъ на порогъ покинутаго дома. Руки его были въ крови—но не былъ страшенъ видъ э т о й к р о в и. Въ душѣ его было чувство какого-то удовлетворенія,—чувство, найти которому названія онъ не могъ...

И было такъ легко, словно не было въ прошломъ той жуткой ночи и семи мѣсяцевъ сырой тюрьмы.

Въ душѣ зрѣли новыя силы. И въ очнувшемся отъ спячки мозгу сверлила одна мысль, заставлявшая часто-часто биться его сердце:

— Надо бить нѣмцевъ...

Нервы не выдержали.

Лейтенантъ фонъ Пирвицъ пользовался дурной славой среди солдатъ. Жестокостью германскаго солдата не удивишь, но лейтенантъ былъ несправедливо жестокъ и невѣроятно придирчивъ.

Среди офицеровъ онъ считался хорошимъ товарищемъ, а начальство цѣнило его за выдающуюся храбрость. Не ставя свою жизнь ни въ грошъ, безпечно рискуя жизнью подчиненныхъ, лейтенантъ предпринималъ безразсудно смѣлыя развѣдки—и всегда очень удачно.

Фонъ Пирвицъ былъ заправскій пьяница и въ пьяномъ видѣ былъ несносенъ. Обижался на каждый пустякъ, придирался ко всякому случайному слову, грубилъ начальству и любую минуту готовъ былъ затѣять скандалъ. Но ему многое — если не все—прощалось за его выдающіяся боевыя заслуги.

Онъ былъ очень хвастливъ, какъ въ пьяномъ, такъ даже и въ трезвомъ видѣ, но его разсказы, какъ бы чудовищно невѣроятны они ни были, всегда носили отпечатокъ остроумія, и за это ихъ любили слушать товарищи офицеры. Одинъ разсказъ особенно нравился всѣмъ и сталъ потомъ даже ходячимъ анекдотомъ: какъ лейтенантъ фонъ Пирвицъ съ тремя нижними чинами бралъ штурмомъ женскую баню. Было, дѣйствительно, нѣчто

подобное, когда полкъ стоялъ на западномъ фронтѣ, но отъ частаго повторенія, въ новыхъ и новыхъ варіаціяхъ, зерно истины давно затерялось среди фантастическихъ и пикантныхъ подробностей...

Фонъ Пирвицъ могъ болтать безъ устали. Поэтому немало удивлены были его товарищи, когда замѣтили въ немъ перемѣну. Пирвицъ сталъ держаться въ сторонѣ отъ другихъ офицеровъ, и молчалъ—совершенно невѣроятно—даже за рюмкой вина.

—Фонъ Пирвицъ скучаетъ по родинѣ!—дразнили его офицеры.

—Фонъ Пирвицъ соскучился по своей невѣстѣ.

—Лейтенантъ влюбленъ!

Но Пирвицъ только отмахивался отъ товарищей, какъ отъ назойливыхъ мухъ, словно истратилъ навсегда свой запасъ разсказовъ и анекдотовъ. Онъ часто сидѣлъ гдѣ нибудь одинъ. Въ такую минуту засталъ его разъ докторъ Мейеръ, и, поймавъ за рукавъ, сказалъ;

—Лейтенантъ, вы больны.

Но Пирвицъ отвѣтилъ какой то рѣзкостью и ушелъ.

Докторъ Мейеръ былъ человѣкъ старомодный. Онъ любилъ Гете, котораго ставилъ выше всѣхъ писателей—современныхъ и классиковъ,—интересовался философіей, и относился очень скептически къ назрѣвавшему идеалу Германіи „желѣзо-бетонной". Любилъ своего кайзера, былъ хорошій патріотъ, но въ душѣ его жила смутная тревога за будущее его горячо любимой родины. Когда стали извѣстны факты разрушенія Лувена и Реймса, когда доходили робкіе слухи о жестокостяхъ, творимыхъ его соотечественниками, докторъ грустно качалъ головой и бормоталъ:

—Пожалѣютъ, охъ, пожалѣютъ.

И чѣмъ чаще доходила до него придушенная молва, тѣмъ ласковѣе обращался онъ съ ранеными плѣнными и требовалъ того же отъ сестеръ.

Надъ докторомъ въ полку подсмѣивались, но и любили его тамъ всѣ, начиная отъ командира и кончая послѣднимъ солдатомъ.

Фонъ Пирвицъ скоро раскаялся, что сказалъ доктору рѣзкость, и на другой же вечеръ пришелъ къ нему въ комнату. Полкъ стоялъ сейчасъ на отдыхѣ въ небольшой курляндской деревушкѣ. Офицеры жили въ большомъ помѣщичьемъ домѣ —„замкѣ", какъ называли его окрестные крестьяне.

— Ну-съ, лейтенантъ, вытряхайте передо мной свое сердце — ласково потрепавъ офицера по плечу, началъ докторъ.—Итакъ, давайте пульсъ и докладывайте, что и гдѣ у васъ болитъ.

— Стыдно сознаться, докторъ, но у меня ужасно шалятъ нервы. Я страдаю галлюцинаціями.

— Пьете вы, милый, много, вотъ что.

— Ахъ, что тамъ — пью, всѣ пьютъ, не въ этомъ дѣло...

— Можетъ быть, нюхаете?

Лейтенантъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ. Придется разсказать вамъ всю эту глупую исторію... Не хотѣлось бы, ну, да вѣдь вы—врачъ...

Помните, съ мѣсяцъ тому назадъ, — нѣтъ, больше, еще тепло было — отбили мы у наступавшаго непріятеля обозъ и санитарный отрядъ. А на утро приказано намъ было оставить все и отступать. Ну, помните? Ахъ, да вѣдь васъ тогда съ нами не было... Ну, все равно... Было это въ маленькой деревушкѣ. Вся она была разрушена снарядами — разъ пять переходила изъ рукъ въ руки. Остался одинъ пивоваренный заводъ,

каменное зданіе съ различными пристройками. Забрались мы на этотъ заводъ, нашли тамъ массу пива и устроили вечеромъ такой кутежъ, что только держись...

Ну и рѣшили, что безъ женщинъ скучно...

— Достань дѣвочекъ, это по твоей части, фонъ Пирвицъ,—говорятъ мнѣ. — Помнишь, какъ ты баню штурмомъ бралъ...

А гдѣ же я достану — если не только бабы — курицы ни единой въ деревнѣ не осталось... Въ одномъ подвалѣ нашли только парочку, старика и старуху, лѣтъ по восьмидесяти штука... —Не угодно ли?—говорю—чортъ и тотъ мухъ глотаетъ, когда нечего жрать... И вдругъ, какъ это бываетъ, осѣнило меня: „Да вѣдь у насъ есть добыча—сестры милосердія!"

Всѣ поддержали мою мысль, только командиръ заупрямился.

— Нельзя—говоритъ—непріятности могутъ выйти съ международнымъ Краснымъ Крестомъ... И такъ на насъ, германцевъ, всѣхъ собакъ вѣшаютъ...

Но мы его живо переубѣдили: обѣщали обращаться съ ними, какъ съ дамами своего круга. Пусть же поужинаютъ съ нами—что за бѣда... И имъ тамъ скучно однѣмъ...

Отправились мы за ними въ боковой флигель. Ихъ было всего четыре. Двѣ такія молоденькія, точно со школьной скамьи, жались другъ къ дружкѣ... Третья была немолода. Четвертая (лейтенантъ остановился, словно прогоняя непріятное воспоминаніе), четвертая была очень красива... Высокаго роста. Пышная брюнетка. Глаза... Фу, какіе глаза! Злые, презлые... Не знаю, какъ чувствовали себя раненые, когда она смотрѣла на нихъ своими черными глазищами...

Онѣ молча послѣдовали за нами. Одна изъ младшихъ тихо всхлипывала. Ну, за столомъ раз-

веселились. Мы ихъ усердно угощали, подливали пива. Молоденькія стали смѣяться. Долго ли имъ опьянѣть... Одно досадно, ни одна не знала нѣмецкаго языка, кромѣ старой. Одинъ изъ насъ зналъ сносно по русски. Я сталъ пускать въ ходъ свое знаніе французскаго языка.

Моя дама (за блестящую идею я имѣлъ право выбора) сидѣла, какъ статуя, почти ничего не ѣла, а пива не взяла въ ротъ, несмотря на всѣ мои уговоры. Это начинало меня бѣсить.

Мы здорово перепились въ тотъ вечеръ: ясно, что было не одно только пиво... Когда все было выпито и съѣдено, лейтенантъ Реймеръ сказалъ, подмигивая намъ:

— Господа, надо проводить нашихъ дамъ!

Командиръ, совершенно осовѣвшій, поднялъ голову и пробормоталъ:

— Господа, не забудьте, о чемъ я просилъ!

— Не забудемъ, не забудемъ — со смѣхомъ отвѣчали мы.

Въ правомъ флигелѣ фабрики были расположены квартиры служащихъ. Мы еще днемъ присмотрѣли себѣ тамъ, что получше. Комнатки, наименѣе пострадавшія отъ бомбардировки.

Сестры помѣщались въ лѣвомъ флигелѣ. Но въ темнотѣ развѣ могли онѣ разобрать, куда ихъ вели?

У меня была прелестная комнатка—турецкая гостиная. Оригинальная мебель, ковры. Должно быть, она принадлежала къ квартирѣ директора. Я хотѣлъ зажечь электричество. Но провода, очевидно, были повреждены. Пришлось зажечь свѣчу — хорошо еще, что она была... Сестра оглядѣлась вокругъ и молча сѣла въ кресло. А я стоялъ предъ ней и, какъ дуракъ, смотрѣлъ въ ея злые глаза. И прочелъ въ нихъ, какъ мнѣ казалось, какое то поощреніе.

— Отпустите меня — сказала она на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ — отведите меня къ другимъ сестрамъ.

Я отвѣтилъ ей какой то пошлостью, которая показалась мнѣ тогда очень остроумной.

— Подлецъ—пробормотала она.

— Ахъ, подлецъ—ну погоди!

Я вскочилъ и со смѣхомъ сталъ цѣловать ее въ губы. Я очень силенъ, но женщина была такъ ловка, такъ извивалась, кусалась и царапалась, что я буквально не могъ съ ней сладить. Но, чѣмъ больше вырывалась она, тѣмъ больше нравилась мнѣ эта дикая кошка и тѣмъ сильнѣе становилась желаніе. Наконецъ, она устала сопротивляться. Руки безсильно свѣсились внизъ. Со слабымъ стономъ (кажется, я сдѣлалъ ей больно) она откинулась назадъ.

Я торжествовалъ побѣду, и жадными губами прильнулъ къ ея полуоткрытой груди. Я выпустилъ ея руку, но она, собравъ послѣднія силы, изо всей мочи ударила меня по лицу крикнувъ:

— Негодяй!

— Негодяй! — ты отвѣтишь мнѣ и за негодяя, и за пощечину, русская дрянь! — прохрипѣлъ я — ударить по лицу офицера германской арміи!

И въ бѣшенствѣ я сжалъ, какъ въ тискахъ, ея бѣлую шею...

Что было дальше — не помню. Одна картина запечатлѣлась въ моей памяти — это пробужденіе. Сѣрый разсвѣтъ, пробирающійся въ окно. Я лежу на турецкомъ диванѣ, и рядомъ со мной она. Вставая, задѣлъ нечаянно ея руку — прикоснулся, точно ко льду. А изъ открытыхъ глазъ смотрѣла на меня та же ненависть, что и наканунѣ. Изъ открытыхъ стеклянныхъ глазъ...

Въ двери постучали. Было получено распоряженіе выступать. Я заперъ комнату на ключъ, чтобы никто не наткнулся на мертвую и вышелъ къ товарищамъ.

Потомъ были жаркіе бои. Дни бѣжали, какъ въ лихорадкѣ. Я не вспоминалъ болѣе случая на фабрикѣ, а если иногда и проскальзывало гдѣ то въ мозгу воспоминаніе, то это было какъ далекій сонъ...

Но съ тѣхъ поръ, какъ мы стоимъ здѣсь, я вижу ее каждую ночь.

Лейтенантъ замолчалъ, нервно закуривая новую папироску.

— Значитъ, вы каждую ночь видите ее во снѣ? — спросилъ докторъ, напряженно слушавшій разсказъ офицера. О, какъ хотѣлось ему, чтобы Пирвицъ отвѣтилъ: „да" !

Но лейтенантъ сказалъ: „Нѣтъ"

— Нѣтъ, не во снѣ, наяву... не смотрите на меня такъ, докторъ, я знаю, что говорю... Я всегда спалъ, какъ сурокъ... Въ полѣ, на лагерной стоянкѣ, въ траншеяхъ — какъ завалюсь, такъ и храплю — пока не разбудятъ... А здѣсь вотъ спать не могу. Какъ бы пьянъ я ни былъ,— подремлю съ полчаса, проснусь и жду... потому что знаю: она придетъ. Обыкновенно она приходитъ на разсвѣтѣ. Иногда и глухой ночью. И, хотя бы я крѣпко, крѣпко стиснулъ вѣки, закрылъ голову одѣяломъ — я чувствую, что она смотритъ на меня. Стоитъ и смотритъ. Молча. Потомъ пропадетъ. И я не могу послѣ уснуть уже ни на минуту. Докторъ, вѣдь это же невыносимо. Вылѣчите меня!

— Лейтенантъ, я врачъ. Скажите же мнѣ правду: вы не нюхаете?

И опять Мейеру хотѣлось, чтобы Пирвицъ сказалъ: „да“

Но онъ только энергично покачалъ головой.

— Тогда вы слишкомъ много пьете. Старайтесь пить меньше. И, главное, возьмите себя въ руки. Вѣдь не баба же вы въ самомъ дѣлѣ, а офицеръ. Убѣждайте себя, ложась въ постель, что она не можетъ придти. Вѣдь это абсурдъ. А если все таки увидите — подойдите къ тому мѣсту, гдѣ вамъ почудилось, дотроньтесь, что ли, руками... Увидите, что ничего нѣтъ... Однимъ словомъ — двигайтесь, не лежите безпомощно, и, главное, не настраивайте себя на этотъ ладъ.

— Я пробовалъ уже, докторъ...

— Пробуйте еще... Я вамъ дамъ порошки— принимайте, ложась спать, а главное — старайтесь не думать объ этомъ...

Фонъ Пирвицъ поблагодарилъ и вышелъ изъ комнаты.

А докторъ долго еще сидѣлъ такъ, какъ оставилъ его лейтенантъ, и тупо смотрѣлъ въ одну точку. То, что до сихъ поръ туманно и неясно ощущала его душа, тѣ черные слухи, которые, въ силу ихъ чудовищности, гналъ отъ себя докторъ, — все стало живой дѣйствительностью.

— Вотъ онъ, одинъ изъ звѣрей, о которыхъ кричатъ противники... Ну а если это—не единичкый случай? Если ихъ, дѣйствительно, такъ много, какъ пишутъ англійскія газеты?

На разсвѣтѣ изъ комнаты фонъ Пирвица послышались выстрѣлы и крики. Проснувшіеся офицеры столпились у дверей, но никто не рѣшался войти. Пирвицъ бѣгалъ съ револьверомъ въ рукахъ и кричалъ:

— Не подходите!

Съ большимъ трудомъ удалось его обезоружить и уложить въ постель.

На другой день Пирвицъ вышелъ только къ обѣду (было приказано его не будить), блѣдный, съ громадными синяками подъ воспаленными, бѣгающими глазами. Всѣмъ было неловко, избѣгали даже смотрѣть на лейтенанта, и когда Реймеръ, недолюбливавшій Пирвица, попробовалъ было заикнуться о вчерашнемъ, докторъ сдѣлалъ ему знакъ.

Вечеромъ всѣ собрались въ уютной гостиной, гдѣ въ каминѣ горѣли дрова. Фонъ Пирвица не было, и, естественно, что разговоръ коснулся ночной исторіи.

— Допился до галлюцинацій!—рѣшили всѣ, понявшіе изъ несвязныхъ выкриковъ лейтенанта, что онъ кого то видѣлъ.

— Да, начало бѣлой горячки—откликнулся докторъ.

— Онъ увидѣлъ, навѣрное, родовое привидѣніе этого замка — сказалъ Реймеръ — вѣдь въ каждомъ приличномъ замкѣ есть свое родовое привидѣніе... Надо разспросить Индрика, онъ, навѣрное, разскажетъ намъ цѣлую легенду...

— Серьезно, позовемъ его — сидѣть такъ скучно...

Послали за старымъ-престарымъ слугой, единственнымъ живымъ существомъ, которое при своемъ вступленіи въ замокъ нашли германцы. Индрикъ сначала робѣлъ, но послѣ второго стакана, поднесеннаго ему офицерами, сталъ словоохотливо разсказывать о славномъ родѣ балтійскихъ рыцарей фонъ Реке, которые три столѣтія, если не больше, владѣли этимъ замкомъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда послѣдній отпрыскъ рода фонъ Реке прокутилъ свое имѣніе, и безъ того доведенное послѣдними владѣльцами до разоренія, его пріобрѣлъ латышъ адвокатъ Преде.

Индрикъ разсказывалъ, какъ всѣ старики, многословно и подробно. Интереснаго въ его разсказѣ было мало и офицеры, послѣ того, какъ онъ окончилъ о рыцарскомъ родѣ, почти перестали его слушать. Только, когда старикъ упомянулъ про дочерей адвоката, Реймеръ разсѣянно спросилъ:

— Хорошенькія?

— Красавицы — убѣжденно отвѣтилъ Индрикъ — да вотъ я покажу вамъ портретъ старшей, фрейлейнъ Лиліи — сами убѣдитесь.

Съ этими словами Индрикъ полѣзъ было на стулъ, чтобы отдернуть кисею, закрывавшую портретъ надъ роялью, но Реймеръ опередилъ его и быстро открылъ картину. На него глянуло очень красивое и серьезное женское лицо съ большими лучистыми глазами.

Дикій крикъ нарушилъ тишину. И лейтенантъ фонъ Пирвицъ, вошедшій незамѣченный никѣмъ, выбѣжалъ въ корридоръ со словами:

— Она, она!

Офицеры обступили Индрика, желая узнать, что случилось съ дочерью адвоката, и почему она „стала привидѣніемъ". Но Индрикъ очень разсердился на вопросы и отвѣчалъ, что барышня съ самаго начала войны ушла въ сестры милосердія и, насколько ему извѣстно, жива и здорова и до сихъ поръ.

Разочарованные офицеры отпустили Индрика. Но въ корридорѣ преградилъ ему дорогу Пирвицъ.

— Возьми! — сказалъ онъ, бросая бумажку — и скажи мнѣ чистую правду — когда ты видѣлъ въ послѣдній разъ старшую барышню?

— Вотъ, далась имъ фрейлейнъ Лилія — подумалъ старикъ. — Я точно не помню. Кажется, въ прошломъ сентябрѣ, когда она пріѣзжала проститься съ родными передъ отъѣздомъ на позиціи.

— А больше ты ее не видѣлъ? Теперь?

Лицо офицера выразило напряженное ожиданіе.

— Богъ съ вами, господинъ офицеръ—какъ я могу ее видѣть — вѣдь она на фронтѣ!

— А я ее вижу — прошепталъ Пирвицъ — понизивъ голосъ—вижу каждую ночь... въ своей комнатѣ...

— Господинъ офицеръ занимаетъ комнату фрейлейнъ Лиліи — ежась, отвѣтилъ Индрикъ. Видно было, что ему стало не по себѣ.

Внезапно лейтенантъ обернулся—какъ оборачивается человѣкъ, котораго кто нибудь тронулъ. Дикій ужасъ отразился въ его безцвѣтныхъ глазахъ. Не отрываясь, смотрѣлъ онъ въ дальній уголъ длиннаго корридора, гдѣ шла какая то свѣтлая женская фигура. Вышла изъ темной залы, прошла шага четыре и скрылась въ комнатѣ Пирвица...

Лейтенантъ громко застоналъ и опустился на колѣни... Когда выбѣжали офицеры, они застали Индрика хлопочущимъ надъ бившимся въ истерикѣ Пирвицомъ.

Его уложили въ постель и докторъ Мейеръ просидѣлъ у изголовья больного до разсвѣта. Но вторая безсонная ночь давала себя чувствовать и старичекъ началъ дремать. И вотъ, когда въ комнатѣ стало уже почти свѣтло, показалось ему, что отворилась дверь и вошла сестра милосердія.

— Пришли меня смѣнить, сестрица?—разсѣянно въ полуснѣ сказалъ докторъ. Она не отвѣтила, и молча подошла къ постели. И теперь докторъ ясно различилъ ея взглядъ— полный такой злобы, такой ненависти, что ему стало какъ то не по себѣ. Фонъ Пирвицъ поднялся въ постели и закрылъ лицо руками.

— Докторъ! — простоналъ онъ — докторъ, спасите!

Докторъ очнулся окончательно и бросился къ больному.

— Докторъ, и вы ее видѣли? Не отрицайте: я замѣтилъ, какими глазами вы смотрѣли въ ту сторону,..

Докторъ оглянулся. Въ комнатѣ, кромѣ нихъ, никого не было. Только блѣдныя разсвѣтныя тѣни скользили по полу и стѣнамъ.

— Докторъ, я хотѣлъ броситься къ ней—и не могъ... Хотѣлъ броситься и задушить... Ей мало одного раза... Ее надо душить десятки разъ—у нея десятки жизней... Я ее задушу, докторъ...

И, какъ клещами, впился Пирвицъ въ руку Мейера, крича:

— Задушу, задушу!

— Такъ вы говорите, докторъ — признаки буйнаго помѣшательства? И необходимо отправить первымъ санитарнымъ поѣздомъ въ Германію? Очень, очень жаль—отличный былъ солдатъ... Такихъ поискать надо... И вы думаете —это безнадежно?

— Я не психіатръ, господинъ полковникъ, но думаю—ему врядъ ли можно будетъ помочь...

— Очень жаль, очень жаль, докторъ...

Когда докторъ возвращался отъ полковника, ему было очень грустно.

— Вотъ, этотъ не выдержалъ...—думалъ онъ —нервы сплоховали... А тѣ, которые вернутся домой, къ своимъ семьямъ? Послѣ того, что сдѣлали? Вѣдь не одинъ онъ такой... Ихъ десятки... Можетъ быть, сотни... И послѣ всѣхъ ужасовъ вернутся они къ своимъ очагамъ...

Какъ и чѣмъ будутъ они жить?

Какъ будутъ воспитывать дѣтей, новое поколѣніе Германіи?

И страшно стало доктору за будущее его любимой родины, и казалось оно ему такимъ же безпросвѣтнымъ, какъ этотъ сентябрьскій плаксивый день...

Полковникъ Рейсъ.

Жуткая, непонятная тяжесть лежала надъ городомъ.

Уже одинъ видъ мокрыхъ, блестящихъ крышъ и тротуаровъ и скользившихъ по грязнымъ стѣнамъ капель нагонялъ безотчетную тоску.

И только зеленыя деревья, слегка дрожавшія подъ напоромъ рѣзкаго вѣтра, говорили о томъ, что еще не осень холодная — а лѣто.

Но какъ то не вѣрилось этому.

Было воскресное утро. Но нигдѣ не раздавалось звона православныхъ церквей, не слыхать было монотонныхъ колоколовъ кирхъ и костеловъ. Не спѣшили съ изящными молитвенниками въ рукахъ дѣвушки, не возвращались отъ ранней обѣдни благообразныя старушки.

На улицахъ было тихо и пустынно. И отъ этой тишины и пустоты становилось еще грустнѣе.

Рѣдкіе прохожіе вглядывались другъ въ друга, словно желая прочесть безмолвный отвѣтъ на тотъ вопросъ, который лежалъ на душѣ у каждаго. Вглядывались — и быстро шли дальше...

Городъ находился въ непосредственной опасности, прекрасный большой городъ со стильными каменными домами, утопавшими въ морѣ зелени,

съ прекрасной гаванью, съ большими многочисленными заводами.

Все, что могло принести пользу врагу, вывозилось отсюда уже давно.

Замолчали фабричные гудки. Онѣмѣли церковныя колокольни. Закрылись богатые магазины. Порѣдѣла толпа. Городъ погрузился во мракъ — потому что запрещено было зажигать свѣтъ.

И въ этомъ жуткомъ мракѣ шевелились, двигались и росли до чудовищныхъ размѣровъ вѣсти о приближеніи врага.

Непріятель вступилъ въ городъ около полудня.

Усилившійся дождь съ ожесточеніемъ хлесталъ въ лицо побѣдителямъ — безъ боя вступавшимъ въ городъ. Крупныя капли стучали по мѣднымъ каскамъ, стекали за воротникъ и заставляли солдатъ ежиться. Вѣтеръ развѣвалъ мокрые хвосты лошадей и безпощадно трепалъ бѣло-черно-красные флаги, которыми часть жителей поспѣшила украсить свои дома.

А изъ оконъ домовъ, не украшенныхъ флагами, изъ за гардинъ, штор и занавѣсокъ смотрѣли на незваныхъ гостей испуганные женскіе глаза или мрачныя лица мужчинъ...

— Боже мой, Боже мой! — шепчетъ съ тоской очень блѣдная молодая дѣвушка, прижимаясь къ стеклу горячимъ лбомъ.

— Вѣрочка! — зовутъ изъ сосѣдней комнаты. Дѣвушка идетъ туда. Въ полутемной спальнѣ душно. Пахнетъ лекарствами. Съ постели приподнимается блѣдное лицо. Слабый голосъ спрашиваетъ:

— Это солдаты поютъ?

— Солдаты.

— Поютъ—значитъ, врага отбили?

— Отбили, мамочка.

Дѣвушка упорно смотритъ себѣ подъ ноги.

— Ну, слава Богу, слава Богу!

Желтая тонкая рука поднимается, чтобы совершить крестное знаменіе..

Вѣра не выдерживаетъ и выходитъ изъ комнаты. На порогѣ сталкивается съ отцомъ.

— Какъ это обидно, папа! — шепчетъ она сквозь невольно брызнувшія слезы — и маму жаль... Вѣдь нельзя же ей сказать...

Дѣвушка беззвучно плачетъ, прислонившись къ плечу отца...

Когда началась война и всю Россію охватилъ общій порывъ, Вѣра Штейнъ страстно порывалась сдѣлать что нибудь для родины. Забыта была на время манившая еще такъ недавно сцена. У нея находили талантъ... Не кто нибудь, а люди съ именами... Теперь драматическіе курсы, наполнявшіе еще такъ недавно всѣ ея мечты, замѣнились курсами сестеръ... Теперь въ ея мечтахъ мелькалъ длинный рядъ коекъ съ блѣдными, изможденными лицами...

Хотѣлось, впрочемъ, не этого, а чего то другого: какого нибудь яркаго и большого подвига... Но Вѣра превозмогла себя и пошла въ сестры... Трудно было ей, избалованной и упрямой, привыкать къ тяжелому труду, къ виду страшныхъ ранъ, къ спертому воздуху палатъ, гдѣ приходилось дежурить, къ стонамъ раненыхъ. Но была сила воли — и Вѣра превозмогла себя и кончила курсы одной изъ первыхъ.

Тутъ было получено извѣстіе о смерти брата, павшаго въ бою. А черезъ два мѣсяца — о смерти второго... Мать не выдержала этого двойного потрясенія, и застарѣлая болѣзнь стала развиваться съ необычайной быстротой. И Вѣра,

похоронивъ мечты о широкой помощи раненымъ, отложивъ на время поступленіе въ лазаретъ, примѣнила только что пріобрѣтенныя познанія къ уходу за тяжело больной. Она отдавала заботамъ о матери все свое время. Но это ее не удовлетворяло. Ей вće казалось, что нельзя теперь жить для кого нибудь одного, близкаго, когда страдаютъ всѣ, страдаютъ тѣ незнакомые, далекіе, которые должны стать самыми близкими, самыми родными...

Но вѣдь мать ни за что не согласилась бы ее отпустить... Ей казалось, что отпусти она на войну и Вѣру — она лишиться и ея, какъ лишалась обоихъ сыновей... А волновать мать сейчасъ было невозможно...

Когда Вѣрѣ удавалось урвать минутку, чтобы забѣжать въ лазаретъ, гдѣ работали ея подруги, окончившія вмѣстѣ съ ней, и она проходила между коекъ — ей становилось безконечно грустно, даже стыдно, что она не съ ними...

– Вотъ, поправится мама, тогда и я приду сюда — утѣшала себя дѣвушка.

Но болѣзнь затягивалась и затягивалась...

Поздно вечеромъ у дверей раздался властный звонокъ.

Прислуга, открывшая дверь, взвизгнула и бросилась въ комнату съ крикомъ:

— Баринъ, нѣмцы!

Вошли три щеголевато одѣтыхъ офицера. Отецъ Вѣры пригласилъ ихъ въ гостиную. Одинъ изъ нихъ, некрасивый и рябой толстякъ, обратился къ нему вѣжливо съ просьбой уступить три комнаты. Говорилось это вѣжливо — но все же это было приказаніе.

— Я вамъ могу дать только двѣ — глухо

отвѣтилъ хозяинъ — тамъ у меня больная жена... Тяжело больная...

— Намъ нужно три — заявилъ второй, фатоватый блондинъ, но третій, интересный брюнетъ, замѣтилъ:

— Ничего, обойдемся и двумя...

Вечеромъ больной стало хуже. Казалось, начинается уже агонія.

Мужъ пошелъ искать доктора. Извозчиковъ не было. Пришлось итти пѣшкомъ. На улицахъ ксе гдѣ была иллюминація. Всѣ кино и кафэ были открыты и ярко освѣщены. Всюду виднѣлась форма германскихъ офицеровъ. И такъ дико было Штейну итти среди этого блеска со своимъ двойнымъ горемъ...

А дома, въ столовой, сидѣли за ужиномъ офицеры. Было изрядно выпито и рябой толстякъ, разстегнувшись и устроившись поуютнѣе на диванѣ, затянулъ старинную нѣмецкую пѣсню:

Morgenrot, Morgenrot,
Leuchtest mir zu frühem Tod...

Блондинъ сталъ подпѣвать теноромъ пріятнаго тембра. Старая пѣсня о грустной долѣ солдата заставила очнуться и задумавшагося брюнета. Сочный баритонъ подхватилъ:

Bald wird die Trompete blasen,
Dann muss ich mein Leben lassen,
Ich und mancher Kamerad...

Протяжные звуки пѣсни разливались по квартирѣ. Дверь пріоткрылась. Вѣра нерѣшительно остановилась на порогѣ. Ея фигура, беззвучно появившаяся изъ темноты, выдѣлилась на фонѣ чернаго корридора. Первымъ замѣтилъ ее блондинъ и вскочилъ, галантно раскланявшись и оборвавъ пѣсню на полусловѣ. Замолчали и осталь-

ные. А Вѣра, оправившись отъ перваго смущенія, сказала тихо, но твердо:

— Я убѣдительно просила бы васъ, господа, не пѣть — моя мать умираетъ...

— Что съ вашей мамашей? — спросилъ рябой — я врачъ.

— Пройдите къ ней, докторъ! — сказалъ повелительно брюнетъ и, обратясь къ Вѣрѣ, прибавилъ:

— Мы больше не будемъ безпокоить вашу мамашу, фрейлейнъ. Прошу насъ извинить — вѣдь мы не знали...

Минутъ черезъ десять докторъ вернулся.

— Ну? — спросилъ блондинъ.

— Умираетъ — лаконически отвѣтилъ докторъ, наливая себѣ стаканъ вина, и сѣлъ къ столу.

— Хорошенькая дѣвочка — замѣтилъ блондинъ.

— Отецъ нѣмецъ, мать — русская — сказалъ докторъ.

— Но въ общемъ — скорѣе нѣмецкій, чѣмъ русскій домъ — сказалъ блондинъ, оглядываясь по сторонамъ на уютную обстановку.

— Такъ и ведите себя, какъ въ приличномъ нѣмецкомъ домѣ — холодно бросилъ брюнетъ.

Его звали полковникъ Рейсъ.

Г-жа Штейнъ умерла въ ту же ночь. Вѣра не плакала, не жаловалась, а какъ то окаменѣла въ своемъ горѣ.

Штейнъ былъ совсѣмъ разбитъ. Гибель сыновей, убитыхъ на фронтѣ, смерть горячо любимой жены, занятіе непріятелемъ роднoго города (Штейнъ былъ нѣмцемъ только по фамиліи) — все это какъ то совсѣмъ пригнуло къ землѣ

этого слабовольнаго человѣка. Онъ часто цѣлыми днями просиживалъ на кладбищѣ, ходилъ постоянно въ церковь и какъ то совсѣмъ не интересовался тѣмъ, что происходитъ у него дома.

Полковникъ Рейсъ, занимавшій гостиную, бывалъ дома рѣдко. Два другихъ, докторъ и блондинъ, поселившіеся въ столовой, много пьянствовали, а по вечерамъ къ нимъ зачастую собирались товарищи играть въ карты. Изъ разговоровъ офицеровъ, не стѣснявшихся громко бесѣдовать о своихъ дѣлахъ, Вѣра скоро, черезъ тонкую стѣнку, узнала, что полковникъ Рейсъ былъ правой рукой начальника штаба генерала Б., но, по какимъ то своимъ соображеніямъ, не хочетъ жить въ роскошныхъ штабныхъ помѣщеніяхъ, отведенныхъ въ „домѣ дворянства". Штейнъ не интересовался своими постояльцами совершенно и даже не зналъ ихъ фамилій.

Ему было извѣстно, что Вѣра горячо ненавидитъ нѣмцевъ и что ненависть эта прямо болѣзненно обострилась послѣ того, какъ былъ убитъ ея любимецъ, второй братъ, Коля. И потому былъ немало удивленъ, когда разъ вечеромъ, придя домой, услышалъ голосъ Вѣры изъ комнаты, гдѣ обиталъ полковникъ. Теперь, какъ сквозь сонъ, онъ вспомнилъ, что раза два видѣлъ, какъ Вѣра разговаривала съ Рейсомъ и ранѣе. Штейнъ рѣшилъ объясниться съ дочерью, но когда она вышла отъ полковника, со странно блестѣвшими глазами, смотрѣвшими прямо на него, но словно ничего не видѣвшими — онъ покачалъ только головой, и молча прошелъ къ себѣ.

Съ этого дня у Штейна открылись глаза на то, мимо чего онъ долго проходилъ безъ вниманія, ослѣпленный своимъ горемъ. Сталъ замѣчать взгляды, которыми полковникъ прово-

жалъ его дочь. Видѣлъ, что Вѣра находитъ различные предлоги, чтобы входить въ комнату Рейса.

Онъ рѣшилъ бывать больше дома...

———

Штейнъ привыкъ вѣрить дочери, унаслѣдовавшей отъ него какую то прямолинейную — нѣмецкую — честность. Онъ не сказалъ бы ничего, каковъ бы ни оказался выборъ Вѣры. Но ея ненависть къ нѣмцамъ — и германскій офицеръ? Онъ не понималъ дочери...

Штейнъ твердо рѣшилъ объясниться съ Вѣрой, но, по слабости характера, откладывалъ объясненіе со дня на день...

Однажды вечеромъ, вернувшись домой, онъ услышалъ еще на улицѣ звуки піанино и голосъ Вѣры, пѣвшій его любимую пѣсню.

Онъ пѣлъ эту пѣсню въ молодости, пѣлъ, когда былъ еще женихомъ Вѣриной матери... И звуки эти настраивали его всегда грустно... Вѣра не пѣла уже давно, но Штейнъ не могъ не узнать ея серебристаго сопрано:

. . . Seit jener Stunde verzehrt sich mein Leib,
Die Seele stirbt vor Sehnen —
Mich hat das unglückselige Weib
Vergiftet mir ihren Trânen.

Штейнъ неслышно открылъ дверь гостиной. Заглянулъ. Вѣра кончила пѣть и сидѣла за піанино, опустивъ голову на руки. А полковникъ стоялъ за ней и молча цѣловалъ ея шейку...

— Вѣра! — рѣзко позвалъ отецъ.

Она вышла къ нему. Глаза ея были такіе же ясные, какъ всегда, и она смотрѣла на отца попрежнему открыто.

— Вѣра, что ты дѣлаешь?

Голосъ Штейна сталъ какимъ то плаксивымъ.

— Оставь меня, отецъ. Я знаю, куда я иду...

Слова ея были такъ странны.

— Ты его любишь?

Вѣра медлила съ отвѣтомъ.

— Любишь? — еще тише спросилъ отецъ.

— Нѣтъ — сорвалось съ устъ Вѣры. Еле внятно.

— Но онъ цѣловалъ тебя!

— Да, цѣловалъ... Но ты долженъ вѣрить мнѣ, папа... Я тебя не опозорю.

Сказала — и пошла снова къ Рейсу...

Въ гостиной было темно. Изъ столовой доносился звонъ стакановъ и громкіе голоса. Лунный лучъ, пробиравшійся украдкой между цвѣтовъ, игралъ на полу, чертя причудливые рисунки и скользилъ по тѣмъ двумъ, что сидѣли на диванѣ. Прижавшись другъ къ другу. Не видя и не слыша ничего. Вѣра сидѣла прямо, какъ изваяніе, а Рейсъ шепталъ, тихо и страстно, приникши устами къ ея плечу.

— Когда же, Вѣрочка, когда?

— Я сказала тебѣ: когда уѣдетъ отецъ.

— Когда же онъ, наконецъ, уѣдетъ?

— Когда получитъ пропускъ.

— Вѣдь я же стараюсь!

Въ дверь постучали. Вѣра быстро повернула выключатель и отошла къ окну. Въ гостиную просунулась голова блондина. По губамъ его струилась еле замѣтная усмѣшка. Онъ пошептался о чемъ то съ Рейсомъ и вышелъ. Вѣра подошла къ рояли.

— Какая у тебя пыль — сказала она укоризненно — Если бы я иногда не вытирала — я не знаю, что было бы здѣсь... И зачѣмъ ты вѣчно запираешь дверь, когда уходишь?...

— Вѣдь я объяснялъ тебѣ, голубка, что у меня хранятся бумаги первѣйшей важности. Я отвѣчаю за нихъ...

— Да кто же ихъ тронетъ? Прислуга то и читать не умѣетъ по нѣмецки, отцу нѣтъ ни до чего никакого дѣла... А больше въ домѣ никого нѣтъ... Да, навѣрное, онѣ у тебя и заперты...

— Да, въ шкафу... Но не въ томъ дѣло. Пойми: бумаги настолько важны, что даже своей женѣ — даже тебѣ не довѣрилъ бы я ихъ ни на часъ. Мнѣ не позволило бы этого чувство долга...

Въ дверь постучали.

— Барышня, баринъ вернулись и зовутъ васъ.

— Да, сейчасъ. Торопись же съ пропускомъ, милый!

Вся кровь бросилась ему въ голову.

Рейсъ понялъ смыслъ ея словъ...

— Мнѣ надо поговорить съ тобой, папа.

— Я слушаю тебя, Вѣрочка.

— Тебѣ нужно уѣхать.

— Уѣхать? Куда? Зачѣмъ?

— Въ Псковъ. Къ дядѣ.

— Но какъ же? Черезъ границу?

— Вотъ пропускъ. Съ нимъ пройдешь всюду, гдѣ стоятъ германскія войска. А съ нашими поладишь самъ...

Штейнъ посмотрѣлъ на подпись на пропускѣ. Лицо его выразило величайшее удивленіе.

— Вѣра, откуда?

— Отъ Рейса, конечно . . . Ну, папа, я соберу тебя въ дорогу. Ты поѣдешь сегодня вечеромъ.

— Сегодня? А ты?

— Я пока останусь.

— Вѣра, одна? Съ этими? Я тебя не оставлю!

— Ты долженъ ѣхать, отецъ! Я пріѣду за тобой черезъ два дня.

Къ вечеру Штейнъ уѣхалъ. Вѣра, проводивъ его, прошла въ спальню покойной матери, куда никто не входилъ со дня ея смерти. И долго шарила на ночномъ столикѣ между скляночками и коробками съ лекарствами...

Они сидѣли въ гостиной и пили кофе. Вѣру, видимо, лихорадило. Закутанная въ платокъ, она ежилась и вздрагивала, а затуманенный взглядъ ея безпокойно блуждалъ по комнатѣ.

— Что съ тобой, голубка? — заботливо спрашивалъ Рейсъ.

— Простудилась — отвѣчала она, кутаясь плотнѣе въ платокъ.

Въ окно стучалъ назойливый осенній дождь. Протяжно и нудно. Въ комнатѣ было, несмотря на топившійся каминъ, прохладно.

— Пей кофе, все пройдетъ — сказалъ онъ, подливая ликера.

Ловилъ, черезъ столъ, ея руку и цѣловалъ, одинъ за другимъ, тонкіе пальцы.

— Пей самъ — остынетъ — улыбалась она, отвѣчая пожатіемъ руки.

А сама не притрагивалась ни къ чему.

Рейсъ быстро допилъ свой стаканъ и, отодвинувъ его, подошелъ къ Вѣрѣ. . . . .
. . . .

Прошло нѣсколько минутъ, долгихъ, мучительныхъ и такихъ тихихъ, что, казалось, можно было

слышать, какъ ползетъ къ Вѣчности время. Дождь и тотъ выжидательно замолкъ.

Вѣра нащупала въ карманѣ Рейса связку ключей, зажгла слегка дрожащими руками карманный фонарикъ и подошла къ шкафу.

На верхней полкѣ — шкатулка. Этотъ ключикъ — маленькій только одинъ—долженъ быть отъ нея. Въ шкатулкѣ бумаги. Вѣра свернула ихъ, спрятала у себя на груди. Вынула изъ кармана письмо и положила его на мѣсто бумагъ въ шкатулку. Заперла и спрятала снова въ шкафъ. Пошла къ дверямъ. Но, повинуясь внезапному импульсу, подошла къ крѣпко спавшему и тяжело дышавшему во снѣ полковнику и поцѣловала его слегка вздрагивавшія во снѣ губы.

Посмотрѣла на него въ послѣдній разъ съ порога. Какъ будто бы прощалась навѣки. Потомъ закрыла дверь.

Офицеры, вернувшіеся на разсвѣтѣ съ попойки въ офицерскомъ клубѣ, постучали къ Рейсу. Но блондинъ шепнулъ что то доктору, и оба съ гаденькими усмѣшками ушли къ себѣ.

Было воскресенье и офицеры спали до полудня. И только, когда около двухъ часовъ пришелъ курьеръ изъ штаба, принесшій Рейсу срочное письмо, они стали стучаться въ дверь. Но, когда на самый назойливый стукъ не было никакого отвѣта, они рѣшили попробовать войти къ нему черезъ другую дверь, выходившую въ комнату Штейна. Они знали, что Штейнъ уѣхалъ. Постучались къ Вѣрѣ, и, не получивъ отвѣта и тамъ, вошли и стали пробовать ключи. Одинъ подошелъ.

Рейсъ лежалъ на полу съ прострѣленнымъ вискомъ. Рядомъ съ нимъ валялся револьверъ, стояла открытая шкатулка, и виднѣлся разсѣянный пепелъ отъ сожженнаго письма...

Каинова печать.

Его звали Иванъ Карловичъ Шварцъ.

Неправда ли, какъ пахнетъ отъ этого имени Германіей?

А, между тѣмъ, Германіи онъ и въ глаза не видалъ, плохо и съ акцентомъ говорилъ по нѣмецки и былъ чисто русскій человѣкъ. Какъ у большинства московскихъ нѣмцевъ, въ домѣ Шварцевъ были заведены русскіе обычаи и порядки. По угламъ висѣли иконы и наканунѣ праздниковъ теплились передъ ними лампадки,

Иванъ Карловичъ былъ, какъ и мать его, православный. Отъ нѣмца отца унаслѣдовалъ онъ только двѣ типично-нѣмецкія черты: голубые глаза и педантичную аккуратность. Это послѣднее качество, между прочимъ, сильно раздражало старую Марфу, которая не разъ, получивъ выговоръ за неряшество, сплевывала въ сторону, ворча:

— У, нѣмчура!

О томъ, что онъ — нѣмецкаго происхожденія, Шварцъ узналъ впервые въ гимназіи, гдѣ каждый учитель, открывая классный журналъ, пестрѣвшій фамиліями „Ивановъ, Петровъ, Семеновъ, Морозовъ“, наткнувшись на „Шварцъ“ считалъ своимъ долгомъ спросить:

— Ты нѣмецъ?

Въ гимназіи онъ научился говорить по-нѣмецки, но довольно плохо.

Чтобы исправить его произношеніе, отецъ заставлялъ его по праздникамъ прочитывать вслухъ страницу изъ нѣмецкаго разсказа—и больше его успѣхами по этому предмету не интересовался.

Ваня почти не слыхалъ нѣмецкой рѣчи. Всѣ знакомые Шварцевъ были русскіе или прекрасно говорили на русскомъ языкѣ.

Познакомился онъ съ нѣмцами только, когда, послѣ окончанія университета, получилъ мѣсто въ Прибалтійскомъ краѣ. Но они его не считали за своего. И первое впечатлѣніе его было не изъ пріятныхъ.

Изъ всѣхъ новыхъ знакомыхъ онъ ближе всего сошелся съ семьей своего университетскаго товарища фонъ Цедера. Онъ никогда не дружилъ съ нимъ особенно въ университетѣ, но здѣсь, въ чужомъ городѣ, былъ радъ и этому знакомому лицу. Сближенію съ семьей немало помогала бѣлокурая Мальхенъ, такая скромная, чистая, наивная...

Но этотъ прелестный образъ не могъ скрыть отъ Шварца тѣхъ неприглядныхъ сторонъ балтійско-нѣмецкаго быта, которыя ему, воспитанному на московскихъ широкихъ взглядахъ, бросались невольно въ глаза. Больше всего отталкивалъ его узкій шовинизмъ, неприкрытое презрѣніе ко всему, что не носило нѣмецкой марки и прикрашенное красивыми словами ханжество.

Къ счастью своему, Шварцъ во время понялъ, какъ искусно ловили его въ свои сѣти наивные голубые глаза...

Онъ перевелся въ Либаву. Но и тутъ пришлось ему вращаться больше въ нѣмецкомъ обществѣ. И какъ то случалось, что оно все поворачивалось къ Шварцу своими непригладными сторонами. Такъ зародилась у него непріязнь ко всему нѣмецкому.

Онъ провелъ въ Либавѣ, вѣрнѣе — порту Императора Александра III — три года, и не потерялъ ихъ даромъ. Недюжинныя познанія по своей спеціальности, энергія, находчивость и удивительная работоспособность скоро выдвинули молодого инженера. Шварцъ и самъ вѣрилъ въ свою блестящую звѣзду, и въ основаніе будущаго клалъ двѣ мечты: осуществленіе грандіозно смѣлаго проекта, долженствующаго создать ему имя и славу, и женитьбу на горячо любимой дѣвушкѣ.

Поглощенный совершенно своимъ интереснымъ призваніемъ, Иванъ Карловичъ почти не зналъ женщинъ, и снова выборъ его палъ на хорошенькую, какъ куколка, но пустую и легкомысленную дѣвушку, только что выскочившую со школьной скамьи.

Отецъ его невѣсты, видный русскій бюрократъ, по какому то недоразумѣнію попавшій въ нѣмецкій городокъ, относился къ Шварцу не слишкомъ доброжелательно. Онъ не имѣлъ ничего противъ личности молодого инженера, но его превосходительству казалось не совсѣмъ удобнымъ выдать единственную дочь за человѣка, „не имѣющаго чина“. Потребовалось много слезъ, лившихся обильно изъ голубыхъ глазъ Лилиньки, и дипломатическихъ разговоровъ со стороны ея мамаши, чтобы сломить сопротивленіе его превосходительства. Иванъ Карловичъ, окрылен-

ный мечтой стать мужемъ обожаемой Лилиньки, лихорадочно отдался своей работѣ — окончанію проекта.

Начавшаяся война рѣзко оборвала всѣ его мечты. Проектъ временно потерялъ свое значеніе. Свадьбу рѣшили отложить.

И война же больно и несправедливо уколола Ивана Карловича, напомнивъ ему его нѣмецкое происхожденіе.

Первый разъ кольнуло его, когда онъ, возбужденный и радостный, велъ по улицѣ толпу манифестантовъ. Послушная его волѣ, шла за нимъ тысячная толпа, и онъ, высоко поднявъ флагъ,выкрикивалъ страстные возгласы, какъ эхо подхватываемые народной рѣкой.

Могучая волна уносила его, приближала къ ясному іюльскому небу, на которомъ мерцали первыя звѣздочки.

И, въ тотъ моментъ, когда онъ, воодушевленный искреннимъ чувствомъ, выкрикивалъ „Долой Германію!“ — онъ замѣтилъ насмѣшливый взглядъ бывшаго школьнаго товарища - Петрова, съ которымъ изрѣдка встрѣчался въ Либавѣ.

— И это кричитъ Herr Шварцъ! — сказалъ тотъ, улыбаясь.

Конечно, это была шутка, но такъ обидно, такъ больно стало отъ этой шутки. Обидно отъ незаслуженнаго упрека за имя, которое онъ носилъ.

Это была первая обида. За ней послѣдовала вторая, уже болѣе серьезная, надломившая и искалѣчившая всю его жизнь.

Послѣ первой бомбардировки родители его невѣсты покинули Либаву и переселились въ Петроградъ. Лилинька какъ то не умѣла писать пи-

семъ, а Иванъ Карловичъ, какъ ни скучалъ онъ въ разлукѣ съ Лилинькой, уѣхать сейчасъ изъ Либавы не могъ.

Ему удалось попасть въ столицу только въ ноябрѣ. Полный радостныхъ надеждъ, летѣлъ онъ, подгоняя извозчика, по Литейному. Онъ представлялъ себѣ, какъ Лилинька, съ обычной своей экспансивностью, выбѣжитъ ему навстрѣчу, повиснетъ у него на шеѣ. А потомъ надуетъ губки и скажетъ:

— Какъ долго мы не видались!

Такъ, бывало, говорила она, когда, занятый службой, онъ не приходилъ къ ней дня три.

Но его превосходительства не оказалось дома, ея превосходительство не могли принять, а Елизавета Петровна были нездоровы...

Безпокойство овладѣло Шварцемъ. Онъ рѣшилъ почему то, что отъ него что то скрываютъ. Всю ночь мерещилась ему Лилинька, больная, страдающая... при смерти...

На другой день, не дождавшись „визитнаго времени", отправился Шварцъ къ его превосходительству. Тотъ оказался на сей разъ дома и принялъ Ивана Карловича у себя въ кабинетѣ.

Отвѣтивъ вскользь на тревожный вопросъ: „Что съ Лилинькой?"—онъ перешелъ прямо къ дѣлу.

— Вотъ что, милый Иванъ Карловичъ — началъ онъ снисходительно — вы знаете, что лично противъ васъ я ничего не имѣю. Далъ согласіе на вашъ бракъ съ Лилинькой и отнимать его не намѣренъ. Но... знаете ли... ваша ужасная фамилія!.. „За кѣмъ замужемъ ваша дочь, ваше превосходительство?" — За Herr Шварцемъ! — Это совсѣмъ неудобно по нашему времени . . .

— Но чѣмъ же я виноватъ, ваше превос-

ходительство? Вы же знаете, что я русскій, православный...

— Знаю, знаю.. И вотъ что я вамъ посовѣтовалъ бы, голубчикъ: перемѣните фамилію. Это совсѣмъ не сложно. Прошеніе на Высочайшее имя. У меня въ канцеляріи Его Величества связи... И дѣло будетъ въ шляпѣ...

— Хотя я и ношу фамилію Шварцъ, но стыдиться мнѣ ея нечего, — немного рѣзко отвѣтилъ инженеръ. — Изъ насъ, Шварцевъ, никто не запятналъ себя никакимъ грязнымъ дѣломъ. И я не вижу причинъ оскорблять свою мать перемѣной фамиліи, которую она всю жизнь носила съ честью.

Лилиньки въ этотъ день Шварцъ не дождался и ушелъ отъ его превосходительства крайне возбужденный. Долго бродилъ онъ въ ясный осенній день по Петрограду. Наконецъ, присѣлъ на скамейку противъ Зимняго дворца и глубоко задумался.

— Нѣмецкая фамилія — думалъ онъ съ горечью. — Оскорбить память отца, обидѣть мамочку — отречься отъ нихъ... Какъ будто бы не все равно, называться Черновъ или Шварцъ, лишь бы думать и чувствовать по русски!..

И снова выплыло наружу обидное, больное воспоминаніе. Лѣтній вечеръ. Тысячная толпа. Гулъ голосовъ. И незаслуженная насмѣшка.

— Да нѣтъ, это дико... Лилинька пойметъ меня и поддержитъ противъ сумасброднаго отца... Онъ же всегда искалъ предлога, чтобы отдѣлаться отъ меня... Надо, во что бы то ни стало, увидѣть Лилиньку!

Но увидаться съ невѣстой, послѣ разрыва съ отцомъ, было не такъ легко. Въ домъ прит-

ти онъ сейчасъ не могъ, а на тайное свиданье Лилинька не соглашалась.

— Меня въ Петроградѣ никуда не пускаютъ одну — писала она — а всюду съ этой противной мадамъ Жюлье, маминой компаньонкой.

Далѣе она пеняла Шварцу за рѣзкость по отношенію къ отцу и закончила письмо словами:

— Надѣюсь, ты согласишься на папино предложеніе и будешь бывать у насъ попрежнему. Я очень соскучилась по тебѣ...

Но Шварцъ упорно настаивалъ на свиданіи и Лилинька написала ему, что будетъ на вечерѣ у общихъ знакомыхъ.

Иванъ Карловичъ вышелъ изъ дому задолго до назначеннаго часа, и бродилъ долго по покрытымъ первымъ снѣгомъ петроградскимъ улицамъ.

— Теперь я увижу ее — и все будетъ хорошо — думалъ онъ. — Можетъ быть, представится даже случай проводить ее домой... Вѣдь я же, наконецъ, ея женихъ, официально! Поговоримъ, выяснимъ все и рѣшимъ...

Но тамъ было такъ много гостей, что Шварцъ долго не могъ пробраться къ невѣстѣ. Лилинька, показалось ему, еще больше похорошѣла за эти четыре мѣсяца, что онъ не видѣлъ ея, стала еще привлекательнѣй. Шварцъ проклиналъ въ душѣ и хозяйку, не отпускавшую отъ себя Лилиньку, и длиннаго интенданта, вертѣвшагося около нея.

И въ душѣ его шевельнулось подозрѣніе, что Лилинька какъ будто нарочно избѣгаетъ его . . .

Ему удалось поймать ее въ проходной гостиной.

— Лилинька — онъ крѣпко сжалъ ея тонкую ручку — нарочно ты, что ли, мучаешь меня? Неужели ты не могла отдѣлаться отъ нихъ, если бы хотѣла? Намъ необходимо поговорить!

— Не сердись на меня — Лилинька освободила свою руку и вскинула на него умоляюще глаза, — но я не знаю, что сказать тебѣ.. Противъ воли папы и мамы я не пойду... И потомъ... быть мадамъ Шварцъ не хочу я сама . . . Ну, перемѣни фамилію, милый... Папа говоритъ, что это такъ легко...

Шварцъ смотрѣлъ въ ясные глаза, наивно и довѣрчиво глядѣвшіе на него. Чувство проснулось съ новой силой. И вдругъ показались ему столь ничтожными и мелкими всѣ его колебанія. Награда за жертву казалась такъ велика, такъ безконечно заманчива...

Съ его губъ чуть было не сорвалось роковое „да“. Но въ эту минуту подошла ея превосходительство въ сопровожденіи длиннаго интенданта.

Слово осталось несказаннымъ...

На другое утро, когда Шварцъ шелъ по Невскому, не замѣчая назойливыхъ сборщицъ — былъ день флаговъ — ему казалось непростительнымъ его вчерашнее минутное колебаніе.

— Нѣтъ, этого не будетъ — рѣшилъ онъ — я не желаю подчиняться капризу взбалмошнаго старика! Только бы поговорить, какъ слѣдуетъ, съ Лилинькой наединѣ — и все уладится... Вѣдь не могла же она разлюбить меня такъ скоро . . . Это только вліяніе отца...

— Пожертвуйте, пожалуйста!

Машинально сунулъ онъ руку въ карманъ, и, доставая монету, мелькомъ взглянулъ на сборщицу. „Не выходившая никуда безъ компаньонки“ Лилинька была въ сопровожденіи вчерашняго интенданта. Она улыбалась Шварцу, но въ улыбкѣ ея было что то смущенное, фальшивое . . .

Шварцъ понялъ все . . .

Написавъ ей письмо, онъ въ ту же ночь выѣхалъ въ Либаву...

Но фамилія его стала ему ненавистна...

Шварцъ прожилъ въ Либавѣ почти до самаго ея занятія нѣмцами, а потомъ выѣхалъ въ Псковъ.

Было горячее время. Въ связи съ обнаружившимися съ болѣзненной остротой недостатками въ снабженіи арміи, стали раздаватъся первые голоса за мобилизацію промышленности. Шварцъ дѣятельно ухватился за эту мысль. Онъ горѣлъ жаждой кипучей работы на пользу отечества, желаніемъ отдать великому общему дѣлу силы, познанія и опытъ.

Скоро Иванъ Карловичъ сталъ душой, вдохновителемъ и двигателемъ мѣстнаго отдѣла Военно-Промышленнаго комитета. Хорошій организаторъ, онъ сумѣлъ спаять и примирить различныя начала, сумѣлъ двинуть впередъ однимъ быстрымъ гигантскимъ поворотомъ общественнаго колеса все дѣло, И, дѣля время между службой и общественной работой, находилъ еще возможнымъ разрабатывать важный для военнаго дѣла проектъ.

Осенью пріѣхало въ Псковъ изъ Петрограда лицо, на пріѣздъ которого возлагали дѣятели ко-

митета большія надежды. Онѣ оправдались: комитетъ получилъ просимое пособіе. Но положеніе Шварца послѣ отъѣзда лица измѣнилось къ худшему. Сначала Иванъ Карловичъ думалъ: ему только кажется, что его хотятъ лишить вліянія на комитетскія дѣла. Но вскорѣ подозрѣнія его оправдались. Шварца стали систематически отстранять отъ отвѣтственныхъ дѣлъ. Отнимали у него понемногу разныя функціи и, наконецъ, посадили ему на носъ невѣжественнаго, тупоумнаго и лѣниваго фабриканта Митрофанова.

Самолюбіе Шварца было чрезвычайно задѣто. Онъ, скрѣпя сердце, порвалъ съ комитетомъ, отдавшись всецѣло окончанію проекта.

Больно, безумно больно было видѣть, какъ дѣло, двинутое его трудами, взлелѣянное его стараніями, глохо и вянуло подъ руководствомъ бездарнаго Митрофанова...

Къ концу сентября проектъ былъ законченъ и Шварцъ повезъ его въ Ригу, гдѣ у него были знакомства въ военныхъ кругахъ.

По дорогѣ онъ завтракалъ на какой то большой станціи. Мимо его стола, не замѣчая его, прошелъ фонъ Цедеръ.

— Фонъ Цедеръ! — воскликнулъ Шварцъ, обрадовавшись старому знакомому.

Но тотъ состроилъ гримасу и, схвативъ Ивана Карловича за рукавъ, отвелъ его въ сторону.

— Пожалуйста, не называй меня такъ. Теперь моя фимилія Даниловъ. И зовутъ меня не Генрихъ, но Андрей Андреевичъ... Пожалуйста,не забудь!

— Перекрасился, значитъ? — съ легкой

ироніей спросилъ Шварцъ — Даниловъ! Даниловъ — который по русски то и говорить какъ слѣдуетъ не умѣетъ! Ну, а какъ относится къ этому твой отецъ?

— Отецъ мой — благоразумный человѣкъ и дѣлаетъ уступку времени... Фонъ Цедеръ сейчасъ не въ модѣ, а Даниловъ занимаетъ хорошее мѣсто. О, Даниловъ пойдетъ въ гору, сдѣлаетъ карьеру! — цинично хвастался онъ.

Шварцу стало такъ гадко, что онъ поспѣшилъ проститься съ товарищемъ...

Шварцъ шелъ по тихимъ улицамъ заснувшей Риги.

Давно ли здѣсь била ключемъ культурная жизнь, давно ли нарушалъ тишину шумъ фабрикъ, гулъ трамваевъ, приносившихъ и уносившихъ новыхъ людей? Давно ли стояли въ порту ряды пароходовъ, а скрипучія стрѣлы обильно выбрасывали на камни набережной иноземные товары?

Теперь — мертвая пустыня...

И вдругъ среди соннаго царства пробѣжала живая струя. Заволновались прохожіе. Открылись и съ шумомъ захлопнулись окна. Извозчикъ быстрѣе погналъ свою клячу.

И глаза всѣхъ со страхомъ и любопытствомъ устремились вверхъ, гдѣ, шаряя въ лазури, кружилась надъ соннымъ городомъ зловѣщая птица.

Зоркимъ хищнымъ окомъ смотрѣла она внизъ, горя жаждой крови и ненасытной мести . . .

— Прячьтесь въ ворота, прячьтесь въ домъ! — крикнулъ кто то Шварцу, безмолвно слѣдившему за полетомъ жуткой гостьи.

Рѣзкій свистящій звукъ прорѣзалъ воздухъ . . . Взрывъ . . . Дребезжаніе разбитых стеколъ . . .

И стоны... стоны...

. . . .
. . . .

— Много пострадавшихъ?

— Двое раненыхъ. Одинъ убитъ.

— Извѣстно, кто?

— Какой то инженеръ Шварцъ.

— Нѣмецъ? — Туда ему и дорога...

Джэкъ Байрменъ.

Яковъ Густавовичъ Бейерманъ, или, какъ онъ сталъ называть себя по пріѣздѣ въ Америку — Джэкъ Байрменъ — принялъ извѣстіе о начавшейся въ Европѣ войнѣ вполнѣ равнодушно.

За четыре года, проведенныхъ въ Нью-Іоркѣ, онъ почти утратилъ всякую связь съ своей родиной — Россіей. Политикой Байрменъ вообще никогда не занимался. Онъ пріѣхалъ въ Америку, „чтобы сковать свое счастье“ и преслѣдовалъ свою цѣль съ нѣмецкой методичностью, унаслѣдованной отъ отца.

Въ Россіи у него остались родные. Въ Либавѣ его дряхлый отецъ со своей сварливой молодой женой, въ Петроградѣ — сестра, ушедшая, какъ и онъ, изъ дому послѣ неосмотрительной женитьбы отца. Съ этой только сестрой, Катей, Джэкъ и велъ переписку, отъ нея узнавалъ вѣсти о родныхъ и родинѣ.

Были у него еще замужнія сестры, двоюродные братья — но всѣхъ ихъ онъ потерялъ изъ виду.

Европейская война, сразу развернувшаяся въ такомъ масштабѣ, стала въ Америкѣ попу-

лярной не сразу. Джэкъ интересовался ею тоже не больше, чѣмъ всѣми иными телеграммами нью-іоркскихъ газетъ. И сообщенія съ фронта были ему такъ же безразличны, словно это были свѣдѣнія о чемъ то, что стояло отъ него безконечно далеко.

Первымъ, что напомнило ему о связи съ родиной,было письмо отъ Кати.

Отъ восторженныхъ,горячихъ фразъ повѣяло тѣмъ порывомъ, что охватилъ, въ первые мѣсяцы войны, всю Россію, вѣсть о которомъ залетѣла даже за океанъ. Въ отрывочныхъ фразахъ набросала она картину русскихъ настроеній, манифестацій, подъема. Писала, что бросаетъ мѣсто и идетъ въ сестры милосердія.

Далѣе шла грустная страница о сестрѣ Лидіи.

— Ея мужъ, какъ ты знаешь, — германскій подданный. Онъ высланъ теперь въ Сибирь. И Лида слѣдуетъ за нимъ. Уже не говоря про то. что это поступокъ, недостойный русской женщины . . . Но ея хрупкое здоровье? Она никогда не перенесетъ суроваго сибирскаго климата!

Кончала свое длинное письмо Катя призывомъ бросить все, вернуться на родину и записаться въ ряды арміи.

Послѣдняя фраза показалась Джэку такой дикой и наивной, что онъ долго улыбался, вспоминая ее. Онъ, впрочемъ, всегда считалъ Катю экзальтированной головкой...

Черезъ нѣсколько недѣль пришло другое письмо, которое тоже разсмѣшило Джэка. Это

было письмо изъ Берлина, отъ его двоюроднаго брата, Отто, съ которымъ они раньше изрѣдка переписывались. Со всѣмъ пыломъ своихъ восемнадцати лѣтъ, Отто писалъ о томъ, какъ счастливъ онъ, что успѣлъ во время вернуться въ Германію. Въ концѣ письма Отто выражалъ увѣренность, „что симпатіи благоразумнаго Якоба, конечно, всецѣло на сторонѣ культурной націи — германскаго народа, кровь котораго течетъ въ его жилахъ."

Приписка эта и разсмѣшила Джэка. Нѣмецъ по отцу, Джэкъ, какъ и всѣ его сестры, былъ воспитанъ въ русскомъ духѣ, самъ считалъ себя русскимъ. Впрочемъ, мягкій и впечатлительный, онъ легко поддавался вліянію окружающей среды. Теперь онъ давно считалъ себя американцемъ.

Связь съ Россіей продолжала поддерживаться только перепиской съ Катей. Но послѣдняя, занятая на фронтѣ, писала теперь рѣдко и урывками.

Ранней весной получилъ Джэкъ болѣе длинное письмо. И грустное, грустное . . . Слѣды слезъ на письмѣ были краснорѣчивѣе словъ, сообщавшихъ о смерти Лиды, не перенесшей сибирскаго климата... Дальше слѣдовала исторія, похожая на романъ. Въ одномъ изъ раненыхъ плѣнныхъ узнала Катя кузена Отто.

— Какъ ожесточаетъ людей война — ты никогда не узналъ бы въ этомъ мрачномъ германцѣ твоего любимца — весельчака Отто...

Раненый не вынесъ операціи и умеръ черезъ два дня...

Обѣ грустныя новости принесло одно и то же письмо...

Въ началѣ войны въ Америкѣ преобладало германофильское теченіе. И только мало - по малу въ прессѣ начали появляться статьи, сочувствующія Согласію. Атмосфера въ Соединенныхъ Штатахъ стала сгущаться. И громомъ, разрядившимъ эту атмосферу, была гибель „Лузитаніи"...

Но въ тѣ дни, когда Америка начала просыпаться отъ германофильскаго, сна Джэкъ лежалъ безъ памяти въ больницѣ. А когда онъ, перенеся тяжелую болѣзнь, вышелъ оттуда – острота момента уже прошла, и ему, отсутствовавшему при началѣ, были чужды н непонятны окружавшія его настроенія.

Въ концѣ лѣта пришло короткое письмо отъ Кати. Она сообщала, что въ сентябрѣ призывается очередь его года, давала различные практическіе совѣты и заканчивала выраженіемъ надежды, что они скоро свидятся. Она собиралась взять отпускъ, чтобы повидаться съ отцомъ, который бѣжалъ изъ Либавы въ послѣднюю минуту передъ занятіемъ ея германцами:

— Папа очень боленъ — писала она — и Богъ знаетъ, увижусь ли я съ нимъ еще, если не удастся теперь... Конечно, ему тяжело: онъ, все-таки нѣмецъ...

По тону Катина письма было видно: ей и въ голову не приходитъ, что Джэкъ можетъ не пріѣхать...

— Ты призыва котораго года? — спросилъ онъ вечеромъ товарища Джона, съ которымъ пять лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ въ Америку.

— Я? — удивился Джонъ — я бѣлобилетникъ. А что?

— Да вотъ, меня призываютъ въ сентябрѣ — натянуто засмѣялся Джэкъ.

— Когда же ты ѣдешь?

Джэку стало непріятно. Почему они всѣ, и сестра, и вотъ Джонъ думаютъ, что онъ долженъ непремѣнно ѣхать?

— Зачѣмъ я поѣду? — отвѣтилъ онъ, избѣгая взгляда Джона — бросить все, что было построено съ такимъ трудомъ пятью годами непрерывной работы? И карьеру, и связи...

— И миссъ Бетси — насмѣшливо добавилъ Джонъ.

— Да, и миссъ Бетси... Мою невѣсту... Я не понимаю смысла этого. Вѣдь если я останусь живъ, мнѣ придется начинать все сначала... Я не хочу возвращаться въ Россію вообще. Зачѣмъ? Я останусь здѣсь, приму американское подданство, женюсь на Бетси... Что я буду дѣлать тамъ на фронтѣ? Я могу встрѣтить въ рядахъ враговъ двоюродныхъ братьевъ... Нѣтъ, я останусь здѣсь... Вѣдь я тоже приношу сейчасъ пользу Тройственному Согласію... — нашъ заводъ обслуживаетъ военные заказы Россіи и Франціи... Ты не можешь этого отрицать...

Но Джонъ и не думалъ ничего отрицать. Джекъ горячился, оправдываясь передъ самимъ собой, а Джонъ молчалъ. Онъ не былъ краснорѣчивъ. Но молчаніе это раздражало Джека больше, чѣмъ если бы тотъ говорилъ самыя обидныя слова...

Больше писемъ отъ Кати не было.

Послѣ Рождества состоялась свадьба Джека съ хорошенькой Бетси Горнлей, дочерью его ближайшаго начальника, директора завода, на которомъ онъ работалъ. Бетси, хорошенькая куколка, хрупкая, какъ фарфоръ, была мало похожа на тѣхъ неженственныхъ, бойкихъ передовыхъ миссъ, по которымъ у насъ привыкли судить объ американской женщинѣ. Она принадлежала ко вто-

рому, такъ же распространенному въ Соединенныхъ Штатахъ типу — къ изящнымъ образованнымъ женщинамъ, которыя, будучи уже въ шестнадцать лѣтъ совершенно самостоятельными, сохраняютъ въ замужествѣ какую то оригинальную, только имъ однѣмъ присущую наивность.

Вѣнчались онѣ послѣ мэріи въ посольской православной церкви, маленькой, чистенькой, словно игрушечной. Это было не столько желаніе Джека, сколько капризъ его Бетси, хотѣвшей, чтобы свадьба была оригинальной.

Пять лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ онъ Европу, не былъ Джекъ въ церкви. И она напомнила ему далекую родину...

Живо-живо пронеслись передъ нимъ картины беззаботнаго дѣтства. Давно умершая мать... То далекое время, когда ихъ, дѣтей, несмотря на частые капризы отца, считавшаго это лишнимъ, водили каждое воскресенье въ церковь... Великопостныя службы со свѣчами... И Свѣтлая заутреня... Впослѣдствіи когда вспоминался Джеку день его свадьбы, онъ всегда вспоминалъ эту игрушечную церковь. Съ свѣтлымъ и теплымъ чувствомъ...

Потянулись свѣтлые дни медоваго мѣсяца.

Какое дѣло было Джеку до того, что родной его городъ былъ подъ властью непріятеля. Что отецъ его умеръ. Что вся родная земля залита кровью.

Его жизнь была въ этихъ голубыхъ любящихъ глазахъ, его счастье было въ этомъ розовомъ ротикѣ, такъ мило улыбавшемся, произнося ласковыя слова...

Незамѣтно подошло и Свѣтлое Христово Воскресеніе. День, заграницей отличающійся такъ мало отъ другихъ праздниковъ, такъ мало напоминающій нашу русскую Пасху, побѣдно шествующую при звонѣ колоколовъ... Нью-Іоркъ

по старому симпатичному обычаю утонулъ въ цвѣтахъ. Пасха въ Америкѣ — праздникъ цвѣтовъ, какъ у насъ, въ Россіи — Троицынъ день... И въ этотъ ясный солнечный день Джэкъ вспомнилъ прежнія Пасхи — тамъ, на родинѣ.

— Въ Россіи Пасха — черезъ двѣ недѣли — сказалъ онъ женѣ.

— Пойдемъ на нашу Пасху въ церковь — предложилъ онъ.

И Бетси, какъ дитя, ухватилась радостно за необычную мысль — провести ночь въ церкви . . .

Черезъ двѣ недѣли стояли они снова въ чистенькой игрушечной церкви, гдѣ вѣнчались полгода назадъ. Залитъ огнями былъ маленькій храмъ. И радостно, и знакомо звучало побѣдное „Христосъ Воскресе", выводимое свѣжими, чистыми, но не совсѣмъ русскими голосами.

Но не было на душѣ Джэка того мира, что овладѣваетъ каждой душой въ эту великую ночь. Тяжелый камень лежалъ у него на сердцѣ.

Утромъ онъ получилъ письмо отъ Кати — первое въ этомъ году. Упомянувъ кратко, что была долго больна сыпнымъ тифомъ, которымъ заразилась въ лазаретѣ, Катя съ болью и грустью писала о томъ, что потеряла брата.

— Человѣка, который въ трудную минуту оставилъ свое отечество — своимъ братомъ считать я не могу...

Катя около двухъ лѣтъ прожила на фронтѣ. Тамъ привыкаютъ смотрѣть на вещи иначе, чѣмъ въ глубокомъ тылу. Да, конечно.. И все таки, безпокоила Джэка впервые пришедшая въ голову мысль:

— Былъ ли я правъ?

Представилась Катя. Больная, измученная, заболѣвшая при самоотверженномъ уходѣ за ранеными И сами эти раненые... Солдаты, сидя-

щіе въ окопахъ.. И бѣженцы, у которыхъ нѣтъ ни крова, ни пищи..

Представилось все это — и подъ звуки пасхальнаго канона, въ ярко освѣщенной праздничной церкви — стало внезапно стыдно.. Стыдно за свою сытую, довольную и спокойную жизнь... И все, что вчера еще казалось значительнымъ и важнымъ, — стало внезапно пустымъ и ненужнымъ...

Разсвѣтало, когда шли они по безлюднымъ въ этотъ часъ нью іоркскимъ улицамъ. Бетси, усталая отъ непривычнаго стоянія, безсильно оперлась на его руку и молчала. Но такси брать, изъ каприза, не хотѣла. И Джэкъ былъ радъ, что она молчитъ, не нарушая его мыслей.

Нерадостныхъ.,. Не пасхальныхъ...

Наступалъ день—обычное воскресенье. Попадались навстрѣчу парочки, возвращавшіяся съ бала. Нетвердыми шагами проходили завсегдатаи клубовъ. Проѣзжали отдѣльные такси Огромный городъ готовился жить. И было какъ то обидно, что нѣтъ дѣла большому городу до того, какой великій день приноситъ съ собой эта заря...

Усталая Бетси еле успѣла раздѣться, какъ уже забылась здоровымъ дѣтскимъ сномъ.

А Джэкъ сидѣлъ въ кабинетѣ и читалъ, и перечитывалъ послѣднее Катино письмо...

Разсвѣтныя тучки разошлись, и изъ за облаковъ выплыло яркое пасхальное солнце Заглянули его лучи въ кабинетъ, гдѣ сидѣлъ и писалъ что то Джэкъ, побѣжали дальше. Медленно обогнули домъ и съ южной стороны посмотрѣли въ полдень въ спальню. Отмахнулась Бетси отъ назойливаго луча. Но, видя, что не прогнать безпокойнаго гостя, вскочила, набросила легкій ка-

потъ, подбѣжала къ окну и совсѣмъ отдернула штору. Яркій солнечный свѣтъ залилъ всю комнату. Вспомнила Бетси вчерашнюю ночь, оглянулась на нетронутую постель мужа, и прокралась къ нему въ кабинетъ.

Подошла къ Джэку сзади и, наградивъ его неожиданнымъ поцѣлуемъ, ясно произнесла по русски, какъ училъ ее мужъ:

— Христосъ Воскресе!

Грустно поднялъ Джэкъ свои сѣрые глаза, и, отвѣтивъ на поцѣлуй, взялъ своими руками ея тонкія ручки и произнесъ, тихо, но твердо:

— Бетси . . . я долженъ уѣхать . . . въ Россію . . .

Сочельникъ въ океанѣ.

Глухо шумитъ море.

Черныя волны, налетая въ темнотѣ одна на другую, съ плачемъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ. Вѣтеръ завываетъ пронзительно и печально, лѣниво отгоняя тяжелыя, мрачныя тучи.

О чемъ плачетъ море? О чемъ тоскуетъ вѣтеръ, прилетѣвшій съ холодныхъ льдовъ сѣвернаго полюса?

Не блеснетъ, какъ бывало, длинной лентой лучъ маяка, не видать на темномъ горизонтѣ ни зеленаго, ни краснаго пароходнаго огня. Даже звѣзды — и тѣ скрыты сердито нависшими тучами.

Темно. И въ темнотѣ глухо рокочутъ черныя воды.

Плавно покачиваясь на высокихъ гребняхъ, спитъ огромный океанскій пароходъ. Зачѣмъ онъ столько часовъ стоитъ неподвижно въ открытомъ морѣ? На немъ нѣтъ огней. На немъ тишина. И только черныя фигуры, мелькающія изрѣдка на обледѣнѣлой палубѣ, указываютъ, что не умерла жизнь въ этомъ гигантѣ...

Въ салонѣ второго класса, окна котораго плотно задвинуты деревянными ставнями, при холодномъ свѣтѣ электричества собрались немногіе пассажиры. Говорили о разныхъ вещахъ, больше всего, конечно, о войнѣ. Впрочемъ, за двѣ недѣли совмѣстнаго плаванія эти, дотолѣ чужіе и неинтересные другъ другу, люди такъ свыклись между собой, что знали подноготную каждаго изъ членовъ этой маленькой случайной

колоніи. Такъ, всѣмъ было извѣстно, что хорошенькая блондинка, сидѣвшая сейчасъ у рояля, прослужила три года компаньонкой въ какомъ то богатомъ нью-іоркскомъ домѣ, а теперь возвращается въ Петроградъ, къ роднымъ.

Богатый еврей Іоэльсонъ ѣздилъ, по дѣламъ своей либавской фирмы, въ Бостонъ, а теперь, напуганный бомбардировкой Либавы, возвращается туда.

Знали про всѣхъ — кто, откуда и зачѣмъ возвращается изъ Новаго Свѣта въ Россію. Только про двухъ пассажировъ на знали ничего — про черноглазую дѣвушку въ траурѣ, всегда державшуюся въ сторонѣ, и про блѣднаго молодого человѣка, цѣлый день рисовавшаго что то въ своемъ блокнотѣ. Молодой человѣкъ говорилъ много и о чемъ угодно — только не о себѣ. Дѣвушка вообще ни съ кѣмъ не говорила, и изъ уваженія къ ея трауру, ея не разспрашивалъ никто. Да она и мало бывала въ салонѣ, предпочитая сидѣть у себя въ каютѣ или, несмотря на холодъ, стояла часами на палубѣ, задумчиво глядя на сѣрое море...

Оживленный разговоръ, какъ это часто бываетъ въ большомъ обществѣ людей, которые давно надоѣли другъ другу, оборвался. И вдругъ молодой человѣкъ, оторвавшись отъ своего блокнота сказалъ:

— А вѣдь сегодня, господа, сочельникъ!

Всѣ знали это, но никто какъ то не думалъ сейчасъ о наступленіи Великаго праздника, среди этихъ однообразныхъ дней, похожихъ одинъ на другой, какъ двѣ морскія волны . . . И такъ грустно стало всѣмъ при словѣ „сочельникъ“...

И всѣ почти враждебно посмотрѣли на молодого человѣка, сказавшаго неосторожное слово. А онъ сидѣлъ и смущенно улыбался.

— Сочельникъ...

Это слово пробудило въ душѣ каждаго что то, понятное только ему одному, и на мигъ всѣ люди стали опять чуждыми — совсѣмъ чуждыми другъ другу...

Каждый перенесся мыслями въ далекую Россію, берега которой были еще скрыты многими милями воднаго пространства...

— Къ Новому году будемъ въ Россіи — сказалъ пожилой господинъ, задумчиво глядя куда то въ уголъ.

— Не будемъ, конечно, не будемъ — заволновался Іоэльсонъ — день такой короткій, а ночью мы стоимъ — безобразіе!

— А у насъ дома теперь елка горитъ — мечтательно сказала блондинка и покраснѣла, словно ей показались глупыми ея собственныя слова.

— Три года не были дома? — спросила ее сѣдая дама, сидѣвшая съ какимъ то вязаньемъ.

— Три года...

И опять молчаніе.

Дверь салона съ шумомъ растворилась и на порогѣ показался широкоплечій, краснощекій, страшно некрасивый, но веселый и остроумный первый помощникъ капитана, любимецъ всѣхъ пассажировъ.

— Честь имѣю поздравить честную компанію съ наступающимъ праздникомъ! — гаркнулъ онъ и весело обвелъ глазами присутствующихъ.

— Фу, господа, это не фасонъ! Праздникъ наступаетъ, а они меланхолію разводятъ. Ну нѣтъ, этого допустить я не могу. Это позоритъ честь нашего „Двинска“. Господа, прошу васъ, сдѣлайте мнѣ удовольствіе — развеселитесь! — прибавилъ онъ съ комическимъ возмущеніемъ.

Всѣ улыбнулись, только Іоэльсонъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Вамъ хорошо говорить „развеселитесь“. А вотъ вы позаботились бы о томъ, чтобы поскорѣй доставить насъ въ Россію — вотъ и развеселились бы.

— Что же прикажете дѣлать? Аэропланъ что ли заказать для васъ, господа пассажиры?

— Аэропланъ, аэропланъ... Мы ѣдемъ пароходомъ, а не аэропланомъ. А вотъ зачѣмъ вы всю ночь стоите на мѣстѣ — это безобразіе. Да. Такой большой пароходъ, и не можетъ итти ночью — это стыдно! У насъ въ Либавѣ буксиры — и тѣ ходятъ ночью... Да... Мнѣ, можетъ быть, каждый моментъ дорогъ, а они стоятъ цѣлыми ночами на мѣстѣ. Я бралъ билетъ, чтобы ѣхать, а они стоятъ...

Іоэльсонъ раздражался все больше. Но помощникъ капитана разразился веселымъ хохотомъ.

— Ахъ вы — проговорилъ онъ, наконецъ — Вотъ васъ бы туда, на мостикъ.. Сразу наскочили бы на мель или камни. Или поздоровались бы съ ледяной горою. . . И было бы второе, дополненное и исправленное, изданіе „Титаника“. Такъ что ли?

— „Титаникъ“... Глупыя шутки... — возмутился фабрикантъ, глядя куда то въ темный уголъ.

— Вы бы проѣхались съ нами лѣтомъ до войны — продолжалъ дразнить его помощникъ — живо бы васъ доставили! Иной разъ изъ Либавы въ Нью-Іоркъ одиннадцать дней ходили, да-съ . . .

— Скажите, неужели всѣ огни въ европейскихъ водахъ теперь потушены?—спросилъ пожилой господинъ.

— Да, почти вездѣ... Вчера вечеромъ прошли послѣдній — который горитъ...

— Вамъ, конечно. не впервые встрѣчать Рождество въ морѣ? — спросила старая дама.

— Ну, еще бы — улыбнулся морякъ — Это шестнадцатое Рождество и двѣнадцатый Новый Годъ... А на Пасху былъ въ морѣ восемь разъ... На Рождествѣ еще туда-сюда, а въ Пасхальную ночь обидно бываетъ . . . Ну, да что тамъ...

— Неужели вы такъ свыклись съ своей судьбой?— спросила блондинка.

— И еще какъ!

— И не скучаете по родинѣ и роднымъ?

— Моряки — космополиты! — отвѣтилъ сидѣвшій поодаль красивый господинъ.

— Ну ужъ это извините, милостивый государь — обидѣлся вдругъ морякъ. — Космополиты! Конечно, морякъ не можетъ любить свою родину по вашему, онъ любитъ ее иначе, но это не значитъ, что онъ къ ней равнодушенъ вообще! Онъ всю жизнь свою скитается отъ города къ городу, отъ океана къ океану. . . Онъ не можетъ скучать по своему родному городу, точно какая нибудь институтка. А вы думаете, отъ этого онъ меньше любитъ тѣ мѣста, гдѣ онъ родился, свой языкъ, свою культуру, свой народъ?

— Я знаю и зналъ многихъ моряковъ — продолжалъ красивый господинъ, по моему это — особая нацiя. Да, да не улыбайтесь этому парадоксу. Морякъ англичанинъ, итальянецъ, японецъ, наконецъ,— всегда ближе русскому моряку, чѣмъ русскiй — ну скажемъ, чиновникъ... Вы скажете, что я не правъ?

— Отчасти да — согласился морякъ. — Но посмотрѣли бы вы на моряковъ теперь. Сколько изъ насъ ушло добровольцами на войну!

— А у васъ никого нѣтъ на войнѣ? Вѣдь вы семейный?

— У меня нѣтъ сыновей — три дочери, же-

на... да мать еще жива... въ Саратовѣ... Хорошо тамъ, особенно лѣтомъ... ей Богу, хорошо! Шесть лѣтъ дома не былъ... Матери не видалъ... Вотъ, жена съ дочками пріѣзжаетъ иногда въ Либаву повидаться. Нѣтъ, на войнѣ у меня никого нѣтъ.. И то иной разъ думаю — пойти что ли самому?

— Такъ отчего же вы не идете? — тихо спросила барышня въ трауръ, первый разъ вмѣшавшись въ разговоръ. И вопросъ ея прозвучалъ упрекомъ.

— Малодушіе, барышня, вотъ что-съ!.. Мать — старушка, она болѣзненная, ей на воды нужно... За трехъ дочерей въ гимназію платить. Уйду на войну — бросятъ гимназію, всѣхъ то не пристроишь на стипендію... Мѣста взять придется... А какъ будто бы и жалко прервать ученіе... Способныя онѣ у меня,.. Особенно старшая... Ей всего годъ учиться остался... Конечно, все это сентименты — а все же жалко...

И морякъ отмахнулся рукой, словно желая скрыть набѣжавшую слезинку.

— Ну тамъ, на фронтѣ, и безъ насъ съ вами людей довольно — важно вставилъ Іоэльсонъ.

— Безъ насъ съ вами, безъ насъ съ вами! — вспылилъ вдругъ морякъ — если бы всѣ разсуждали такъ, такъ и воевать было бы некому!

— Господа, бросьте ссориться въ такой вечеръ — примирительно замѣтила дама съ вязаньемъ.

— Такой вечеръ — а тамъ убиваютъ другъ друга — пробормотала дѣвушка въ трауръ.

— Да что я въ самомъ дѣлѣ — спохватился вдругъ морякъ — вѣдь я принесъ вамъ радостныя вѣсти: наши тѣснятъ нѣмцевъ! У непріятеля огромныя потери.

— Откуда вы знаете, по безпроволочному телеграфу что ли?

Всѣ какъ то сразу оживились.

— О, нѣтъ, нашъ безпроволочный телеграфъ заработаетъ только по окончаніи войны. Это въ мирное время мы каждый день получали новости для нашей пароходной газеты. Нѣтъ, господа, у меня газеты — почти что совсѣмъ свѣженькія!

— Откуда? Какъ? Давайте скорѣе!

И множество рукъ потянулись къ печатнымъ листамъ, которые морякъ торжественно извлекъ изъ необъятнаго кармана.

— Съ англійскаго крейсера, который остановилъ насъ подъ вечеръ.

— Англійскія — разочарованно протянулъ красивый господинъ въ углу.

— Да вѣдь вы всѣ знаете англійскій языкъ! О нѣтъ, такъ нельзя, на всѣхъ у меня не хватитъ!

— Читайте вслухъ — вы, навѣрное, читаете отлично — предложила дама съ вязаньемъ.

— Извольте. Съ чего прикажете начать?

— Сначала свѣдѣнія съ восточнаго фронта.

— А потомъ про германскія звѣрства. Ужасно люблю слушать эти сказки, — сказалъ Іоэльсонъ, поудобнѣе усаживаясь въ креслѣ.

— Это не сказки, милостивый государь! — рѣзко сказала барышня въ траурѣ и вышла изъ салона.

Художникъ тоже всталъ. Онъ съ минуту колебался. Ему хотѣлось слышать новыя вѣсти, но красивая сосѣдка (ихъ каюты были напротивъ) въ настоящую минуту интересовала его больше. Ея личико и ея силуэтъ были набросаны за послѣдніе дни, навѣрное, на пяти, если не шести страничкахъ его блокнота.

Дѣвушка въ траурѣ стояла, облокотясь на релингъ, и смотрѣла въ черную тьму зимняго моря.

— Вы простудитесь — сказалъ художникъ, который не преодолѣлъ искушенія и послѣдовалъ за ней.

— Я въ платкѣ—отвѣтила она и прибавила—она все еще читаютъ о войнѣ?

— Да...

— Я не хочу слушать этого...

— У васъ кого нибудь убили? Простите этотъ вопросъ...

Дѣвушка подняла на него свои грустные глаза.

— Жениха. Онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ — былъ раненъ разрывной пулей . . . А мой братъ лежитъ при смерти въ лазаретѣ: пострадалъ отъ ядовитыхъ газовъ... Можетъ быть, онъ тоже уже умеръ... А они тамъ говорятъ: нѣтъ звѣрствъ...

Она наклонилась надъ водой и стала сосредоточенно смотрѣть на ударявшіяся объ обшивку мелкія бѣлыя льдинки, свѣтившіяся въ темнотѣ.

Небо было облачно, и только въ просвѣтахъ между быстро гнавшимися облаками вспыхивали — и снова скрывались — зимнія крупныя звѣзды . . .

Художникъ хотѣлъ что то сказать — но всѣ слова показались ему вдругъ блѣдными и неумѣстными передъ лицомъ этого гордаго, безмолвнаго горя. И онъ только пробормоталъ — какъ будто чувствовалъ себя обязаннымъ сказать это:

— Я... тоже ѣду... чтобы поступить въ дѣйствующую армію... Такъ... такъ нельзя...

Онъ не докончилъ своей мысли.

Она не отвѣтила.

И въ нѣмомъ молчаніи, прислушиваясь къ разсказамъ темнаго моря, разсказывавшаго что то печальное, напоминавшее такъ мало о великомъ вечерѣ, царившемъ надъ міромъ, улетѣли они оба мыслями къ берегамъ своей родины, еще скрытымъ далеко, далеко за горизонтомъ...

Мой женихъ Мирко.

Вечерѣло.

Въ окна вагона глядѣли сѣрыя осеннія сумерки. Капли дождя ударяли по стеклу, мѣшая разглядѣть унылыя сжатыя поля, рѣдкіе мокрые скирды и темную убѣгающую линію лѣса.

Огня еще не зажигали.

Въ купэ насъ было двое. Барышня въ траурѣ и я. И, какъ это часто бываетъ въ дорогѣ, съ людьми, увидавшими другъ друга въ первый разъ, которые знаютъ, что черезъ нѣсколько часовъ разойдутся — и врядъ ли встрѣтятся еще когда либо, а если вчтрѣтятся, не узнаютъ другъ друга — она разсказала мнѣ, чужому человѣку, свое горе.

— Я вернулась въ Россію съ мѣсяцъ тому назадъ — начала моя собесѣдница. — Когда я, семнадцатилѣтней дѣвушкой, ѣхала съ отцомъ въ Болгарію, — я казалась себѣ несчастнѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Я только что кончила гимназію. Весь послѣдній годъ я только и жила мечтами о предстоящей свободѣ. О балахъ, концертахъ, театрахъ — о всей той блестящей свѣтской жизни, которой манитъ и зачаровываетъ Петербургъ. И вдругъ, вмѣсто этого — какая то Софія, рисовавшаяся въ моемъ воображеніи похожей на Тулу, гдѣ мы бывали лѣтомъ проѣздомъ въ имѣніе ,

Я пробовала себя утѣшать мыслью, что ѣду въ родную славянскую страну, о которой

такъ много и горячо разсказывалъ намъ, восьмиклассницамъ, красавецъ — учитель исторіи Въ котораго мы были всѣ влюблены . . . Поголовно . . .

Но увы — это было слабое утѣшеніе...

Подъѣзжали мы къ Софіи дождливымъ днемъ, Грязныя узкія улицы, склизкія стѣны домовъ, недовольныя лица прохожихъ, укрывавшихся подъ зонтами — вотъ было мое первое впечатлѣніе о „родной славянской землѣ"...

Довольно безотрадная картина!

Но въ семнадцать лѣтъ быстро привыкаешь ко всему. Я вскорѣ увидѣла, что въ Софіи можно повеселиться не хуже Петербурга У насъ въ посольствѣ было много молодежи, и мы быстро познакомились съ софійскимъ обществомъ. Первая зима протекла совсѣмъ незамѣтно. Когда прошелъ первый угаръ свободы, исчезла острота новыхъ ощущеній, я начала впрочемъ замѣчать пустоту и пошлость окружающихъ меня людей. Все остыло какъ то очень быстро. Во всѣхъ, кто въ началѣ казался мнѣ такими милыми и славными, — я увидѣла теперь только легкомысленныхъ фатовъ, пустыхъ свѣтскихъ болтуновъ...

Я всегда была немного серьезна. Искала чего нибудь особеннаго...

Красиваго и увлекательнаго.

И рой моихъ свѣтскихъ поклонниковъ дать мнѣ этого не могъ...

Въ это время я познакомилась съ Мирко, сыномъ одного бывшаго министра. Онъ только что окончилъ московскій университетъ, и вернулся весной въ Софію. Мирко былъ красивый брюнетъ, стройный, умный, жизнерадостный.

Мы полюбили другъ друга...

Между нами никогда не было разногласій, даже въ мелочахъ. Характеры, взгляды и убѣжденія — все удивительно гармонировало у насъ. Ни одинъ споръ не омрачалъ никогда нашей любви — моего перваго серьезнаго чувства..

Какъ дочь дипломата, я не могла, конечно, не интересоваться политикой. И замѣчала, какъ постепенно стало измѣняться отношеніе болгаръ къ Россіи. Особенно же это стало проявляться съ тѣхъ поръ, какъ началась эта ужасная нѣмецкая война..

Мирко былъ ярый руссофилъ. Проведшій лучшіе годы своей юности въ Россіи, онъ, естественно, не могъ не любить ея. Возводилъ въ какой то культъ все русское и страстно ратовалъ за выступленіе Болгаріи на сторонѣ Согласія.

А германофильское теченіе въ странѣ все росло. Когда же капризный богъ войны отвернулся отъ Россіи и озарилъ улыбкой ея враговъ, „руссоядцы" подняли голову и стали громче выражать солидарность съ центральными державами.

Что то назрѣвало и готовилось.

Ужасный случай въ Казино былъ первымъ реальнымъ фактомъ, свидѣтельствовавшимъ объ этомъ броженіи. Я не была на маскарадѣ, но Мирко былъ тамъ и передалъ мнѣ потомъ всѣ подробности. Мнѣ казалось, что онъ зналъ объ этомъ больше, чѣмъ говорилъ... Но я не стала его разспрашивать.

Отецъ давно узналъ о нашей любви, и свадьба наша была дѣломъ рѣшенымъ. Но теперь онъ пробовалъ отговаривать меня.

— Если ты выйдешь замужъ за Мирко, ты станешь вѣдь болгарской подданной. А если Болгарія выступитъ противъ Россіи?

Я смѣялась надъ предупрежденіями отца, а Мирко возмущался до глубины души: онъ слишкомъ вѣрилъ въ честность своего народа.

— Молчите лучше! — говорилъ онъ рѣзко моему отцу — неужели вы считаете насъ, болгаръ, лишенными всякаго политическаго смысла, всякаго нравственнаго чувства? Пойти противъ Россіи, имя которой свято для каждаго болгарина, противъ Россіи, которая кровью своей создала независимое Болгарское государство!

Германское золото можетъ плѣнить своимъ звономъ и блескомъ малодушнаго, можетъ купить нашихъ правителей, и безъ того чуждыхъ болгарскому народу, но не можетъ купить всей націи! Развѣ болгары слѣпы, чтобы, забывши недавнюю турецкую кабалу, броситься въ еще худшую кабалу — нѣмецкую? Нѣтъ, мы осуществимъ свой національный идеалъ, даже если для этого придется перешагнуть черезъ трупы тѣхъ, кто самовольно всталъ у государственнаго кормила!

Онъ не былъ дипломатомъ, мой Мирко! Онъ былъ только горячій идеалистъ и вѣрилъ въ благородство своей націи...

Но мой отецъ былъ старый дипломатъ, и онъ только грустно качалъ головой, слушая восторженныя рѣчи молодого человѣка...

Атмосфера сгущалась все больше и больше. Уклончивые отвѣты на предложенія Согласія, договоръ съ Турціей о Дедеагачской желѣзнодорожной линіи, о каторомъ кричали всѣ газеты, — все это заставляло моего отца задумываться все больше и больше.

Что съ свадьбой приходилось повременить, было ясно само собой.

Не одни дипломаты предчувствовали событія. Смутная тяжесть ощущалась всѣми...

Была объявлена мобилизація. Дни ея были какимъ то мрачнымъ кошмаромъ. Надо было видѣть этихъ солдатъ — унылыхъ, равнодушныхъ, не знавшихъ, куда и противъ кого ихъ погонятъ...

Германофильскія газеты усердно муссировали слухи о германскихъ побѣдахъ, о несогласіяхъ между союзниками. Велась усиленная агитація противъ Сербіи.

Второго сентября былъ полученъ въ Софіи ультиматумъ русскаго правительства. Намъ были даны соотвѣтствующія инструкціи

Болгарія никогда не дастъ удовлетворительнаго отвѣта — говорилъ отецъ и велѣлъ мнѣ загодя готовиться къ отъѣзду.

Грустно обходила я комнаты, гдѣ прожила пять счастливыхъ лѣтъ. Теперь, наканунѣ вынужденнаго отъѣзда, опостылѣвшая было Софія казалась мнѣ родной и безконечно любимой.

Мирко не показывался нѣсколько дней. Онъ сталъ за послѣднее время очень молчаливымъ. Я чувствовала, что онъ что то скрываетъ.

Мирко пришелъ въ тотъ день, когда былъ посланъ отвѣтный ультиматумъ. Мнѣ не могло не броситься въ глаза его крайнее возбужденіе. Волненіе его сначала было такъ сильно, что онъ не могъ сказать ни слова. Нѣсколько минутъ онъ молча мѣрялъ шагами комнату. Отца не было дома: онъ былъ у больного Савинкова. Я сидѣла на диванѣ и тоже молчала. Мирко сѣлъ рядомъ со мной. Молча взялъ мою руку. Я гладила его волосы, и ласка эта, казалось, успокаивала его.

— Значитъ, мы должны разстаться, Мирко? — спросила я его.

— Да, но только на время. Какъ мнѣ тяжело — продолжалъ онъ, помолчавъ, — понимаешь весь трагизмъ моей ошибки: я ошибся въ своемъ народѣ... Во всемъ святомъ, что было

въ моемъ сердцѣ... Какой ужасный конфликтъ — Россія и Болгарія въ моемъ сознаніи всегда были неразрывнымъ цѣлымъ... И вдругъ — Болгарія противъ Россіи! Я понимаю что германофильская политика Фердинанда ведетъ страну къ гибели. Но если меня призовутъ — я долженъ буду исполнить свой долгъ..

Мой умъ отказывается понимать это: Болгарія противъ Россіи!

Какой это ужасъ! И какой позоръ!

Онъ закрылъ лицо руками.

— Что же ты будешь дѣлать, Мирко?

— Что я буду дѣлать? — Бороться съ предателями родины!

— Мирко, что ты задумалъ!

— Я не одинъ. Насъ много. Мы должны или спасти страну отъ позора, или съ честью погибнуть!

Глаза Мирко загорѣлись фанатическимъ огнемъ...

Грустный былъ день, когда мы покидали Софію.

На улицахъ толпились оживленно бесѣдующія группы. Бросались въ глаза военные.

Изъ одного переулка навстрѣчу намъ вынырнула толпа, задержавшая нашъ длинный кортежъ. Вѣдь мы ѣхали въ составѣ всей миссіи — женщины, дѣти, прислуга съ вещами.

Встрѣчная толпа несла національные флаги. Пѣли „Шуми, Марица“.

Какіе то потертые субъекты, повидимому, распоряжались манифестаціей. Они затянули популярную въ Болгаріи антисербскую пѣсенку „Союзница разбойница“. Толпа равнодушно подхватила и это.

Я вглядывалась въ отдѣльныя лица. Но

видѣла только равнодушіе или недоумѣніе. Какъ статисты, которымъ режиссеръ, — и притомъ плохой — указалъ мѣста и жесты...

Или я совсѣмъ не умѣла читать въ человѣческихъ чертахъ, или болгары, дѣйствительно, были равнодушны къ назрѣвавшимъ событіямъ, не понимая всего ужаса близкаго грядущаго...

Мы уѣзжали не съ главнаго вокзала, а съ пригороднаго, такъ называемаго Царскаго Спита. На станцію явились проводить насъ близкіе знакомые и официальные представители царя — наслѣдникъ и Родославовъ. Послѣдній улыбался своей вѣчной фальшивой улыбкой, и бесѣдовалъ съ Саблеромъ, словно ничего не случилось..

Мы съ Мирко стояли поодаль, обмѣниваясь послѣдними словами, послѣдними взглядами.

— Будь бодрой! — сказалъ онъ мнѣ тихо — выходя послѣ второго звонка изъ вагона — и вѣрь: не все еще потеряно. Мы увидимся на развалинахъ стараго болгарскаго трона!

Я грустно кивала ему. Чувствовала, что разстаемся навѣки.

Поѣздъ тронулся. Я высунулась изъ окна и долго еще махала ему платкомъ — пока вокзалъ не скрылся за поворотомъ.

Я не ошиблась въ своемъ предчувствіи.

Развѣ мой Мирко, съ его горячей кровью, съ его открытымъ характеромъ, могъ быть главой заговорщиковъ?

Не знаю, чѣмъ выдали они себя. Но я прочитала его имя въ спискѣ казненныхъ за руссофильство, который привезъ вернувшійся изъ Болгаріи, оправившійся отъ тяжкой болѣзни Савинковъ...

Казненъ за то, что любилъ Россію, — Рос-

сію, которой были преданы его отецъ, дѣдъ, всѣ предки... Россію, которая жертвенной кровью выкупила его родину изъ турецкой неволи...

Казненъ за то, что любилъ Россію и свой народъ, въ благородство котораго вѣрилъ до послѣдней минуты!...

Моя собесѣдница замолчала и отвернулась къ окну, чтобы скрыть набѣжавшія слезы...

За густымъ туманомъ мелькали уже отдѣльные огни. Мы приближались къ вокзалу...

Голуби.

На окраинѣ города, въ густомъ и тѣнистомъ саду, стоитъ маленькій зеленый домикъ. Потемнѣвшія деревянныя стѣны увиты дикимъ виноградомъ, а по стекламъ веранды бѣжитъ, прихотливо извиваясь и сверкая ярко-красными цвѣтами, аравійскій бобъ. Передъ домомъ — пестрые цвѣтники. Въ окна заглядываетъ весной душистая сирень. Надъ черной крышей склоняются вѣтви тѣнистыхъ клёновъ, липъ и березъ.

Въ комнатахъ всегда полутемно. Густые кусты за окномъ не допускаютъ туда яркихъ лучей солнца. И эта полутьма, и старинная уютная мебель, и низкіе, разрисованные какими то листьями потолки — все это говоритъ о другомъ вѣкѣ, о другой жизни... Жизни, безконечно далекой отъ той, что катится въ шумѣ автомобилей и аэроплановъ, что бѣжитъ по телеграфнымъ проводамъ, что движетъ могучіе океанскіе города-пароходы..

У обитателей домика — своя жизнь, и нѣтъ имъ дѣла до той, что бьетъ ключемъ за оградой стараго сада.

Ихъ двое — шестидесятилѣтній хозяинъ дома, Иванъ Ивановичъ и его слуга Тихонъ, который еще старше своего барина. И больше никого...

Давно уже — много-много лѣтъ — не переступалъ порога дома никто посторонній, не раздавался въ немъ никакой чужой голосъ.

Кромѣ стариковъ по комнатамъ стараго дома бродятъ только голуби. Много-много голу-

бей. Иванъ Ивановичъ не держитъ ихъ въ голубятняхъ, для нихъ отведена просторная, единственная свѣтлая въ домѣ,комната. И, какъ ни много тамъ бѣлыхъ, сизыхъ, рыжихъ, пестрыхъ, черныхъ съ синимъ отливомъ — Иванъ Ивановичъ знаетъ ихъ, кажется, всѣхъ по имени, знаетъ привычки и характеръ каждаго изъ своихъ крылатыхъ друзей. Голуби и цвѣты — единственные друзья стараго холостяка.

Постоянное общеніе съ природой выработало въ душѣ Ивана Ивановича какое то философское міровоззрѣніе, спокойное отношеніе ко всему окружающему Онъ любилъ свой садъ, своихъ голубей и свой покой. Не будучи мизантропомъ, Иванъ Ивановичъ чуждался людей, эгоистично боясь, что общеніе съ ними нарушитъ спокойствіе его созерцательной жизни, внесетъ въ нее волненія и бури.

Весна одѣвала садъ лиловымъ покровомъ сирени. Іюль раскрывалъ жасминъ. Наполнялъ садъ ароматомъ липъ. Осень, окрасивъ деревья въ недолговѣчный нарядъ, срывала сухіе листья, готовя мягкій коверъ для бѣлаго, крупнаго снѣга

Такъ проходили года — одинъ за другимъ — ничто не нарушало соннаго покоя жильцовъ зеленаго домика.

И вотъ жизнь, которую годами гнали изъ низкихъ комнатъ, внезапно властно, грубо пробила себѣ туда дорогу — грянула война!

Иванъ Ивановичъ помнилъ и турецкую войну, и японскую, и туманные годы первой революціи. Но всѣ эти событія мало коснулись стараго дома. Турецкая война — это было давно... И только великая война нарушила мирный сонъ доживающихъ свой вѣкъ стариковъ.

Все, что годами сложилось въ умѣ Ивана

Ивановича — всѣ понятія его грозила перевернуть эта война.

И однажды, въ іюльскій день, Иванъ Ивановичъ совершилъ путешествіе въ городъ, въ самый центръ, гдѣ не былъ, кажется, уже нѣсколько лѣтъ. Онъ шелъ въ банкъ, гдѣ хранились его сбереженія. На другой день Тихонъ, съ торжественнымъ и строгимъ лицомъ, отправился также въ городъ, и отдалъ большой запечатанный конвертъ подъ росписку въ красивомъ домѣ, на которомъ развѣвался флагъ Краснаго Креста.

И, чѣмъ шире развертывались міровыя событія, чѣмъ больше раненыхъ прибывало съ фронта, — тѣмъ чаще носилъ Тихонъ таинственные пакеты въ домъ съ Краснымъ Крестомъ.

Никто не зналъ про это и сосѣдки стараго чудака не разъ говорили, укоризненно косясь на мелькавшую между цвѣтовъ сгорбленную фигуру:

— Ишь, живетъ себѣ бариномъ, возится со своими птичками да цвѣточками. Хоть бы семью какую бѣдную въ домъ пустилъ — комнатъ то свободныхъ сколько... Тоже...

Ивану Ивановичу не было дѣла до того, что говорятъ про него люди.

Но въ тихую сонную жизнь стариковъ ворвался нежданный гость — и гость этотъ былъ большая пестрая карта, на которой они съ методичной аккуратностью отмѣчали каждое утро продвиженіе нашихъ войскъ. Газеты и телеграммы не сходили у нихъ со стола. Утромъ — телеграммы и карта, послѣ обѣда — птицы и цвѣты, вечеромъ — газета. Такъ текла новая жизнь въ зеленомъ домикѣ.

Когда изъ города начали увозить все цѣнное, и жители стали спѣшно покидать свои

гнѣзда — старички не тронулись съ мѣста. Да и какъ стали бы они жить въ чужомъ городѣ.

Городъ пустѣлъ. Звукъ канонады приближался.

Было сѣрое, дождливое утро. Иванъ Ивановичъ напился чаю, прочелъ краткое сообщеніе „отъ штаба Верховнаго главнокомандующаго“ и направился въ комнату своихъ друзей. Воркуя и трепеща крыльями, обступили они старика, стараясь вырвать изъ его рукъ кусочекъ бѣлаго пушистаго хлѣба.

Не обходилось безъ драки. Иванъ Ивановичъ вполголоса журилъ забіякъ (онъ утверждалъ, что голуби великолѣпно понимаютъ человѣчью рѣчь) и старался давать самымъ скромнымъ и слабымъ.

Вошелъ Тихонъ. Онъ какъ-то тупо уставился на давно знакомую ему картину. Лицо старика было мрачно.

— Баринъ, а баринъ! — вполголоса сказалъ онъ.

— Ну, въ чемъ дѣло?

Иванъ Ивановичъ не обернулся на голосъ, гладя спинку сѣвшей ему на плечо и воркующей отъ удовольствія рыжей голубки.

— Вотъ здѣсь.. написано...

Тихонъ не договорилъ, сунувъ старику листъ утренней газеты. Иванъ Ивановичъ пробѣжалъ замѣтку, на которую указалъ ему Тихонъ, еще разъ... уронилъ газету и уставился на слугу. Испуганные зашелестѣвшимъ листкомъ, взвились ближайшіе голуби — словно чуя, какую вѣсть несутъ имъ эти черныя, равнодушныя строки . . .

Баринъ и слуга молча смотрѣли другъ на друга.

— Но вѣдь это невѣроятно, Тихонъ! — сказалъ, наконецъ, Иванъ Ивановичъ, но голосъ его

предательски дрогнулъ. — Да нѣтъ, здѣсь какое нибудь недоразумѣніе... Я пойду къ приставу, узнать, въ чемъ дѣло...

Но приставъ подтвердилъ Ивану Ивановичу. что „согласно приказу командующаго Н-ской арміей, всѣ голуби, какъ почтовые, такъ и простые, подлежатъ уничтоженію“...

— Правда, Тихонъ — сказалъ онъ, и, минуя столовую, гдѣ былъ уже накрытъ столъ, прошелъ въ комнату своихъ друзей. Изъ за двери еще услышалъ онъ воркотню и на минуту остановился. Больше всего его возмущала фраза, прибавленная послѣ приказа, очевидно, выдуманная кѣмъ то тупоголовымъ въ полиціи:

— За каждую голубиную головку, принесенную въ участокъ, будетъ выплачено пять копеекъ.

Онъ уже видѣлъ передъ собой цѣлую армію уличныхъ мальчишекъ, съ гиканьемъ и свистомъ ловящихъ довѣрчивыхъ птицъ, силками, веревками, просто руками... Слышалъ ихъ грубый смѣхъ, веселые крики, видѣлъ глаза, блестящіе отъ жадности и охотничьяго азарта...

Когда Иванъ Ивановичъ открылъ дверь, то, сорвавшись съ мѣста, полетѣла ему на плечо бѣлая голубка, глядя на него своими большими красными глазами. Остальные столпились у его ногъ, ожидая подачки и ласки. А онъ тупо смотрѣлъ на своихъ друзей и думалъ о безсмысленности распоряженія.

— Что это? — сказалъ онъ, замѣтивъ скатывавшіяся слезинки, — къ чему? Вотъ увидѣли бы люди, сказали: сентиментальность, расчувствовался старый дуракъ... Другіе отдаютъ своихъ сыновей, братьевъ... сами гибнутъ въ бою... А онъ — о птицахъ...

Но слезы не слушались его, и одна за другой, текли по сморщеннымъ щекамъ...

А голуби, удивленные его молчаніемъ, топтались, воркуя, у его ногъ, взлетали на спину и плечи, трепали его сѣдые волосы... — И не подозрѣвали о томъ, какая судьба ожидаетъ ихъ завтра. . .

Безъ винтика.

„Съ чувствомъ глубокой радости извѣщаю родныхъ и знакомыхъ, что мой единственный сынъ

Иванъ Георгіевичъ
ПАЛИЦЫНЪ

положилъ свою жизнь за Вѣру, Царя и Отечество.

О днѣ прибытія тѣла и погребеніи будетъ объявлено особо. Г. Палицынъ“.

— Соня, Соня! — окликнулъ прапорщикъ Серафимовъ свою жену — пойди сюда. Разъясни мнѣ, что это за странное объявленіе? Или у васъ въ Л-скѣ принято такъ подчеркивать свой патріотизмъ?

Серафимовъ только третьяго дня вернулся съ позицій. Въ Л-скѣ, гдѣ жила у своихъ родителей его жена, онъ былъ впервые.

— Въ чемъ дѣло? Какое объявленіе? — спросила Соня, наклоняясь надъ газетой. — Палицынъ? — Ну конечно, кто же другой... Онъ вѣренъ себѣ даже въ такую миниту... Такъ, значитъ, правда, что Ваня Палицынъ убитъ? Въ городѣ давно говорили... Онъ пошелъ добровольцемъ съ самаго начала войны... Былъ здѣсь еще въ мартѣ.. Въ отпуску, что ли... Бѣдный... Такой славный былъ человѣкъ... Хотя, конечно, не безъ странностей... Впрочемъ, какъ же у такого отца...

— А что это за Палицынъ? — полюбопытствовалъ Серафимовъ.

— Юродивый, блаженный . . . — отозвался сердитымъ баскомъ тесть, появляясь въ дверяхъ — Не то, чтобы помѣшанный, а такъ блажитъ...

— Да кто онъ такой?

— Да ну, владѣлецъ нашего знаменитаго садоваго заведенія. Развѣ не видѣлъ, когда подъѣзжалъ къ вокзалу, безконечный красный заборъ? Это и есть садоводство „Георгій Палицынъ и сынъ". Цвѣты и фрукты на всю округу поставляетъ . . . груши его на всю губернію славятся . . . За-границей выставлялъ свои цвѣты . . . Медаль получилъ . . .

— Но почему вы назвали его юродивымъ, папаша?

— Да такъ, юродивый и есть. Пріѣхалъ онъ къ намъ этакъ лѣтъ тридцать тому назадъ. Купилъ землю — тогда это верстахъ въ трехъ отъ города было . . . Сталъ строиться, разводить сады и огороды . . . Садовника голландца выписалъ . . . Богатый человѣкъ . . . Очень богатый . . . Понравился онъ намъ сначала: такой общительный, живой, остроумный . . . Долгое время никакихъ странностей за нимъ не замѣчали . . . Ну, да богатый человѣкъ можетъ себѣ позволить... Впрочемъ, ничего . . . Только ревнивъ былъ до безумія . . . Ну, да у каждаго свой конекъ . . . Да и какъ не ревновать: жена — красавица . . . Лѣтъ восемнадцать было ей, ему же тогда уже лѣтъ за тридцать перевалило. А то и всѣ сорокъ исполнилось . . . Веселая, черноглазая, румяная... Полгорода она съ ума свела . . . А волосы у нея какіе были — длинные, предлинные, мягкіе какъ шелкъ . . .

— Вѣрно и вы въ нее были влюблены, папаша — засмѣялась Соня.

— Ну ужъ и влюбленъ — отвѣтилъ отецъ, косясь на дверь столовой, гдѣ накрывала столъ его жена, и тише прибавилъ: — да что грѣха

таить — кто не былъ влюбленъ въ Олечку Палицыну!.. Да шутить то она шутила со всѣми, а никто не могъ похвастаться, что имѣетъ у нея серьезный успѣхъ. И если она, въ концѣ концовъ, измѣнила мужу, то, право, онъ самъ былъ виноватъ — самъ натолкнулъ ее своей чудовищной ревностью...

Ну, да это пустяки, если бы только ревнивъ былъ. У всякаго свое... Да были у него еще и другія непріятныя качества...

Въ первый разъ прошелъ въ городѣ слухъ, что у него „не всѣ дома", послѣ этого случая съ губернаторомъ. Это было, кажется, въ 1896 г... или девяносто седьмомъ... Ну, однимъ словомъ, когда у насъ желѣзную дорогу строили... И теперь мосты и желѣзныя дороги — золотое дно для ловкаго строителя, ну а въ то далекое время всякія тамъ ревизіи не такъ еще въ модѣ были.

Ну, понятно, многіе на этой постройкѣ разбогатѣли. У самого губернатора Красовскаго — Царство ему Небесное, хорошій человѣкъ былъ — и у губернатора, говорили, рыльце сильно въ пушку было... Всѣ въ городѣ знали, да молчали — кому охота соръ изъ избы выносить. Слава Богу, что дождались дороги, а какъ она строилась — намъ что до этого...

Ну вотъ, состоялось торжественное открытіе. Понаѣхало къ намъ, въ Л-скъ, народу всякаго, разукрасили городъ флагами, ну и тому подобное. Архіерей пріѣхалъ, губернаторъ. Было молебствіе, пустили пробный поѣздъ съ почетными гостями, потомъ — обѣдъ въ думѣ... Приглашены были всѣ именитые граждане, ну, понятно, и Палицынъ. Выпили изрядно, какъ уже полагается, ну и развязались языки. Начались тосты. То губернаторъ архіерея превозноситъ, то архіерей губернатора. То городской голова предлагаетъ выпить за здоровье главнаго строителя (не помню хорошо

фамиліи этого инженера... тоже хорошій человѣкъ былъ), то инженеръ превозглашаетъ „многая лѣта“ головѣ. Не помню ужъ, какъ — давно это было — да и повторяя, прибавили потомъ подробности, а самъ я тогда на обѣдѣ не былъ — но только Палицынъ назвалъ губернатора взяточникомъ. Понятно, не такъ себѣ, здорово живешь, — разговоръ какой-то сначала былъ... Говорили въ городѣ: къ женѣ приревновалъ онъ губернатора... Да это ерунда — послѣ выдумали... Ну, понимаю, — если бы пьянъ былъ, а то Палицынъ и не пьетъ совсѣмъ — смѣшно даже, точно красная дѣвица...

Ну, извѣстно, скандалъ получился громадный. Сколько народу тамъ чужого было — разнесли сейчасъ по всей губерніи, какъ губернатора въ Л-скѣ осрамили... Хорошо еще — въ то время не смѣли газеты о такихъ случаяхъ и заикаться, не то, что теперь. На то и цензура была, чтобы всякій прохвостъ не могъ царскихъ слугъ въ печати облаивать... Не то, что теперь... Ну все же — скандалъ на всю губернію... А сколько непріятностей чинилъ намъ потомъ губернаторъ! Всему городу... Дорого намъ этотъ обѣдъ обошелся...

Ну потомъ, понятно, стали избѣгать приглашать Палицына въ различныхъ торжественныхъ случаяхъ. А онъ все-таки продолжалъ свои неумѣстныя выходки. Гласнымъ въ думѣ былъ. Въ городскіе головы мѣтилъ... Да мы остереглись... Какія онъ рѣчи въ думѣ произносилъ — что твой Петръ Великій! Однимъ махомъ задумалъ исправить всѣ наши вѣковыя неурядицы... Естественно обижались на него — молодъ больно отцовъ города учить... Одно слово — безпокойный былъ человѣкъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, такъ беззастѣнчиво правду-матушку рѣзать... Всѣ облегченно вздохнули, когда онъ, выражаясь

вашимъ газетнымъ языкомъ, „отстранился отъ общественной дѣятельности"... Это было послѣ того, какъ сбѣжала у него жена... Да и какъ же не сбѣжать отъ такого полоумнаго мужа? Онъ ей, кромѣ непріятностей, ничего не доставлялъ, вѣчно ставилъ ее въ обществѣ въ неловкое положеніе...

Пріѣзжала въ городъ труппа. Паршивенькая, захудалая... Только и было два актера настоящихъ, — комикъ, не помню фамиліи — да еще премьеръ Пронскій. Тогда онъ еще начинающимъ артистомъ былъ, только къ намъ, въ какой-нибудь Лскъ, и могъ въ премьеры попасть. Противный человѣкъ былъ: двуличный, злой, сплетникъ... Вообще, какая-то нравственно нечистоплотная личность. А игралъ съ какимъ огонькомъ! Помню, красивые у него были глаза — темные такіе, съ длинными рѣсницами... Ну, всѣ наши дамочки съ ума и сходили... Пронскій да Пронскій — только и разговору, что о Пронскомъ...

— Скажите, вѣдь это же не тотъ знаменитый петроградскій Пронскій? — спросилъ тестя прапорщикъ.

— Ну, понятно, онъ... благодаря исторіи съ Палицынымъ, онъ и пошелъ въ гору. Реклама...

Такъ вотъ, ахали наши дамочки, бѣгали „на Пронскаго", карточки его покупали... цвѣты подносили... Бѣгала съ ними и Олечка... А какъ весной уѣхала труппа — исчезла и госпожа Палицына... И право же — никто не осудилъ ея, кромѣ тетушекъ да старыхъ дѣвъ. А пожалѣть — многіе пожалѣли...

Разсказчикъ вздохнулъ, и, помолчавъ съ минуту, продолжалъ:

— Въ городѣ злорадствовали. Интересовались ужасно, какъ отнесется къ случившемуся Палицынъ. Кто не зналъ его ахиллесовой пяты

— ревности? А онъ взялъ — да и обманулъ всѣ ожиданія — заперся на двѣ недѣли у себя, за стѣной, да и не показывался никуда... И сынишку на улицу не пускалъ, боялся, видно, что тотъ болтать будетъ. Мальчишкѣ тогда четвертый годикъ шелъ.

И никто не замѣтилъ, какъ онъ уѣхалъ изъ города. Узнали только изъ газетъ.

Сидѣлъ это, значитъ, Палицынъ двѣ недѣли, думалъ, думалъ, — да и надумалъ поѣхать за ними. Узналъ, что Пронскій въ Москвѣ, пріѣхалъ туда — и вызвалъ его на дуэль. Ну, тотъ — трусишка, и такъ, и этакъ, чтобы отвертѣться. Я, молъ, изъ принципа драться не буду... А какой тамъ принципъ, когда просто — трусъ... И не сталъ... А Палицынъ возьми — да и подстрѣли его... Не убилъ, ранилъ только... Да и то не опасно. А все же — покушеніе на убійство, да еще предумышленное. Громкое дѣло было. Пронскій сумѣлъ создать себѣ изъ него такую рекламу, что сразу чуть ли не въ знаменитости вышелъ... А вѣдь все началось то съ процесса...

Палицына оправдали — нашли тамъ смягчающія обстоятельства. Ну а все же, нѣсколько мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи пробылъ... Да еще въ больницѣ мѣсяца два что ли продержали — умственныя способности свидѣтельствовали...

Вернулся къ намъ, въ Л-скъ, совсѣмъ старикомъ... Ну, понятно, стали его сторониться. Да и самъ онъ началъ избѣгать старыхъ знакомыхъ. А скоро и совсѣмъ отшельникомъ сдѣлался... Только и зналъ, что сынишку, да свои цвѣты... Дѣло его процвѣтаетъ, другого такого образцоваго садоводства во всей губерніи не сыщешь... Служащіе у него дѣльные, подолгу

служатъ, хорошо зарабатываютъ; обращается онъ съ ними очень хорошо. Да...

А винтика у него, все-таки не хватаетъ...

— Ну, изъ вашего разсказа это еще не вытекаетъ.

— А какъ же! А то вотъ еще: сына ничему учить не хотѣлъ, ни за что въ гимназію не отдавалъ. Дома, говоритъ, самъ съ нимъ заниматься буду.

— Да вѣдь отдалъ же онъ его въ концѣ концовъ — вставила Соня.

— Только благодаря отцу Мефодію. — Пріятель это его закадычный... батюшка Преображенской церкви — пояснилъ Серафимову тесть — тоже человѣкъ со странностями.

— Ну вотъ, какія вы еще странности нашли у отца Мефодія, папаша? — перебила отца Соня — отецъ Мефодій — идеальный батюшка!

— Знаю, знаю, вы всѣ за него заступаетесь — общій любимецъ нашихъ дамъ.

— А что, навѣрное молодой, изъ такъ называемыхъ „свѣтскихъ батюшекъ"? Въ шелковой ряскѣ ходитъ?

— Да ничего подобнаго — горячо заступилась Соня — онъ — чудный человѣкъ, свѣтлая личность... Онъ умѣетъ такъ успокоить на исповѣди, такъ легко становится... А посмотришь — какъ будто бы и не сказалъ ничего особеннаго... Но все, что онъ говоритъ, такъ просто, такъ искренне. Я посовѣтовала бы сходить къ нему всѣмъ, кто привыкъ смотрѣть на исповѣдь, какъ на простой обрядъ.

— Онъ идеалистъ — продолжала она, помолчавъ — относится къ своему дѣлу удивительно серьезно... Изгоняетъ изъ церковнаго обихода все, что дѣлаетъ домъ Господень домомъ торговли. Ты знаешь — обратилась она къ мужу —

онъ, какъ монахъ, не беретъ денегъ за исповѣдь . . . Ни за что . . .

Остальное духовенство его не долюбливаетъ . . . Многіе считаютъ, что онъ вводитъ въ церкви какія то новшества . . . Находятъ въ этомъ чуть ли не ересь . . . Понятно, что онъ у нихъ — бѣльмо на глазу . . . У насъ здѣсь, какъ впрочемъ, во многихъ провинціальныхъ уголкахъ, духовенство не слишкомъ образованное . . . Какъ печально, что у насъ не требуется для духовенства непремѣнно высшаго образованія . . .

Купечество тоже недовольно имъ — послѣ того, какъ онъ сталъ громить въ проповѣдяхъ спекулянтовъ.

Тутъ ужъ многіе давно подкапываются подъ отца Мефодія — находятъ ересь не только въ его порядкахъ, но представляютъ даже его проповѣди въ искаженномъ видѣ . . . Вотъ еще недавно донесли владыкѣ, будто онъ въ проповѣдяхъ своихъ выступаетъ противъ войны. Это отецъ то Мефодій! Да я не знаю, гдѣ еще вы найдете человѣка, такъ любящаго свое отечество!

— А все таки — не удержаться твоему отцу Мефодію — задумчиво сказалъ отецъ.

— Да, пожалуй — грустно вздохнула Соня — архіерей у насъ старъ и слабъ и смотритъ на все глазами приближенныхъ. А среди нихъ у отца Мефодія друзей мало . . . Вѣдь послѣ этого доноса владыкѣ запретили отцу Мефодію поучать народъ! — съ горечью прибавила Соня — а вѣдь слушать его за десять верстъ приходили!

Наступило минутное молчаніе.

— А что жъ, жена Палицына такъ и не вернулась къ нему?

— Еще тогда, когда онъ въ тюрьмѣ сидѣлъ, Олечка добилась свиданія съ нимъ. Пронскій то

ее бросилъ. Когда судьи вынесли оправдательный приговоръ — она тутъ же, въ залѣ, бросилась къ его ногамъ. Видно, у своего актера театральничать научилась . . . А онъ — какъ каменный . . . Такъ и оставилъ ее . . . А простить бы ее надо. Ну, не ради нея — ради сына. Лишить ребенка ласки материнской — это уже жестоко . . . Говорятъ, она потомъ совсѣмъ опустилась — по скользкой дорожкѣ пошла . . . Такимъ, какъ она, нужна твердая рука . . А онъ не хотѣлъ понять . . . Ну да, говорю: ненормальный онъ человѣкъ . . . Говорятъ: покончила она потомъ съ собой . . . Не знаю, но такъ говорили . . .

— Что же вы не идете ужинать? — ворчливо произнесла теща, показываясь въ дверяхъ — затѣяли тоже разговоры . . .

— Идемъ, идемъ, мамочка — отвѣтила Соня, первая направляясь къ двери , . .

— Такъ вотъ, гдѣ живетъ ваша достопримѣчательность номеръ первый! — говорилъ Серафимовъ, съ любопытствомъ разглядывая бѣлый домъ съ колоннами, выдѣлявшийся какъ то необычайно серьезно на фонѣ густой листвы. Сквозь причудливые переплеты рѣшетчатаго забора виднѣлись разнооборазныя, строго выдержанныя клумбы.

— Интересно было бы посмотрѣть садъ — сказалъ Серафимовъ.

— Это можно — входъ здѣсь свободный для всѣхъ. Я часто покупаю тутъ цвѣты.

Они миновали рѣшетчатый желѣзный заборъ и пошли вдоль кирпичней красной стѣны, похожей на ограду кладбища. И ворота были такія, какъ у лютеранскихъ кладбищъ — желѣзныя, въ готическомъ стилѣ. Не хватало только креста,

вмѣсто котораго бѣлѣла небольшая изящная вывѣска — „Садоводство Георгій Палицынъ и сынъ“.

Отъ воротъ, мимо дома сторожа, разбѣгались во всѣ стороны чистенькія, посыпанныя пескомъ дорожки. Садъ былъ, дѣйствительно, прекрасенъ. Тутъ были и рѣдкіе кусты, и деревья разныхъ климатовъ, парники и оранжереи — цѣлыя пещеры, увитыя фантастическими растеніями тропиковъ, съ прозрачными фонтанами и аквaріумами, осѣненными пальмовыми вѣтвями.

Дальше тянулось розовое поле — культура разнообразнѣйшихъ и рѣдкостныхъ розовыхъ кустовъ. За нимъ начинался плодовый садъ съ коренастыми яблонями и тонкими стройными вишнями.

Въ саду было тихо. Шумъ городской не долеталъ за эти высокія, плотныя стѣны. И отъ всѣхъ этихъ любовно разбросанныхъ растеній вѣяло тихимъ миромъ. Изрѣдка попадались навстрѣчу загорѣлые парни — былъ полдень и большинство рабочихъ разбрелось на обѣдъ. Только тамъ, на границѣ розоваго поля и сада, окаймлявшаго домъ, усердно копали землю двое молодцевъ; ихъ бѣлыя рубахи ярко сверкали на солнцѣ.

Серафимовы шли по розовому полю. Дорожка, причудливо извиваясь, бѣжала между душистыхъ кустовъ и вдругъ рѣзко своротила въ сторону сада, скрываясь въ густой зелени. Набѣжавшій вѣтерокъ внезапно раздвинулъ вѣтви кустовъ и оголилъ китайскій павильонъ, на которомъ какъ то застѣнчиво развѣвался флагъ Краснаго Креста.

— Лазаретъ? — удивленно спросилъ Серафимовъ.

— Да, съ самаго начала войны. На тридцать

кроватей. Говорятъ: оборудованъ образцово — лучшій въ городѣ.

Серафимовъ какъ то недоброжелательно покосился на пестрое зданіе. Этотъ краснорѣчивый красный крестъ, безмолвно колыхавшійся надъ моремъ зелени, сразу прогналъ мирное настроеніе его души. Напомнилъ прапорщику, откуда онъ недавно вернулся, и куда снова долженъ былъ итти черезъ двѣ короткихъ недѣли.

— Значитъ, вашъ Палицынъ и благотворитель? — сказалъ онъ.

— Онъ добрый человѣкъ — просто отвѣтила Соня — здѣсь — лазаретъ, а тамъ — она указала куда то вдаль, гдѣ за заборомъ плодоваго сада виднѣлись стропила строящагося дома — будетъ убѣжище для престарѣлыхъ бѣженцевъ. Мы можемъ пройти туда и посмотрѣть.

Они пошли по направленію къ постройкѣ.

— Не свернуть ли лучше — тамъ идетъ Палицынъ съ отцомъ Мефодіемъ.

— Почему же? Ты вѣдь сама сказала, что здѣсь ходить не возбраняется. А мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть на обѣ ваши знаменитости.

Серафимовъ не безъ любопытства ждалъ приближенія обѣихъ фигуръ, всматриваясь въ ихъ очертанія. Палицынъ былъ приземистый старикъ съ большими голубыми глазами, смотрѣвшими грустно и разсѣянно. Было видно, что онъ привыкъ оставаться наединѣ со своими мыслями.

Отецъ Мефодій былъ на цѣлую голову выше Палицына. Стройный, прямой, съ красивыми чертами лица, съ черными волосами, въ которыхъ замѣтно мелькала просѣдь — онъ напомнилъ Серафимову древнихъ святителей. Нельзя было не обратить вниманія на его глаза — большіе, горящіе какимъ то свѣтлымъ, непотухающимъ

огнемъ. Глядя на эту худощавую фигуру, отъ которой вѣяло чѣмъ то аскетическимъ и въ то же время вдохновеннымъ и властнымъ — Серафимовъ подумалъ:

— Да, этотъ сумѣетъ вдохновить толпу, за такимъ пойдешь куда угодно — на костеръ, на плаху . . .

Поровнявшись съ ними, прапорщикъ приложилъ руку къ козырку. Палицынъ слегка приподнялъ пожелтѣвшую соломенную шляпу, а священникъ, улыбаясь какой то по дѣтски чистой улыбкой, сказалъ:

— А, Софья Павловна! А это, навѣрное, вашъ мужъ, г. Серафимовъ?

Прапорщикъ назвалъ себя.

— Мы осматриваемъ вашъ садъ — сказалъ онъ, обращаясь къ Палицыну — я здѣсь въ городѣ всего двѣ недѣли, но много слышалъ о вашемъ заведенiи. Вы достигли просто чудесъ.

— Я люблю свои сады, оттого въ нихъ все и удается — какъ то разсѣянно отвѣтилъ Палицынъ, глядя туда, гдѣ стучали лопатами молодцы въ бѣлыхъ рубахахъ. — Видѣли оранжереи?

— Видѣлъ и восхищался. Я люблю цвѣты, но не разбираюсь въ нихъ. А вотъ жена — та у меня ботаникъ, знаетъ цвѣты, разводитъ ихъ у себя въ садикѣ, можетъ возиться съ ними цѣлые дни.

— Да, женщины любятъ цвѣты — односложно отвѣтилъ Палицынъ. Серафимову показалось, что ему хотѣлось поскорѣй отдѣлаться отъ непрошенныхъ посѣтителей.

— Мужъ хотѣлъ осмотрѣть еще розовое поле.

— Пожалуйста, садъ къ вашимъ услугамъ. Вы любите розы? Нарвите себѣ. Васька! — крикнулъ онъ куда то въ пространство.

Изъ за кустовъ показалась лохматая голова парня лѣтъ пятнадцати.

— Нарви для дамы розъ, да побольше!

— Рубля на три прикажете?

— Сказано — побольше и лучшихъ. Не на продажу.

— Ну что вы, зачѣмъ же . . . Мы заплотимъ — попробовалъ запротестовать Серафимовъ.

— Нѣтъ этихъ розъ я не продамъ . . . Подарить — могу . . . Все равно, сегодня вечеромъ я срѣжу ихъ всѣ — все поле . . .

Серафимову пришли въ голову слова тестя: „У Палицына не хватаетъ винтика". Тотъ словно прочелъ мысль прапорщика и улыбнулся грустной улыбкой.

— Вы удивляетесь? Сегодня прибываетъ вечернимъ поѣздомъ тѣло моего сына. Сынъ у меня былъ только одинъ . . . Онъ ушелъ добровольцемъ еще въ самомъ началѣ войны . . . А теперь убитъ . . . Двухъ Георгіевъ имѣлъ . . . Къ производству былъ представленъ . . . Умеръ отъ ранъ . . . Онъ страшно любилъ наши розы . . . Самые рѣдкіе сорта выведены имъ . . .

Ну, извините, я долженъ распорядиться. Завтра и хоронимъ его. Тутъ въ саду . . .

Палицынъ указалъ на копавшихъ могилу парней.

— Онъ любилъ цвѣты . . . Пусть и лежитъ среди цвѣтовъ . . . До свиданія!

Приподнялъ шляпу и пошелъ, спокойный и величественный въ своемъ горѣ.

Батюшка благословилъ склоненную головку Сони, пожалъ руку Серафимову и крупными шагами сталъ догонять Палицына.

— Ну, теперь ты видѣлъ обоихъ, что ты скажешь?

Серафимовъ не отвѣтилъ ничего. Онъ стоялъ

посреди дорожки и смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся фигурамъ, освѣщеннымъ лучами горячаго солнца, и въ душѣ его было такое хорошее, теплое чувство.

И эти двѣ уходившія между розовыхъ кустовъ фигуры казались ему символами той, незамѣтной за грохотомъ орудійной пальбы, за шумомъ тыловой оргіи самоотверженной трудовой Руси — той Руси, что носитъ названіе — святой...

Царь.

Онъ былъ царь.

Его царство было велико, почти безпредѣльно. Но миръ и благодать царствовали нераздѣльно на вѣчно зеленыхъ поляхъ его владѣній.

Онъ былъ царь.

Стихіи повиновались ему, своему господину Громы служили ему. Солнце всходило и заходило по его желанію, чтобы озарить созданныя имъ красоты.

Онъ былъ царь — этотъ бѣдный поэтъ, лежавшій уже годы въ своей бѣдной каморкѣ — съ неподвижными, одервѣнѣвшими ногами . . .

Онъ лежалъ въ комнаткѣ, гдѣ было холодно, сыро и такъ ужасно, ужасно тихо. Онъ не видалъ людей, кромѣ хозяйки съ ея неопрятными дѣтьми. Иногда приходили товарищи. Члены общества, содержавшаго его. Иногда — докторъ. Всѣ остальные люди были тамъ далеко, далеко внизу, на шумныхъ улицахъ, гамъ которыхъ не достигалъ пятаго этажа. И такъ же далеки, какъ эти улицы, съ ихъ трамваями, автомобилями, блескомъ электрическихъ фонарей и пестрыми выставками витринъ — такъ же далеки были отъ него людскіе интересы и стремленія.

Кто-то живетъ, наслаждается, страдаетъ и утѣшается вновь миражемъ надеждъ . . . Кому-то понятны и близки слова: сочувствіе, дружба, надежда, любовь, трудъ, слава.

Кому-то . . .

А онъ не знаетъ радостей — не чувствуетъ

больше и страданій — все замѣнилось у него тупой, равнодушной покорностью судьбѣ... Онъ не понимаетъ больше людей — и люди не понимаютъ его.

Онъ давно отвыкъ думать о жизни, и грезы его выливаются въ рифмованныя строки, такія же далекія отъ нея, какъ далекъ шопеновскій ноктюрнъ отъ площадного мотива фабричной частушки...

И равнодушно читали его строфы люди, потому что въ нихъ все было туманно, тускло — и далеко отъ красокъ живой жизни...

Но пришелъ день, когда и въ его убогую каморку ворвались яркіе жизненные лучи, и въ первый разъ созналъ онъ — и проклялъ — свою болѣзнь и свое безсиліе...

Это былъ тотъ великій день, когда изъ зловѣщей тучи, нависшей съ востока, тяжелымъ раскатомъ грянулъ, — и раскатился по всему міру — военный громъ...

Война!

Это слово зловѣщимъ заревомъ ворвалось въ его темную каморку — и впервые за долгіе годы заплакалъ онъ — горькими, горькими слезами тоски и безсилія... И, когда доносились къ нему наверхъ обрывки манифестацій, когда слышалъ онъ громкое пѣніе солдатъ — глубокой тоской сжималось его сердце и червь зависти къ здоровымъ и сильнымъ грызъ и грызъ его душу...

Вѣдь они шли умирать за родину — а онъ лежалъ здѣсь, никому не нужный и безполезный...

— Кто авторъ этихъ сладкихъ, какъ соловьиная пѣсня, стиховъ, въ которыхъ слышится

такая нѣжная грусть — скорбь о павшихъ на полѣ брани?

— Кто написалъ этотъ страстный, волнующій призывъ, толкающій безудержно въ самую гущу боя?

— Кто выстрадалъ эти вдохновенныя строки, полныя такой горячей любви къ матери-родинѣ?

Такъ говорили тѣ, кого онъ не зналъ, чьи мысли и стремленія были чужды ему еще такъ недавно. Они читали и клали на музыку его стихи, они пѣли ихъ, вдохновляясь ими на подвигъ славы. Они искали въ нихъ утѣшенія въ скорби о тѣхъ, кто палъ...

И не знали они, что авторъ этихъ чудныхъ строкъ — бѣдный поэтъ съ больными ногами, лежащій уже много много лѣтъ безъ движенія въ сырой каморкѣ на пятомъ этажѣ...

И, хотя не зналъ онъ ихъ, а они не знали его, какія-то невидимыя нити протянулись къ поэту оттуда, изъ жизни.

И его догорающая жизнь влилась полнымъ потокомъ въ бурное море любви къ страдающей родинѣ.

Царь былъ со своимъ народомъ...

Назадъ . . .

Протяжно и тоскливо разливался въ весеннемъ воздухѣ звонъ монастырскихъ колоколовъ.

И было въ немъ что-то непривычно унылое, мучительное и безнадежное . . .

Звонили къ воскресной всенощной.

По широкому двору торопливой поступью проходили монахини, спѣшившія окончить до всенощной свои обычные труды. Нѣкоторыя направлялись уже въ церковь.

На колокольнѣ, наклонившись надъ пролетомъ, стояла блѣдная, еще совсѣмъ молодая монахиня. Привычнымъ жестомъ двигала она веревку, заставляя гудѣть колокольные мѣдные языки. У ногъ ея колыхалась свѣже-зеленая листва деревьевъ. У ногъ ея, роняя тусклые лучи, лежало бѣлое еще, но уже близкое къ закату, солнце.

А надъ головой пѣли свою однообразную пѣсню колокола.

Почему такъ грустна эта пѣснь, почему слышатся въ ней такіе похоронные напѣвы?

Монастырскіе колокола . . .

Здѣсь — могила всѣхъ человѣческихъ страстей, всѣхъ молодыхъ грезъ о счастьѣ — земномъ счастьѣ человѣка . . . Здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ холодныхъ бѣлыхъ стѣнъ, протяжнаго звона и тоскливыхъ, тягучихъ напѣвовъ . . .

Здѣсь — жилище Бога . . .

Но не всѣ могутъ видѣть Его, Всеблагого

и Милосерднаго, — сквозь эти мрачныя стѣны . . .

Въ чащѣ темнаго лѣса, далеко отъ города съ его шумомъ, далеко отъ большихъ дорогъ вознеслась эта тихая обитель. И нѣтъ связи между ея ровно текущей жизнью — и той, что ведетъ грѣховный міръ, по ту сторону ограды.

Но въ такіе теплые весенніе вечера протягиваются оттуда въ монастырь невидимыя, но цѣпкія нити. Каждая капля весенняго воздуха, каждый свѣжій листокъ деревъ — все приноситъ въ обитель вѣсть о земномъ, грѣшномъ, знойномъ . . . О томъ, чему нѣтъ мѣста за бѣлыми стѣнами монастыря . . .

И въ такіе вотъ вечера ползутъ въ молодую душу смутныя, мучительныя воспоминанія о прошломъ . . . о минувшемъ счастьѣ . . .

. . . Было счастье. Земное, горячее, волнующее . . Свѣтлые, безоблачные дни . . .

А потомъ сразу — безнадежная разлука . . . Смерть любимаго . . .

И отчаяніе — тупое отчаяніе . . .

Сестра Ирина провела рукой по лбу, отгоняя тежелыя мысли. Но онѣ не уходили, и съ каждымъ новымъ ударомъ колокола ползла откуда-то ихъ темная, слѣпая вереница . . .

Зачѣмъ пошла она въ монастырь?

Въ тѣ кошмарные дни казалось ей великимъ счастьемъ уйти отъ жизни, отъ людей, запереться въ тѣсной кельѣ, со своими мыслями, со своимъ прошлымъ.

Молиться?

Сестру Ирину влекла въ монастырь не мо-

литва. Ей казалось, что за монастырскими стѣнами, въ благоговѣйной тишинѣ, творится какое то великое дѣло — полное самоотреченія, самоотверженности и христіанскаго смиренія.

Но порывъ скоро прошелъ. Сестра Ирина увидѣла, что въ монастырѣ мало такихъ, какой хотѣлось бы стать ей самой Она увидѣла вокругъ — тупую покорность судьбѣ, темноту, невѣжество, мертвую вѣру, граничащую съ суевѣріемъ, возводившую въ таинство внѣшніе обряды . . . равнодушіе . . . часто подобострастіе . . .

Молитву и постъ, низведенные на степень ремесла . . .

Да развѣ всякій способенъ молиться такъ, какъ требуетъ этого Церковь? Творить подвигъ поста и молитвы — не за себя только, а за всѣхъ — страждущихъ, болящихъ, озлобленныхъ... гибнущихъ . . .

За всѣхъ и за вся . . .

И сестрѣ Иринѣ стало тѣсно въ монастырскихъ стѣнахъ, гдѣ не нашла она покоя и удовлетворенія Да развѣ ей, дѣятельной, кипучей натурѣ, можно было примириться съ жизнью монастыря, гдѣ было много работы — но не было дѣла! Дѣла большого, широкаго, захватывающаго своимъ значеніемъ и безкорыстностью . . .

Была только молитва, молитва, молитва — потерявшая свое значеніе, не вызывавшая благоговѣйнаго экстаза.

Бѣлыя стѣны. И осуждающіе лики святыхъ. Неужели они всегда и за все осуждаютъ? Неужели у нихъ нѣтъ любви и жалости къ страдающей „душѣ христіанской, скорбящей и озлобленной?“

Строгіе лики святыхъ. И строгія равнодушныя лица монахинь. Отчего онѣ всегда такъ

спокойны и равнодушны? Или онѣ нашли тотъ божественный, золотой ключъ счастья, который такъ упорно ускользалъ изъ нетерпѣливыхъ рукъ сестры Ирины?

По лицу всего міра разлились кровавыя волны войны. Началось великое разрушеніе и великое строительство. Пали старые идолы, и на ихъ, неуспѣвшемъ еще остыть, пеплѣ воздвигались жертвенники новымъ богамъ.

Но здѣсь, у алтаря Истиннаго Бога, было все такъ-же спокойно и мирно, какъ годы — какъ десятилѣтія тому назадъ . . .

Тамъ — льется кровь, тамъ — стоны раненыхъ, тамъ — подвиги славы и милосердія. Здѣсь — тѣ-же протяжные напѣвы, тотъ-же дымъ фиміама, тѣ-же слова старинныхъ молитвъ. Брызги кровавыхъ волнъ не смѣютъ долетѣть до обители Бога . . .

Шелъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, и ничто, кромѣ положенныхъ молитвъ за Отчизну и воиновъ, не напоминало по эту сторону стѣнъ о войнѣ.

И вдругъ жизнь ворвалась въ монастырь, внезапно, страшно — какъ тать въ ночи приходящій . . .

Все произошло въ три дня.

Глухой, жуткій звукъ раскатился ночью надъ Пустынью. Робко отвѣтило ему лѣсное эхо и снова спряталось въ глушь.

И поднявшійся вѣтеръ заглушилъ раскаты, относя ихъ въ другую сторону

Не поняли еще въ ту ночь внезапно разбуженныя сестры, что означалъ этотъ новый, невѣдомый громъ.

Но съ алыми лучами разсвѣта потянулись къ воротамъ монастырскимъ испуганные люди, плачущія женщины и дѣти. Кто успѣлъ еще —

захватилъ свой скарбъ, сложилъ его на телѣгу, а кто шелъ пѣшкомъ, безо всего.

Вереница за вереницей тянулись они мимо монастыря. Иные просили пріюта, и, отдохнувъ, уходили дальше по пыльной ожившей лѣсной дорогѣ.

А за ними вслѣдъ гнались ужасъ, смерть и насиліе . . .

Цѣлый день грохотала надъ мирной обителью канонада и, казалось, становилась все ближе и ближе . . .

Цѣлый день молились во храмѣ испуганныя сестры и переполнившіе его усталые бѣженцы.

А вечеромъ пришелъ отъ военныхъ властей приказъ:

„Сжечь всѣ святыни, чтобы не доставались онѣ на поруганіе врагу — и уходить!“

Уходить изъ тѣхъ стѣнъ, за которыми, какъ ночное бурливое море, раскинулся міръ, со всѣми его соблазнами, съ его стоглавой гидрой всѣхъ смертныхъ грѣховъ.

Многія изъ сѣдыхъ сестеръ провели здѣсь всю жизнь, съ самой ранней юности, сжились съ каждымъ уголкомъ храма, знали каждый кустикъ въ саду и мечтали тутъ-же умереть, лежать подъ плакучими березами монастырскаго кладбища . . .

Уходить . . .

Торжественно, словно подъ престольный праздникъ, служилъ въ этотъ вечеръ всенощную престарѣлый отецъ Иннокентій.

Долго затянулось бдѣніе, только къ полуночи вынесли въ садъ церковныя святыни — престолъ и жертвенникъ.

Каждой весной, о ту пору, когда цвѣтетъ въ монастырскомъ саду сирень, справляла Пустынь, свой престольный праздникъ — Вешняго Николы. Двойное въ этотъ день бывало торжество — крестнымъ ходомъ приносили изъ ближайшаго города чтимую икону Божiей Матери и Владычица оставалась въ монастырѣ на цѣлыя сутки. Обѣ службы совершалъ всегда владыка. Тысячи народу стекались въ эти дни въ монастырь, убогiй храмъ не могъ вмѣстить и трети молящихся. Поэтому всенощное бдѣнiе совершалось всегда въ саду, подъ открытымъ небомъ.

. . . И теперь тоже качались по вѣтру вѣтви блѣдной сирени, сливая свой тонкiй ароматъ съ запахомъ ладана. Бѣлыя майскiя звѣзды смотрѣли съ полуночнаго неба.

Но вмѣсто тысячи благоговѣйно молящихся богомольцевъ, собрались только монахини и нѣсколько десятковъ бѣженцевъ.

И, подъ грохотъ далекихъ выстрѣловъ, совершалъ сѣдой отецъ Иннокентiй въ саду послѣднее богослуженiе . . .

. . . А черезъ пять дней — Вешнiй Никола . . .

Вотъ отзвучали послѣднiя слова молебна. Вотъ престолъ и жертвенникъ поставлены на груды кирпичей, обложенныхъ со всѣхъ сторонъ березовыми сухими дровами. Облако фимiама скрыло ихъ на минуту изъ глазъ молящихся. Послышался трескъ загорающихся вѣтвей, подожженныхъ свѣчею.

Медленно разгорались языки пламени, обнимая со всѣхъ сторонъ святыни, у которыхъ столько лѣтъ приносилась безкровная жертва, звучали пѣснопѣнiя и молитвы. Розовый свѣтъ потянулся столбомъ по небу и слился тамъ, въ выши-

нѣ, съ заревомъ пожара, полыхавшимъ надъ лѣсомъ.

Трещалъ огонь. Слышались заглушенныя рыданія монахинь.

А земля содрогалась отъ дальнихъ выстрѣловъ . . .

Майская ночь коротка. Уже начинало свѣтлѣть на востокѣ, когда появились изъ монастырскихъ воротъ черныя фигуры монахинь и ночевавшихъ въ обители бѣженцевъ. Выходили изъ ограды, крестились на кроткій ликъ Богоматери, грустно смотрѣвшій съ воротъ (крѣпко задѣланъ среди кирпичей былъ образъ, и нельзя было его снять) и медленно уходили по лѣсной дорогѣ.

И скоро густой можжевельникъ, высокія сосны и многолистые кусты орѣшника скрыли ихъ изъ глазъ Богоматери, долго смотрѣвшей имъ вслѣдъ.

Плакали старыя монахини. Тяжелая грусть давила сердца всѣхъ уходившихъ. И какъ то равнодушнѣе другихъ уходила изъ монастыря сестра Ирина

И ей было грустно — но эта была не та грусть, что лежала на душѣ у другихъ сестеръ. Ей не жаль было ни монастыря, обманувшаго ея ожиданія, ни сада, который будилъ въ ней мечты и воспоминанія минувшаго, ни тихой созерцательной жизни.

Ей больно было уходить, потому что въ этихъ раскатахъ, потрясавшихъ землю, чудилось ей вѣяніе иной, настоящей жизни... Жизни, отъ которой она снова бѣжитъ подъ своды какого нибудь монастыря. Опять къ тому же сонному и чуждому ей существованію...

Пробуждался день. Давно померкли въ синевѣ и безъ того блѣдныя майскія звѣзды. За

полями алѣла уже заря. Высоко въ небѣ выводилъ беззаботно свои звонкія трели жаворонокъ: оттуда, съ высоты, ему было уже видно восходившее солнце. Съ опушки лѣса доносились птичьи голоса...

И словно тяжелые вздохи земли, проносились, время отъ времени, гулкіе раскаты орудій...

Загудѣвъ протяжно-рѣзкимъ звукомъ, обогналъ монахинь большой автомобиль. Изъ оконъ глянули на мигъ блѣдныя лица раненыхъ, усталыя сестры, любопытные глаза санитаровъ, оглянувшихся на черную толпу, растянувшуюся по дорогѣ.

Облако пыли скрыло автомобиль — но какая то неуловимая пробѣжала струя вмѣстѣ съ нимъ. Вѣдь они ѣхали оттуда, гдѣ гремѣли орудія, изъ царства огня и крови. Эти блѣдныя лица говорили о великихъ страданіяхъ и о великомъ и страшномъ дѣлѣ...

О подвигѣ милосердія и самопожертвованія говорилъ скромный красный крестъ, украшавшій стѣнки автомобиля...

Съ грустью смотрѣла вслѣдъ пыльной завѣсѣ сестра Ирина. И ей казалось, что въ этомъ облакѣ пыли убѣжала туда, навстрѣчу майскаго дня, та жизнь, о которой грезила она въ обители долгими зимними ночами, когда протяжно завывала въ лѣсу мятель и плакали, скрипѣли и стонали тонкія сосны...

Когда садились въ поѣздъ, чтобы ѣхать къ назначенному владыкой монастырю, — хватились сестры Ирины.

Но она въ монастырь такъ и не вернулась..

Старый Яковъ.

Я встрѣтился съ этимъ страннымъ человѣкомъ въ одну изъ своихъ безконечныхъ прогулокъ по Лифляндскому взморью. Прогулки, дальнія прогулки пѣшкомъ — это была моя страсть съ дѣтства. Ученикомъ я „удиралъ“ съ уроковъ, — особенно весной, — уходя куда нибудь за городъ, гдѣ пахло свѣжей зеленью, гдѣ небо казалось ярче и синѣй, гдѣ пѣли жаворонки.

Взрослымъ я пропадалъ изъ дому на цѣлыя недѣли. Я исходилъ вдоль и поперекъ всѣ окрестности Риги, зналъ хорошо Ливонскую Швейцарію, а по морскому берегу, минуя рѣки и рѣченки, добирался до самаго Пернигеля.

Я любилъ лежать часами у костра, глядя бездумно на черныя сосны, на мелькавшія между качавшихся вѣтвей обрывки звѣзднаго неба. Любилъ морской просторъ. Любилъ однообразныя пѣсни волнъ, рождавшія во мнѣ сказочные образы...

Эти образы... Они витаютъ всюду, гдѣ вѣетъ моремъ. Они въ лѣсу. Надъ рѣчными волнами. Въ золотистой лѣтней ржи.

Они рождаются изъ кувшинокъ, раскинувшихся надъ прудомъ. Поднимаются надъ зеленымъ бархатомъ жуткихъ болотъ...

Я — поэтъ мира и тишины. Все лучшее рождаетъ во мнѣ тишина...

Я зашелъ въ лачугу стараго Якова попросить воды. Онъ сидѣлъ у стола и ѣлъ аппетит-

ную „скаба-путру“, заѣдая ее ломтемъ черного душистаго хлѣба. Старикъ предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ обѣдъ, на что я охотно согласился. Будешь голоденъ, если скитаешься цѣлый день по лѣсу..

Мы разговорились. Я съ дѣтства свободно владѣю латышскимъ языкомъ, такъ что понимать старика не составило мнѣ трудности.

Узнавъ, что я — любитель большихъ прогулокъ, старикъ оживился.

— Я тоже раньше много ходилъ, въ молодости... — сказалъ онъ — теперь мои ноги стали не тѣ... А я очень, очень люблю наши лѣса... Теперь становится годъ отъ году хуже... Вотъ, въ Вецакенѣ вырубаютъ деревья, строятъ дачи... Въ Нейбадѣ и Царникау тоже... Говорятъ — желѣзная дорога тамъ скоро пройдетъ... А раньше — какіе лѣса тамъ были!

Но и теперь на Лифляндскомъ взморьѣ еще очень хорошо...

Оставайтесь ночевать, господинъ, — завтра утромъ я отвезу васъ въ красивыя мѣста.. Ходить то я много теперь не могу — довезу на лодкѣ...

Я не пожалѣлъ, что согласился на предложеніе Стараго Якова. Этотъ восьмидесятилѣтній старикъ обладалъ художественнымъ вкусомъ и былъ глубокимъ знатокомъ прошлаго родного края.

Сопровождая его на рыбную ловлю—Яковъ былъ рыбакомъ — я могъ часами слушать его красивые разсказы о томъ, что было здѣсь раньше, какіе ландшафты столѣтія тому назадъ видѣло здѣсь человѣческое око... Яковъ разсказывалъ такъ, что можно было подумать — онъ видѣлъ все это собственными глазами.

Но онъ говорилъ о томъ — что было столѣтія назадъ!

Этотъ старикъ былъ положительно поэтъ!

Однажды онъ повёзъ меня на маленькій безымянный островокъ на старомъ устьѣ Двины, который виденъ издалека. На немъ высится какой то зеленый валъ, который, какъ я наивно думалъ, возведенъ совершенно недавно спеціально для несущихъ тамъ караульную службу солдатъ и относится къ укрѣпленному району.

Но то, что я считалъ новымъ сооруженіемъ, оказалось старше самой Риги. Когда-то, лѣтъ семьсотъ тому назадъ, стоялъ здѣсь монастырь, во имя Николая Чудотворца. И святой Николай — покровитель всѣхъ плавающихъ и путешествующихъ — охранялъ суда, входившія, распустивъ паруса, въ Двину съ моря...

Другой разъ пошли мы съ Яковомъ на Вецакенскіе пески. Я зналъ и раньше это громадное унылое пространство, гдѣ такъ легко заблудиться, гдѣ такъ быстро вязнетъ нога. Но никогда не интересовался ихъ исторіей. Пески и пески... Думалъ, что, вѣроятно, когда нибудь въ этомъ мѣстѣ Кишъ-озеро — величайшее изъ озеръ въ ближайшихъ окрестностяхъ Риги — соединялось съ Рижскимъ заливомъ, что пески эти — старое морское дно.

Какъ стыдно стало мнѣ передъ Яковомъ, который, какъ живая энциклопедія, разсказалъ мнѣ, что озеро никогда не имѣло сообщенія съ моремъ. И съ Двиной не сообщалось озеро въ оны дни...

— Тотъ проливъ, каналъ—назовите его, какъ хотите, — который вы привыкли называть „рѣка Мюльграбенъ“ прорыть вѣка назадъ искусственно. Годами работали монахи, прорѣзая песчаные холмы, пока не соединили озеро съ рѣкой... Такъ осушили они часть озера — оно занимало въ тѣ

времена гораздо большую площадь — не только добрую половину этихъ песковъ, но и часть того пространства, на которомъ нынѣ вы видите лѣсъ, гдѣ стоять деревни, зрѣетъ и наливается рожь... Но не всѣ пески были озернымъ дномъ. Часть ихъ была застроена, и на пространствѣ этомъ высились различныя монастырскія службы... Но потомъ все это было сожжено людьми, пришедшими съ сѣвера... (очевидно, старикъ говорилъ о шведахъ).

— И ничего не осталось отъ монастыря, который раскинулся на такое большое разстояніе?

Старикъ задумался.

— Осталось. Только надо умѣть искать...Тамъ, гдѣ стоялъ раньше Николаевскій монастырь, на самомъ берегу Двины, — вѣдь Двина впадала въ море не тамъ, гдѣ сейчасъ — вы видѣли зеленый валъ... Была церковь и на другомъ берегу... И кладбище... Теперь и церковь, и кладбище въ иномъ мѣстѣ... Вы ихъ знаете... Бѣлая церковь видна издалека .. А кладбище на высокомъ мѣстѣ... Съ него видны и Двина, и море... Старую церковь сожгли во время великой войны... Двѣсти лѣтъ назадъ...

А впослѣдствіи, не щадя покоя мертвыхъ, растащили гранитные кресты и надгробныя плиты и побросали ихъ въ воду...

— Зачѣмъ же? — вырвалось у меня.

— Такъ начали люди строить дамбу... Вся дамба, которую вы видите тамъ (онъ указалъ куда то въ пространство, гдѣ, скрытая за лѣсомъ, была рѣка), вся дамба, по которой вы можете пройти на зеленый островокъ — выстроена изъ кладбищенскихъ и церковныхъ камней...

— И это все, что осталось?

— Нѣтъ, есть и еще. Идемте!

— Какъ, здѣсь, на пескахъ? Неужели еще

можетъ быть здѣсь что нибудь? Что осталось незанесеннымъ? Столько вѣковъ?

Но Яковъ не отвѣтилъ, а углублялся въ пески.

Много разъ впослѣдствіи, уходя одинъ, искалъ я этотъ странный памятникъ старины, показанный мнѣ Яковомъ, — но никогда не могъ его найти Это было что то вродѣ громаднаго погреба, еще сохранившагося довольно хорошо. Я никакъ не могъ повѣрить, что онъ стоитъ семьсотъ лѣтъ, но Яковъ утверждалъ, что не ошибается.

— Вы можете посмотрѣть въ музеѣ старыя карты и планы, господинъ, — говорилъ онъ мнѣ. — Тамъ вы увидите: на этомъ самомъ мѣстѣ было большое строеніе...

Въ знойный лѣтній день, когда въ пескахъ нестерпимо душно, забрались мы подъ старые своды и легли тамъ, въ тѣни...

Старикъ, много гаворившій, пока мы шли въ пескахъ, теперь сосредоточенно молчалъ.

— О чемъ вы думаете? — спросилъ я.

Я приготовился услышать какую нибудь старую легенду, поэтому не удивили меня его первыя слова.

— Какъ много ихъ идетъ — голосъ Якова звучалъ теперь глухо и надрывно, — много - много... Одинъ за другимъ умираютъ храбрые бойцы... Вотъ осталась ихъ уже совсѣмъ небольшая кучка... Но они дерутся, какъ львы... Вотъ пали и послѣдніе... И побѣдители празднуютъ кровавую тризну...

Я удивленно смотрѣлъ на Якова. Странно. На меня это сооруженіе, похожее на какое то заброшенное укрѣпленіе, не навѣвало никакихъ мрачныхъ мыслей...

Другой разъ мы сидѣли съ Яковомъ въ молодой сосновой поросли, на пригоркѣ. Яковъ сосредоточено думалъ о чемъ то, а я смотрѣлъ въ голубое небо, такъ красиво синѣвшее между молодой листвы и мысли мои были самыя легкомысленныя. Онѣ были заняты хорошенькой блондинкой въ голубомъ платьѣ, что приглянулась мнѣ наканунѣ въ паркѣ Царникаускаго замка... О, этотъ паркъ! Нигдѣ я не видалъ такихъ высокихъ папоротниковъ, какъ тамъ... Они казались мнѣ настоящими деревьями...

Уловивъ загадочный взглядъ Якова, я спросилъ:

— О чемъ вы сейчасъ думали?

— Ихъ было двое — онъ одинъ . . . Они подкрались въ темнотѣ . . . Онъ не успѣлъ даже закричать . . . И умеръ . . . Кровь его оросила родную землю, за честь которой онъ шелъ умирать . . . А за нимъ, на смѣну ему, шли уже другіе . . .

Я посмотрѣлъ на Якова. Кто передо мной? Поэтъ или сумасшедшій, маніакъ, одержимый навязчивой идеей?

— Откуда у васъ такія мрачныя мысли, Яковъ? Мнѣ думалось, что въ такія мирныя минуты, окруженные такой красотой, вы вспоминаете прошлое . . . вашу молодость . . . любовь . . . Вѣдь любили же вы когда нибудь, Яковъ?

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Да, раньше я вспоминалъ . . . Уходилъ въ лѣсъ, ложился на землю, и вспоминалъ . . . Мнѣ есть что вспомнить . . . Молодость . . . И любовь . . . Хорошую любовь . . .

. . . Воспоминаній у меня много . . . Въ молодости своей я былъ морякомъ, объѣздилъ полсвѣта . . . Былъ въ Америкѣ и Индіи . . . А потомъ бросилъ . . . Почему? — Это не от-

носится къ дѣлу . . . Много, много хорошаго могу я вспомнить . . . Лѣса такъ хороши . . . Молчаливы . . . И не выдаютъ тайнъ . . .

. . . Въ первый разъ нарушена была ихъ тишина восемь лѣтъ тому назадъ. Тогда появились здѣсь „лѣсные братья“. Я не боялся ихъ — рыбаковъ и крестьянъ они не трогали — они шли противъ господъ . . .

. . . Я — старый человѣкъ. Помню еще, какъ мы ломали шапки передъ нѣмецкими баронами . . . Какъ нашихъ отцовъ сѣкли они на конюшнѣ . . .

И я говорилъ „лѣснымъ братьямъ“:

„Подождите. Не пришло еще время расправляться съ баронами.“

Я могъ такъ говорить съ ними. Я — старый человѣкъ. И я носилъ имъ хлѣбъ и рыбу . . .

Но они не слушались . . .

А старый Яковъ былъ правъ: господа восторжествовали, а „лѣсные братья“ попали на висѣлицу . . .

Тогда я впервые видѣлъ здѣсь, въ лѣсу — кровь . . . Тогда лѣсъ лишился покоя и мира . . .

Но прошли годы, и онъ снова сталъ прежнимъ, и снова наполнился старыми воспоминаніями . . .

Но вотъ, послѣднее время мнѣ снова все мерещится кровь. Все кровь и кровь . . . И вотъ, такія странныя картины . . .

— Пойдемте дальше — внезапно поднялся старикъ. Я покорно послѣдовалъ за нимъ. Мы спустились съ пригорка, густо усѣяннаго брусничными кустиками, миновали какое то болото

и вошли в старый лѣсъ. Какія то странныя, симметрично расположенныя углубленія попадались то и дѣло въ лѣсу. Они шли въ три ряда, а то и въ четыре. Иныя густо заросли мохомъ и брусникой, иныя ясно сохранили еще приданную имъ чьей то искусной рукой четырехугольную форму.

— Что это? — спросилъ я своего спутника, присматриваясь къ странной картинѣ.

— Окопы Французской войны — отвѣтилъ старикъ — мой отецъ помнилъ еще очень хорошо, какъ стояли здѣсь солдаты . . . А вотъ и колодецъ, вырытый сто лѣтъ назадъ.

Мы очутились около круглаго колодца, выложеннаго искусно деревомъ и мохомъ.

— Теперь онъ совсѣмъ обмелѣлъ. И ребенокъ въ немъ не утонетъ. А былъ раньше очень глубокій . . . И давалъ хорошую воду . . . Когда стояли здѣсь солдаты . . . Большой лагерь былъ тогда въ лѣсу . . . Да лѣса почти то и не было . . . Сосны были совсѣмъ, совсѣмъ маленькими . . . Какъ вотъ тамъ, на пригоркѣ . . .

Старикъ задумался, указывая на молодую поросль. Густо стояли тамъ сосенки, давя другъ друга, споря изъ за свѣта и тепла . . .

— И онѣ будутъ старыми . . . И старыя, будутъ смотрѣть внизъ, на заброшенныя траншеи . . . Растянулись онѣ — отъ края и до края . . . Изрѣзанъ весь лѣсъ, изрытъ и истерзанъ лопатами . . .

. . . Не слышно больше птицъ . . . Одна человѣческая рѣчь . . . И выстрѣлы . . . выстрѣлы . . .

. . . На взморьѣ и въ лѣсу, на дюнахъ и въ полѣ — всюду окопы, окопы, окопы . . .

Я смотрѣлъ на страннаго старика. Но мнѣ и въ голову не приходило, въ этотъ благодатный

лѣтній день, что онъ видитъ картины — близкаго уже — будущаго . . .

На слѣдующее лѣто мнѣ почти не пришлось видѣть Якова.

Уже въ концѣ мая я вынужденъ былъ уѣхать во Францію, куда вызывала меня болѣзнь единственной, горячо любимой сестры. Я думалъ, что вернусь черезъ какой нибудь мѣсяцъ, но болѣзнь сестры затянулась.

Во Франціи и застала меня война. Зараженный энтузіазмомъ пылкихъ французовъ, я рвался на фронтъ, но не могъ оставить умирающей. Только осенью, когда не стало у меня сестры, я поступилъ добровольцемъ въ ряды дѣйствующей арміи.

Былъ два раза раненъ — не опасно — и такъ то внушалъ себѣ, что судьба мнѣ благопріятствуетъ, что я доживу до побѣдоноснаго окончанія войны.

Въ третій разъ я былъ раненъ подъ Верденомъ, и, раненый, попалъ въ плѣнъ . . .

Каково жить въ германскомъ плѣну — распространяться объ этомъ не стану. Мучили голодъ, холодъ и — больше всего — сознаніе бездѣятельности и тоска. Привыкшему къ вольной жизни, мнѣ былъ ужасенъ тюремный режимъ, и я думалъ подчасъ, что сойду съ ума . . .

Волновали тревожные слухи, доходившіе изъ Россіи. Когда пришли въ нашъ лагерь первыя вѣсти о революціи — мы не повѣрили.

Насъ, плѣнныхъ, кормили самыми чудовищными слухами . . . Но потомъ, когда объ этомъ

стали говорить все упорнѣе — невыносимо потянуло домой, на родную сторону — посмотрѣть самому, провѣрить, въ чемъ же тамъ дѣло . . .

Докатились вѣсти о начинающемся въ арміи развалѣ . . . И, наконецъ, о сепаратномъ мирѣ . . .

Я дни и ночи мечталъ о побѣгѣ, но насъ охраняли слишкомъ хорошо . . .

Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, насъ посадили въ вагонъ и отправили на рижскій фронтъ.

Я ѣхалъ въ Россію!

Уже по дорогѣ узнали мы о взятіи Риги.

Вѣсть эта поразила всѣхъ.

Насъ послали рыть окопы въ районъ озеръ. Трое изъ товарищей — (всего изъ нашего лагеря было пять) — отказались и были разстрѣляны.

Я пережилъ страшную борьбу.

Рыть окопы? Работать во вредъ своимъ? Отказаться? Раздѣлить участь тѣхъ трехъ?

Я не боюсь смерти. Я видѣлъ ее много разъ въ бояхъ, гдѣ она проходила зачастую влотную, леденя меня своимъ дыханіемъ.

Но въ душѣ моей горѣла такая жажда жизни, и жила твердая надежда, что здѣсь, на родинѣ, мнѣ удастся бѣжать.

И я бѣжалъ!

Пользуясь знаніемъ мѣстности, я пробирался въ обходъ Кишъ-озера, по болотистому берегу, направляясь къ примѳрскимъ лѣсамъ, исхоженнымъ мной вдоль и поперекъ. По большимъ дорогамъ я вѣдь итти не могъ. И вышелъ на проклятые пески. Тамъ, на открытомъ мѣстѣ, можно было

итти только ночью, руководствуясъ звѣздами, а днемъ я скрывался въ густыхъ кустарникахъ.

Путь отъ Кишъ озера къ морю не больше двухъ часовъ — но я бродилъ по знакомымъ лѣсамъ вмѣсто двухъ часовъ — чуть ли не два дня! Потому что повсюду преграждали мнѣ путь проволочныя загражденія. О, эта проклятая сѣть проволочной паутины! И, когда я сталъ натыкаться на эту паутину въ пескахъ и въ лѣсу — пришли мнѣ на память — а потомъ уже стучали неотвязно въ мозгу полузабытыя слова стараго Якова:

— Растянулись окопы отъ края до края . . . Изрѣзали весь лѣсъ, истерзали и изрыли его лопатами . . . На взморьѣ и въ лѣсу, на дюнахъ и въ полѣ — всюду окопы, окопы, окопы . . .

Ясновидящимъ былъ ты, старый Яковъ!

Живъ ли ты еще? Добраться бы до твоей избушки . . . И отдохнуть . . . отдохнуть . . .

Да, впрочемъ, зачѣмъ Яковъ . . . Каждый крестьянинъ, ка́ждый рыбакъ пустятъ къ себѣ переночевать и накормятъ плѣннаго. Не любятъ латыши нѣмцевъ . . Не только въ Міровую войну родилась ненависть. Ей много, много вѣковъ . . .

Да, но какъ же пробраться черезъ эту проклятую сѣть! Какъ миновать и добраться до ближайшей деревни!

Я зналъ всѣ тропинки въ лѣсу. Но пять дней, предшествовавшихъ моему бѣгству, были сильные дожди, и теперь въ лѣсу стояла вода и вода . . .

Я изнемогалъ отъ голода и жажды. Пробовалъ пить грязную воду, пахнувшую плѣсенью и болотомъ . . .

Собравши послѣднія силы, поползъ я въ ту сторону, гдѣ, какъ казалось, проволочныя загражденія были рѣже . . . Но силы оставили меня.

Я рѣшилъ передохнуть нѣсколько минутъ въ густой чащѣ можжевельника. Но, лишь только я вползъ въ кусты, какъ двѣ сильныхъ руки схватили меня за шиворотъ, и надъ ухомъ моимъ прозвучалъ голосъ, сказавшій по латышски:

— Проклятый нѣмецъ!

— Я не нѣмецъ — также по латышски прошепталъ я, стараясь освободиться отъ цѣпкихъ рукъ — я — плѣнный . . .

И лишился чувствъ . . .

Очнулся я въ какой то узкой грязной норѣ. Я лежалъ на подстилкѣ изъ соломы, около меня стояло два деревянныхъ ящика. На одномъ изъ нихъ сидѣлъ совсѣмъ бѣлый старикъ, на другомъ лежалъ хлѣбъ и стояла глиняная миска съ чѣмъ то, похожимъ на супъ.

— Ѣсть! — прошепталъ я.

Когда я утолилъ голодъ, сталъ разглядывать своего хозяина. Въ полутьмѣ — жилище было освѣщено маленькимъ огаркомъ — лицо его, надъ которымъ нависла цѣлая шапка сѣдыхъ волосъ, показалось мнѣ знакомымъ. Онъ также приглядывался ко мнѣ.

— Яковъ!

Мы провели цѣлую ночь въ бесѣдѣ. Забывъ усталость, я разсказывалъ о своей жизни во Франціи, описывая мученія плѣна, говорилъ о томъ, какъ тщетно старался пробраться сквозь загражденія.

— Можно пройти на берегъ, и даже очень хорошо — задумчиво сказалъ Яковъ.

— Къ вамъ въ деревню?

— Деревни нѣтъ. Сожгли почти все. Многихъ выгнали. Лодки и тѣ отобрали. Рыбакамъ съ голода умирать надо . . . Ну, ничего, пусть

они радуются — все равно, рано или поздно — придетъ имъ конецъ . . .

— Вы вѣрите, что Рига будетъ намъ возвращена? — тихо спросилъ я.

— Ну, еще бы! Развѣ Богъ допуститъ, чтобы Латышская земля отошла въ руки ея смертельнаго врага? Нѣтъ, довольно радовались нѣмцы! Довольно захлебывались кровью!

Глаза Якова сверкнули тѣмъ же пророческимъ огнемъ, съ которымъ онъ рисовалъ мнѣ нѣкогда, въ лѣтній день, кровавыя картины . . .

— Я уже вижу конецъ имъ . . . страшный конецъ . . . Смута пройдетъ по всей ихъ землѣ, и они вернутся въ свою страну — побѣжденными . . . А Латвія отойдетъ къ латышамъ, и жители разоренныхъ деревень вернутся въ свои родныя гнѣзда . . . И снова зазвучатъ въ лѣсахъ и на поляхъ наши родныя пѣсни . . .

Латвія будетъ жить — какъ будетъ жить и Россія!

Цѣлыя сутки провелъ я въ его берлогѣ, а вечеромъ, подкрѣпившись ѣдой и взявъ съ собой немного на дорогу, мы вышли на маленькую тропинку. Старикъ увѣренно велъ меня, черезъ заросли и болота — къ морю. Этой тропинки я не помнилъ . . . Возможно, что она была протоптана только въ послѣднее время . . .

Было темно и ненастно. Дулъ зюйдъ-вестъ. Накрапывалъ дождь.

— Слава Богу, луна въ тучахъ — шепталъ старикъ — это хорошо . . . И зюйдъ-вестъ.

Я не спросилъ его, откуда онъ раздобылъ лодку. Это не былъ его старый и такъ хорошо знакомый мнѣ ботъ. Мы прикрѣпили парусъ, и боковой вѣтеръ, накренивъ суденышко, злобно понесъ его впередъ.

— Куда вы везете меня, Яковъ? — я силился перекричать все крѣпчавшій вѣтеръ.

— Къ нашимъ! — донеслось словно издалека.

Вѣтеръ свирѣпѣлъ. Волны хлестали черезъ бортъ, и я вычерпывалъ воду какой то старой кружкой. Смерть подстерегала насъ въ каждомъ порывѣ вѣтра, таилась въ каждой набѣжавшей волнѣ.

Но смерть на этомъ вольномъ просторѣ была мнѣ милѣе работы на оборону врага!

— Куда же вы, Яковъ? Неужели вы не останетесь здѣсь? Зачѣмъ вамъ возвращаться домой, гдѣ все разрушено? Да въ эту погоду! Смотрите, начинается настоящій штормъ!

— Нѣтъ, я поѣду — упрямо отвѣтилъ старикъ. — Что я буду дѣлать въ Россіи? — Я не знаю русскаго языка . . . И мнѣ восемьдесятъ четыре года . . . Шторма я не боюсь. Я — морякъ . . . И нѣмцевъ — тоже . . .

Прощайте . . . До свиданія — въ свободной Латвіи!

Я крѣпко сжалъ руку своего спасителя и долго смотрѣлъ еще, какъ исчезалъ въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ его нескладный черный челнъ . . .

Погибъ ли онъ жертвой разбушевавшейся стихіи? Попался ли въ руки безпощадному врагу? Или добрался благополучно до родного пепелища — про то знаетъ только Одинъ Богъ . . .

Славный старый Яковъ, увидимся ли мы съ тобой въ твоей Латвіи, въ будущность которой ты такъ горячо вѣришь?

Твоя увѣренность вдохнулѣа вру и въ мою

отчаявшуюся душу и здѣсь, среди родного народа, надъ которымъ стряслась страшная бѣда, на родной землѣ, я вѣрю, горячо, страстно, что не все еще погибло, что взойдетъ солнце и надъ нашей многострадальной Россіей!

Плачъ сосны.

Точно сморщенное старушечье лицо выглянуло изъ лѣсу Это большая красная луна вставала надъ камышами. Поднималась лѣниво, медленно. Дошла до моста и словно остановилась. Луна — сама старушка — удивительно любитъ освѣщать все ветхое, старинное, разрушенное. Знаетъ луна — оживаетъ все въ ея лучахъ, все старое становится молодымъ, зимнее — весеннимъ...

Тѣни былого встаютъ въ старыхъ замкахъ. Говорить начинаютъ кресты забытыхъ кладбищъ...

Мостъ...

Старый, старый мостъ. Деревянный. Давно прогнила часть досокъ. Безобразно торчатъ щепки изъ бревенъ, мягкихъ, какъ труха.

И зачѣмъ только стоитъ онъ, безобразно закрывая видъ на большую Рѣку, куда впадаетъ каналъ? „Старое Устье“ — зовутъ его крестьяне. .

И на картахъ отмѣтили такъ... Закрываетъ видъ на Рѣку и мѣшаетъ пробѣгать бѣлымъ плоскодоннымъ пароходикамъ. Пыхтятъ они, подползая къ мосту, смѣшно шипятъ и сопятъ, а потомъ откидываютъ съ краснымъ пояскомъ, какъ на сигарѣ, трубу, и, словно ломая шапку передъ старикомъ, проплываютъ между мостовыхъ устоевъ.

Стоитъ ли кланяться старику, что сторожитъ входъ въ Старое Устье?

Или кланяются они самому старому Устью?

Много, много вѣковъ тому назадъ Рѣка впадала въ море не тамъ, гдѣ теперь, между бѣлой башней маяка и длинной каменной грядой, кончающейся маячкомъ съ краснымъ глазомъ— туда, въ сторону буя - ревуна, что такъ плачетъ въ бурную погоду. Красный глазъ маячка — и красная головка буя. Они такъ похожи другъ на друга . . .

Еще дальше за буемъ-ревуномъ, — и помина его не было тогда — впадала Рѣка въ морскія воды. Тамъ, гдѣ теперь бѣлые пески, гдѣ поросшія соснами дюны. И говоритъ о прошломъ только лужица, заросшая камышомъ да тростникомъ, широкая — но мелкая.

Лужа — Старое Устье...

Да, здѣсь, много вѣковъ назадъ, впадала въ море Рѣка. И по широкому лону ея носились гонимыя вѣтромъ суда, и полоскались бѣлые паруса ихъ въ синемъ небѣ. За янтаремъ пріѣзжали сюда дѣти Востока и увозили съ собой цѣлыя груды этого сокровища древнихъ.

И войны — много войнъ — видѣла на своихъ берегахъ Рѣка. Сцѣплялись крюками на ея устьѣ, бились не на жизнь, а на смерть воины разныхъ странъ, и воды окрашивались пурпурною кровью...

А теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ боролись они — бѣлые пески и густой камышъ...

Шепчутся камыши.

Они знаютъ. Они помнятъ..

Передало имъ вѣсть сѣмя, родившее ихъ — узнавшее тайну отъ своего отца-камыша...

И такъ, изъ рода въ родъ, передается камышами сказаніе о томъ, что было...

Славныя страницы прошлаго. Имена великихъ героевъ, давно забытыя людьми...

А сосны, растущія у Стараго Устья, знаютъ ли онѣ?

— Знаютъ, навѣрное, знаютъ! Отчего же иначе такъ плачутъ онѣ, — такъ жалобно, скорбно плачутъ вечерами!

По правому берегу Устья, прямо на сѣверъ, уходитъ лѣсная дорога. Подросли молодыя сосенки, и уже даютъ онѣ и прохладу, и тѣнь въ лѣтніе знойные дни.

А рядомъ — ихъ старшее поколѣніе.

Открыта всѣмъ вѣтрамъ дорога, и съ моря, и съ Рѣки. Осенью и зимой прилетаютъ они, все больше съ Рѣки, и гнутъ, и гнутъ — все въ одну и ту же сторону — стройныя старыя сосны. Не могутъ противиться онѣ тому, кто сильнѣе ихъ, и гнутся такъ, какъ хочетъ этотъ вѣтеръ. И вотъ, съ годами, наклонились онѣ надъ дорогой, какъ странный живой навѣсъ.

Вывороченыг уже корни у многихъ. Будетъ еще одна — двѣ сильныхъ бури, — и полягутъ онѣ, загородивъ дорогу своими тѣлами.

Какъ бойцы, что пали въ неравной борьбѣ.

Въ борьбѣ съ тѣмъ, кто сильнѣе..

Тихо днемъ на лѣсной дорожкѣ. Молчатъ наклоненныя сосны, молчитъ и свѣжая заросль.

Но только что скроетъ море красный солнечный дискъ, и погаснетъ алый отблескъ на верхушкахъ сосенъ — оживаютъ мертвые стволы.

И странными голосами начинаютъ тогда плакать сосны.

О чемъ? — Вспоминаютъ ли онѣ древніе бои? О, нѣтъ, не такъ стары онѣ, не были тогда еще даже сѣменемъ. Или переселились въ нихъ чьи нибудь души — изъ множества тѣхъ, что

носятся надъ полями сраженій? И теперь стонутъ эти души и просятъ молитвы?

— Упокой, Господи, души ихъ! плачутъ сосны.

Тѣхъ, что отдали свою жизнь за родину...

— Упокой, Господи, ихъ души!

Высоко надъ мостомъ стоитъ теперь луна.

Бросаетъ лучи сквозь щели Стараго моста, рисуетъ узоры на темной водѣ. Начертила посреди Устья свой колеблющійся столбъ . . .

Играютъ лучи . . .

. . . Не вѣка назадъ — даже двухъ десятилѣтій не прошло съ того дня, — шли по Старому мосту солдаты. Городъ былъ уже въ рукахъ врага.

Надвигался непріятель съ востока и юга. И съ сѣвера шли непріятельскія суда.

Былъ приказъ:

— Отступить. Сдать городъ безъ боя.

На островѣ, съ которымъ соединялъ берегъ Старый мостъ, было много военныхъ припасовъ. „Укрѣпленный островъ“ — такъ назывался онъ съ давнихъ поръ. На устьѣ Рѣки сторожилъ, онъ, вмѣстѣ съ крѣпостью на томъ берегу, входъ въ городъ съ моря.

Много военныхъ припасовъ на островѣ. А врагъ въ двухъ шагахъ . . .

— Уничтожить. И отступить!

Горсточка храбрецовъ взялась уничтожить все, что могло пригодиться на островѣ врагу.

Поздно ночью тронулись они въ путь. Какъ тѣни, проскользнули въ благопріятномъ туманѣ черезъ мостъ. На островъ.

И скоро запылали тамъ строенія, и красное зарево заполыхало въ осеннемъ небѣ. И въ красномъ отблескѣ этомъ колебались на мосту и у моста черныя тѣни.

— Мостъ взорвать?

— Да!

И побѣжалъ уже маленькій, но зловѣщій огонекъ по устоямъ моста.

Добѣжитъ — конецъ Старому мосту!

А горсточка храбрецовъ, лишившаяся отъ огня уже троихъ, уходила скорѣе въ лѣсъ. Подальше отъ моста, обреченнаго на гибель.

А за нею полыхало зарево . . .

Но не погибъ Старый мостъ. Съ вражескихъ судовъ увидѣли зарево, и полетѣли къ острову и мосту быстроходные катера.

Тушили мостъ. На островѣ спасать было нечего . . . Стали обстрѣливать скрывшагося въ лѣсъ врага. Высадились и преслѣдовали его въ лѣсу. Окружили и загнали къ Рѣкѣ.

. . . Ни одинъ изъ храбрецовъ не ушелъ . . . Не осталось ни одного, кто могъ бы разсказать о подвигѣ немногихъ. Нигдѣ не записаны ихъ имена. Никто не помянетъ ихъ въ своихъ молитвахъ . . .

И не осталось слѣда о нихъ, ни въ лѣтописяхъ войны, ни въ памяти народной. Потому что никто изъ ближнихъ деревень не видалъ и не слыхалъ, что дѣлалось ночью у моста. Выселены были всѣ жители изъ полосы, близкой къ фронту.

И только луна, проглядывавшая своимъ серпочкомъ между бѣгущихъ облаковъ, слыхала послѣдніе стоны, видала, какъ простирались изъ волнъ чьи то руки, и какъ равнодушно уносила живыхъ и мертвыхъ — своихъ и чужихъ — бурливая въ этотъ день Рѣка . . .

Но луна не выдаетъ чужихъ тайнъ . . .

И только въ осеннія ночи, когда гудитъ вѣтеръ и высоко забрасывается на камыши волна; когда поднимается вода и заливаетъ далеко острова и островки Стараго Устья — при свѣтѣ луны выходятъ на мостъ блѣдныя тѣни.

Блестятъ въ ея лучахъ офицерскіе погоны начальника. Бѣлѣютъ солдатскія фуражки. Отражаютъ лучи блестящіе штыки . . .

Идутъ они по мосту . . . идутъ . . . идутъ . . .

Идутъ въ свой послѣдній путь . . .

Тихо плещутся о чемъ то волны Стараго Устья.

Шепчутся камыши.

Стонутъ сосны:

— Упокой, Господи, души рабъ Твоихъ!

Рабъ Твоихъ — животъ свой на полѣ брани положившихъ . . .

Звѣзда славы и скорби.

— „И вотъ, когда родился Христосъ, Мать положила Его въ ясли, и, ставъ на колѣни, смотрѣла на Свое Дитя. А Онъ лежалъ и улыбался, и вся пещера наполнялась яркимъ свѣтомъ отъ этой улыбки.

А надъ пещерой стояла звѣзда, такая большая, такая яркая, какой не было отъ вѣка на южномъ небѣ . . .

Вотъ видишь, мой мальчикъ, сколько звѣздъ надъ нашими головами? И большія, и маленькія, и яркія, и блѣдныя, даже тѣ, которія еле замѣтны въ сильные телескопы, давно извѣстны, сосчитаны. имѣютъ свои названія . . . Теперь у насъ есть большія подзорныя трубы, различные мудреные инструменты, — но и тогда, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, ученые знали уже всѣ видимыя звѣзды. И вотъ тѣ, что наблюдали за теченіемъ свѣтилъ, замѣтили въ одну ясную ночь, что высоко въ небѣ заблестѣла блѣдною точкой новая звѣзда. Каждый вечеръ стали смотрѣть они въ ту сторону неба — и съ каждой ночью звѣзда разгоралась все ярче и ярче . . .

И скоро стала она такъ ярка, что не только всю ночь царила на небѣ, видимая и въ ненастье, сквозь облака, — даже вечеромъ видѣли ее волхвы, когда горѣли еще лучи румянаго заката . . .

Стали думать мудрецы, и рѣшили, что звѣзда предвѣщаетъ великое для всего человѣчества событіе.

Въ старыхъ книгахъ прочли они, что въ странѣ Іудейской долженъ родиться Великій Царь, и сказали:

„Се звѣзда Царя Іудейскаго . . .“

И задумали итти поклониться Царю.

Звѣздной ночью вышли они въ дальній путь и пошли въ темноту искать Того, Чье рожденье возвѣстила имъ серебряная звѣзда.

Проходили города и страны и спрашивали:

— Гдѣ родившійся Царь Іудейскій?

Но качали головами встрѣчные, и никто, кромѣ звѣзды, не зналъ, гдѣ лежитъ Родившійся . . .

А звѣзда шла передъ волхвами день и ночь: днемъ сіяла она передъ ними бѣлой точкой у горизонта, а по ночамъ блестѣла надъ ихъ головами, яркая, какъ луна . . .

И все разгоралась . . . разгоралась . . .

И пришли волхвы, наконецъ, къ пещерѣ, гдѣ лежалъ родившійся Царь, и поклонились Ему, и принесли дорогіе дары.

А Онъ лежалъ и улыбался . . .

Царь вселенной, Онъ родился въ бѣдности, и никто не зналъ о Его рожденіи, и никто, кромѣ чужестранцевъ-волхвовъ и добродушныхъ пастуховъ не пришелъ поклониться Ему . . .

Но вотъ донесли царю Ироду:

— Чужіе люди ходили по твоей странѣ и спрашивали: „Гдѣ родившійся Царь Іудейскій?“

И обезпокоился за власть свою неправедный, и издалъ неслыханный приказъ: перебить всѣхъ младенцевъ-мальчиковъ, родившихся со времени появленія звѣзды.

Полилась по Іудеѣ невинная дѣтская кровь, заплакали матери и прокляли Ирода царя страш-

нымъ проклятіемъ. Такъ и осталось имя Ирода навѣки проклятымъ, какъ имя Іуды и Каина . . .

Но повелѣлъ ангелъ, и взяла Святая Дѣва Младенца, и вмѣстѣ со святымъ Іосифомъ бѣжала ночью въ чужую страну . . .

И были они такіе же безпріютные бѣженцы, какъ и мы . . ."

Блѣдная женщина замолчала, и, гладя ласково курчавую головку сына, лежавшую у нея на колѣняхъ, устремила глаза въ высь, къ зимнему звѣздному небу. Тихо было въ лѣсу. Потрескивало только пламя костровъ, слышался изрѣдка дѣтскій плачъ, и смутно гудѣлъ человѣческій говоръ. Здѣсь, подъ старыми соснами лѣса, въ холодныхъ землянкахъ нашли пріютъ тѣ, кому некуда было больше итти, у кого не было больше ни дома, ни крова . . . И эту великую ночь встрѣчали они въ холодныхъ снѣгахъ, въ глухомъ лѣсу, — какъ встрѣчали ее ихъ далекіе-далекіе предки.

— Мамочка . . . а что сталось со звѣздою?

— Со звѣздой? — задумчиво повторила женщина — со звѣздою . . .

— „Звѣзда все дожидалась, когда придутъ люди, чтобы поклониться Спасителю, придутъ и провозгласятъ Его Царемъ Іудеи и всего міра, чтобы заблестѣть тогда яркимъ солнцемъ . . . Солнце небесное померкло бы тогда передъ лучами великаго солнца славы Небеснаго Царя . . .

Но люди не шли.

И не только не прославили Спасителя, а воздвигли на Него жестокія гоненія.

И въ ту ночь, когда святые Бѣженцы покинули родину, чтобы итти въ чужую страну — въ ту ночь новая звѣзда потеряла свой первый яркій лучъ.

И потомъ, видя полную горя земную жизнь Христа, звѣзда все блекла, блекла, блекла — и наконецъ стала еле замѣтной точкой . . .

Ты знаешь, мой мальчикъ, какой скорбной была жизнь Христа, какъ не поняли Его люди, какъ предали Его, какъ претерпѣлъ Онъ за насъ и муки, и крестную смерть . . .

И въ тотъ страшный часъ, когда кончалъ земную жизнь на крестѣ Царь Царей — въ этотъ часъ померкла совсѣмъ Его скорбная звѣзда и исчезла въ безконечныхъ высотахъ . . .

Но есть въ народѣ преданье, говорятъ, что въ свѣтло-лазурное утро, когда всталъ изъ гроба Іисусъ — на разсвѣтѣ опять засіяла Его звѣзда, такая же яркая, такая же чудная, какъ въ день Его рожденія . . .

Засіяла она въ тотъ мигъ, когда вышелъ Воскресшій изъ темной могильной пещеры, а потомъ, когда полился радостный свѣтъ восходившаго солнца, она исчезла въ игравшихъ алыхъ лучахъ зари . . .

И заблеститъ она снова только въ тотъ день, когда, въ блескѣ величія и славы, придетъ Небесный Судія вершить послѣдній, страшный и праведеный Судъ . . .“

— И никто не видѣлъ больше этой звѣзды? — тихо спросилъ мальчикъ.

— Когда умираетъ человѣкъ, его очи могутъ видѣть то, чего не видимъ мы, живые. Такъ въ часъ смертный всѣ видятъ въ небѣ — золотую звѣзду Спасителя . . .

Могутъ видѣть ее и живые — но лишь тѣ, чей умъ просвѣтленъ, и чье сердце очищено страданіями . . . Когда слишкомъ тяжело жить,

когда не подъ силу больше бороться съ ложью, съ несправедливостью міра сего, когда душа изнемогаетъ въ борьбѣ съ злобно-смѣющейся жизнью — тогда человѣкъ можетъ видѣть тамъ, въ высотахъ, золотую звѣзду своего Искупителя.

Скорбную звѣзду того, Чей терновый вѣнецъ не сравнится по блеску съ царскими золотыми вѣнцами . . .

И кто видѣлъ свѣтъ этой незримой звѣзды — тотъ не забудетъ его вовѣки . . .

— Ты видѣла ее когда нибудь, мама? — спросилъ мальчикъ, прильнувъ къ блѣдной рукѣ.

— Нѣтъ, я не видѣла — грустно отвѣтила мать.

— А папа?

— Папа? — Папа, можетъ быть, и видитъ ее теперь, лежа въ холодныхъ окопахъ. Тамъ многіе видятъ звѣзду . . . Тамъ, милый, всѣ — страдальцы . . . всѣ святые . . .

Мать замолчала, и унеслась мыслями далеко — далеко, туда, гдѣ, надъ снѣжными полями, надъ рядами пушечныхъ жерлъ, надъ темными траншеями, надъ чутко дремлющими воинами — въ холодномъ зимнемъ небѣ сіяетъ, незримая никому, великая звѣзда — великой человѣческой скорби . . .

Славный мальчикъ.

Они познакомились на садовомъ праздникѣ.

Онъ понравился ей тѣмъ, что въ немъ было что-то юношески-свѣжее, чего не было ни въ комъ изъ окружавшихъ ее мужчинъ.

Лидія Петровна привыкла читать во взглядахъ окружающихъ восхищеніе своей красотой, неприкрытое — подчасъ даже наглое — желаніе

Въ его глазахъ она видѣла что то совсѣмъ другое, чего еще не умѣла прочесть и разгадать. Она видѣла, что нравится Озерову, между тѣмъ, онъ не дѣлалъ никакой попытки къ сближенію. Даже, когда они кружились въ волнующемъ ритмѣ вальса, онъ не пожалъ ея руки крѣпче обычнаго

Это было для Лидіи Петровны и странно, и ново. Она не любила застѣнчивыхъ мужчинъ. Но въ немъ эта застѣнчивость нравилась: онъ былъ еще такъ молодъ, смотрѣлъ вокругъ такими довѣрчивыми юношескими глазами. И женственная робость была ему къ лицу.

И, когда Лидія Петровна впослѣдствіи вспоминала этотъ вечеръ, разноцвѣтные фонарики, звуки вальса, такъ долго остававшіеся въ памяти, она мечтательно шептала:

— Славный мальчикъ!

Его взглядъ, голосъ, манеры напоминали что то почти позабытое, далекое, какъ сонъ. Сквозь туманъ пустыхъ и случайныхъ, ничего не

дававшихъ душѣ увлеченій, ей мерещилась забытая сказка — сказка первой любви . . .

Они видѣлись послѣ этого раза три. Первый разъ это было у знакомыхъ въ большомъ обществѣ. Лидія Петровна не разъ ловила его взглядъ. И досадно было, что онъ не подходитъ.

Затѣяли горячій споръ о какомъ то австрійскомъ ультиматумѣ. Озеровъ сталъ центромъ спорящихъ. Куда дѣвалась вся его застѣнчивость! Глаза разгорѣлись, весь онъ словно выросъ.

Лидія Петровна украдкой любовалась его красивымъ лицомъ и съ досадою думала:

— Тоже, нашли время для политики! Кому интересны эти австрійскіе ультиматумы!

Лидія Петровна читала въ газетахъ только фельетоны, объявленія, хронику, смѣсь и обзоръ дамскихъ модъ. А въ телеграммы даже не заглядывала.

Видя, что спору не предвидится конца, она занялась своимъ старымъ поклонникомъ, отставнымъ капитаномъ, который предпочелъ ея улыбку всѣмъ политическимъ спорамъ и провелъ съ ней весь вечеръ.

На слѣдующій день они столкнулись на пляжѣ.

— Вы знаете, конечно, — началъ онъ еле поздоровавшись — вѣдь Сербія не приняла ультиматума, да и не могла поступить иначе . . .

Лидія Петровна, избалованная всеобщимъ вниманіемъ, сочла себя оскорбленной этимъ привѣтствіемъ. Неужели съ хорошенькой женщиной

нельзя говорить о чемъ нибудь другомъ, какъ о политикѣ?

Поэтому она сказала холодно:

— Меня ваша политика никогда не интересовала и не интересуетъ!

— Помилуйте! — искренне удивился Озеровъ — да вѣдь весь міръ сейчасъ говоритъ объ этомъ!

— А я не интересуюсь! — отвѣтила она капризно.

— Не вѣрю этому! Можно, конечно, не интересоваться тамъ какой нибудь мексиканской революціей или положеніемъ жандармеріи въ Персіи, но тѣмъ, что такъ близко соприкасается съ нами? Вѣдь Россію непремѣнно втянутъ въ войну, да и нельзя иначе, вотъ увидите! — горячился Озеровъ.

— Я принципіально противъ войны, противъ кровопролитія! — отвѣтила Лидія Петровна. Конечно, это были не ея слова, и сказала она эту готовую фразу просто такъ, кстати. О томъ, нужна ли война, Лидія Петровна никогда не задумывалась. Впрочемъ она вообще не имѣла привычки задумываться надъ серьезными вопросами

— Я тоже не за войну. Но, разъ война будетъ, и меня призовутъ — пойду съ радостью.

— Война вѣдь такой ужасъ!

— Да, конечно . . . и, знаете, самое страшное не то, что убьютъ, хотя, конечно, жить хочется . . . А вотъ мысль о томъ, что ты можешь лишиться руки, ноги, стать жалкимъ инвалидомъ, въ тягость себѣ и другимъ . . . И все таки, эта мысль не остановила бы меня! — прибавилъ онъ, помолчавъ.

Они присѣли на скамейку. Какъ завороженная, спала передъ ними морская гладь; на

югѣ блестѣла она такъ, что глазамъ было больно.

Озеровъ молчалъ. И она не прерывала молчанія. И не было сейчасъ досадно, что этотъ человѣкъ, который ей нравится, не говоритъ съ ней такъ, какъ принято съ хорошенькой женщиной.

Въ этомъ молчаніи былъ покой. И было такъ хорошо. И откуда то снова выплывали воспоминанія первой юношеской любви . . .

Но вотъ грянулъ громъ девятнадцатаго іюля и раскаты этого грома долетѣли даже до сонной души Лидіи Петровны. Пробудили въ ней новыя — а можетъ быть, только глубоко спавшія — чувства . . .

Хотѣлось видѣть людей, говорить съ ними о томъ, что никогда дотолѣ не интересовало, а теперь вдругъ стало самымъ главнымъ. Дѣлать что то такое, что дѣлали всѣ . . . Какъ увлекающаяся натура, Лидія Петровна отдалась общему теченію: ударилась въ политику, стала читать телеграммы и газеты, а по вечерамъ, съ такимъ же увлеченіемъ, съ какимъ въ прошломъ году изучала танго, ходила въ мастерскую, гдѣ шили бѣлье для воиновъ. И, хотя работала тамъ больше языкомъ, чѣмъ иглой — все же возвращалась домой довольная и удовлетворенная.

Да, прежде всего, это было сейчасъ модно...

Разъ вечеромъ зашелъ къ ней Озеровъ, который ни разу еще не былъ у нея, и о которомъ она стала даже какъ то забывать за этотъ лихорадочный мѣсяцъ.

— Развѣ и васъ берутъ? — спросила она слегка разочарованно, глядя на новенькую военную форму.

— Нѣтъ, я иду добровольцемъ.

— Зачѣмъ? — вырвалось у Лидіи Петровны — какъ будто бы и безъ васъ тамъ не довольно людей!

— Стыдно, Лидія Петровна! — серьезно сказалъ Озеровъ.

И ей стало, дѣйствительно, стыдно, какъ школьницѣ, которую поймали на какой нибудь глупости.

Онъ сидѣлъ недолго. И Лидія Петровна все время думала о томъ, почему онъ не такой, какъ другіе . . .

— Вотъ, сидитъ со мной наединѣ. Знаетъ — не можетъ не знать, что онъ мнѣ нравится. И я ему нравлюсь . . . Иначе бы онъ не зашелъ прощаться. Ахъ, почему онъ такой застѣнчивый!

И когда онъ всталъ, чтобы проститься — Лидіи Петровнѣ стало такъ грустно, словно она отпускала отъ себя кого то безконечно дорогого . . .

А когда онъ наклонился къ ея рукѣ — не съ тѣмъ казеннымъ поцѣлуемъ, которымъ цѣлуютъ руку замужней женщинѣ — она какъ то робко прикоснулась губами къ его бѣлокурымъ волосамъ.

А онъ поднялъ на нее свои голубые глаза и прошепталъ:

— Спасибо!

И взглядъ этотъ долго снился Лидіи Петровнѣ.

Была мода на яркій цвѣтъ танго . . . Была мода на юбки съ разрѣзами до колѣнъ. Теперь

самымъ моднымъ сталъ сѣренькій костюмъ сестры милосердія.

Лидія Петровна тоже смѣнила дорогіе наряды на скромное платье и косынку съ краснымъ крестомъ (которая была ей, кстати сказать, очень къ лицу . .)

Сознавала ли она всю отвѣтственность принятаго на себя дѣла? Думала ли о томъ, какой тяжелый трудъ ей предстоитъ? Чувствовала ли призваніе служить своему ближнему?—Врядъ ли...

Просто, это было модно, а Лидія Петровна скучала и не знала, чѣмъ заполнить праздные дни . . .

У нея была хорошая протекція. И въ лазаретѣ ее терпѣли. Именно только терпѣли, потому что пользы отъ нея было мало. Не то, чтобы у нея не было желанія — Лидія Петровна была просто бѣлоручка и не умѣла взяться ни за какую мало-мальски самостоятельную работу. Она была изнѣжена, слаба здоровьемъ и слово „долгъ" было для нея пустымъ звукомъ.

Старшая сестра относилась къ ней снисходительно. Доктора ее не особенно любили. Кромѣ молодыхъ, которые не могли не обращать вниманія на интересную сестру, которая находила среди лазаретныхъ заботъ время и завиться, и напудриться, и подвести глаза.

А Лидія Петровна, для которой уходъ за собой до сихъ поръ былъ чуть ли не главнымъ содержаніемъ жизни, — не могла понять психологіи старшей сестры, гладко причесывающей свои красивые волосы, носившей нескладно сшитый халатъ и руки которой не только давно не знали маникюра, но даже огрубѣли.

— Если бы она пріодѣлась и причесалась — она была бы очень недурна — вѣдь она же молодая!

Лидія Петровна недоумѣвала, хотя начала уже смутно сознавать, что та, пожалуй, права. Но не могла же она такъ сразу порвать со всѣмъ, что съ дѣтства привыкла возводить въ культъ: хорошо сшитое платье, модная прическа, изящный маникюръ. Изъ этого же состояла главная половина ея жизни . . .

Если это несущественно, — что же тогда существенно и важно?

Этого Лидія Петровна еще не сознала, хотя и чувствовала, что въ ея жизни готовится какой-то переломъ, что близится что-то важное и значительное.

Она не могла войти, какъ слѣдуетъ, въ лазаретную будничную жизнь. Первое увлеченіе новизной прошло, и она начала ощущать уже тоску — порой даже отвращеніе къ этому ряду бѣлыхъ холодныхъ коекъ, къ этому спертому воздуху, пропитанному карболкой и іодомъ.

Лазаретъ сталъ ей казаться тюрьмой и удерживало ее тамъ только самолюбіе...

Съ равнодушнымъ, скучающимъ видомъ принимала Лидія Петровна въ апрѣлѣ новую партію раненыхъ И вдругъ, по какой-то кинематографической случайности, среди прибывшихъ оказался и онъ — ея „славный мальчикъ"! Съ этого дня Лидія Петровна измѣнилась. Съ лица ея исчезло выраженіе вѣчнаго недовольства. Отношеніе къ обязанностямъ стало добросовѣстнѣе, обращеніе съ ранеными ровнѣе. Лидіи Петровнѣ словно стало стыдно, что Озеровъ видитъ въ ней то, чего въ ней нѣтъ, и она торопилась наверстать потерянное.

Рана Озерова была неопасная. Онъ поправлялся быстро. Лидія Петровна окружала

его всевозможными заботами и только, когда замѣчала его укоризненный взглядъ, вспоминала, что есть еще и другіе раненые, ждущіе отъ нея помощи.

Озеровъ выписался из лазарета. Завтра онъ долженъ былъ ѣхать на фронтъ. Сегодня они проводили вмѣстѣ послѣдній день. Лидія Петровна помѣнялась дежурствомъ съ другой сестрой, чтобы весь этотъ вечеръ пробыть вмѣстѣ.

Они сидѣли въ городскомъ саду. И молчали, какъ тогда у моря.

Май былъ въ этомъ году холодный. Все распускалось поздно. Весна была похожа на осень . . .

— Вотъ, никогда не подумалъ бы, чтобы вы пошли въ сестры, — сказалъ Озеровъ.

И эти слова нарушили ея молчаніе. Сбивчиво и туманно стала разсказывать она все, что передумала и перечувствовала за эти недѣли. Говорила о томъ, что не умѣетъ быть на высотѣ своего призванія. Что хочетъ дѣлать добро — и не умѣетъ. И какъ ей стыдно, что онъ считаетъ ее лучше, чѣмъ она есть.

Озеровъ ласково взялъ ея руку.

— Не ваше дѣло это, голубушка. — Быть сестрой милосердія — подвигъ. На это нужны особыя силы, особая энергія. И все таки, много значитъ, что вы пересилили себя, пойдя на это трудное дѣло.

Много еще говорилъ Озеровъ — и Лидія Петровна чувствовала, что онъ понимаетъ ее, ея стремленія, ея душу — до которой до сихъ поръ не было, какъ будто бы, дѣла никому.

Говоря, онъ сжималъ ея тонкіе пальцы. Это была единственная ласка, которую до сихъ поръ позволилъ себѣ Озеровъ . . .

И все таки старая сказка проснулась и властно заявила о своихъ правахъ . . .

Озеровъ уѣхалъ на фронтъ. Но лазаретъ долго еще былъ полонъ оставленнымъ имъ свѣтомъ и много лѣтнихъ вечеровъ освѣтилось этими яркими воспоминаніями . . .

Онъ писалъ теперь часто, и письма эти дополнили то, чего они не могли сказать другъ другу въ минуты встрѣчъ.

Ея „славный мальчикъ" сталъ теперь — ея женихомъ.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ у Лидіи Петровны тоже былъ женихъ. Но какая разница — тогда и теперь!

Три года съ нелюбимымъ, безразличнымъ человѣкомъ, давшимъ ей обезпеченное существованіе, исполнявшимъ ея капризы и прихоти, — но которому не было никакого дѣла до ея души . . . Для котораго она была и осталась красивой игрушкой.

Три года, растянувшіеся въ вѣчность, полные постоянной жажды чего то туманнаго, неяснаго для нея самой, увлеченій, разочарованій и измѣнъ . . .

Со смертью мужа спала съ Лидіи Петровны цѣпь, — но уже не было желанія и умѣнія приложить къ жизни нетронутыя силы. Такъ и осталась вѣчная неудовлетворенность и жажда чего-то сильнаго и яркаго, чего не дала жизнь.

Въ концѣ лѣта письма прекратились.

Лидія Петровна стала съ безпокойствомъ просматривать списки убитыхъ и раненыхъ, съ

трепетомъ раскрывая каждый номеръ „Русскаго Инвалида“. Пока имени Озерова тамъ не встрѣтилось . . .

Она опять стала относиться небрежно къ своимъ обязанностямъ, снова опротивѣлъ ей лазаретъ, койки и раненые Вся полная своей любви — послѣдней любви увядающей женщины — она ждала извѣстій и грустила . . . И, наконецъ, нашла имя Озерова въ спискѣ пропавшихъ безъ вѣсти . . .

Руки ея опустились. Не стало охоты ни къ чему. Она какъ-то сразу поблекла, завяла...

Лидія Петровна бросила лазаретъ и уѣхала къ родственникамъ въ Петроградъ. Но пустая свѣтская жизнь не могла заполнить ея души. За этотъ годъ она привыкла все таки къ работѣ, и скучала безъ привычнаго труда . . . Въ общество ее больше не тянуло. Избалованная всеобщимъ поклоненіемъ, она была сильно задѣта тѣмъ, что многіе проходили мимо нея теперь безъ вниманія, отдавая свои взоры болѣе молодымъ.

Лидія Петровна стала сознавать, что спѣта ея лебединая пѣсня.

Красота увядала быстро и безпощадно.

Однажды, проходя съ двоюродной сестрой мимо Финляндскаго вокзала, она попала въ громадную толпу.

— Въ чемъ дѣло?

— Прибылъ поѣздъ съ инвалидами, отпущенными изъ Германіи.

Онѣ хотѣли было пройти мимо, но толпа подхватила ихъ и понесла на вокзалъ. Пыхтя и отдуваясь, подходилъ уже длинный поѣздъ.

Засуетились санитары и сестры. Задвигались носилки. Послышалось хлопанье дверей. Рас-

талкивая толпу, полѣзли впередъ какія-то личности съ фотографическими аппаратами. Полиція дѣлала порядокъ.

Мощное „ура“ огласило воздухъ при появленіи первыхъ инвалидовъ. Въ воздухѣ замелькали шапки, посыпались цвѣты.

Они выходили изъ вагоновъ, опираясь на руку сестеръ, измученные, исхудалые, съ блѣдными лицами, говорившими безъ словъ о всѣхъ ужасахъ германскаго плѣна. Чахоточные, безрукіе, хромые, — длинной вереницей шли они изъ вагоновъ.

Лидіи Петровнѣ вспомнились слова Озерова:

— Ужасна мысль, что ты можешь стать инвалидомъ, въ тягость себѣ и другимъ.

— Вотъ это — пострадавшіе отъ газовъ. — объяснялъ какой-то студентъ съ повязкой Краснаго Креста, указывая на новую группу — у однихъ поражены всѣ внутренніе органы, у другихъ пострадалъ мозгъ, иные лишились зрѣнія . . .

Сестра выводитъ блѣднаго бѣлокураго офицера. Два Георгія бѣлѣютъ на его груди. На видъ онъ совсѣмъ здоровъ. Только странно жутокъ взглядъ этихъ безцвѣтныхъ остеклянѣвшихъ глазъ.

— Слѣпой . . .

Рѣзкій крикъ слышится въ толпѣ. И, расталкивая невольно подавшуюся назадъ публику, протискивается впередъ блѣдная, безцвѣтная женщина. Она хочетъ что-то сказать — но только глухія рыданія вырываются изъ ея груди.

И, обнявъ слѣпого съ материнской нѣжностью, она можетъ только прошептать:

— Мой славный . . . мой бѣдный, бѣдный мальчикъ!

Враги.

Въ офицерской землянкѣ было накурено, душно, жарко.

Н-скій полкъ стоялъ здѣсь третій мѣсяцъ, съ того самаго дня, какъ выбилъ непріятеля изъ деревни и отбросилъ его на ту сторону рѣки. Было тихо. Это было то состояніе, которое въ офиціальныхъ донесеніяхъ опредѣляется словами: „На фронтѣ артиллерійская борьба съ перерывами и поиски развѣдчиковъ".

Дѣлать было нечего. Всѣ офицеры давно успѣли хорошо узнать другъ друга. Разговаривать было не о чемъ. Сидѣли по угламъ землянки, и, что называется, „томились".

— Хрипуновъ идетъ! — закричалъ вдругъ стоявшій у окнà поручикъ Комаровскій, и офицеры радостно подхватили восклицаніе товарища, словно услышали въ немъ какое-то откровеніе.

— Какой Хрипуновъ? — лѣниво спросилъ прапорщикъ Иваницкій, который, несмотря на свое трехмѣсячное пребываніе въ полку, не зналъ по фамиліи ни одного солдата. Всѣ они, по его мнѣнію, были „на одно лицо" и отличить одного отъ другого ни было никакой возможности. Вообще Иваницкій смотрѣлъ на солдатъ, какъ богатый баричъ привыкъ смотрѣть на „это мужичье".

По бѣлому полю, разстилавшемуся бугорчатой пеленой до самаго горизонта, двигалась черная точка, въ которой только очень зоркій глазъ могъ различить фигуру солдата.

— Объясните мнѣ, что это за Хрипуновъ, и что въ немъ особеннаго? — спросилъ Иваницкій, заинтересованный общимъ вниманіемъ къ солдату.

— Ну, какой вы! — разсердился даже нервный Комаровскій, — навѣрное, вамъ не отъ кого письма получать! Это же Хрипуновъ, который вызвался сходить на почту!

— На почту? — сонное лицо Иваницкаго оживилось и въ глазахъ его загорѣлся тотъ же напряженный огонекъ ожиданія, что и у остальныхъ.

Какъ медленно идетъ этотъ Хрипуновъ, и какъ интересно слѣдить за его приближеніемъ! Но не только простое любопытство въ этомъ нервномъ ожиданіи: къ нему примѣшивается и другое, болѣе серьезное чувство. Смотрѣвшіе изъ окна отлично знали, что поступокъ Хрипунова — далеко не простая прогулка. Тропинка, причудливо извивавшаяся, шла въ одномъ мѣстѣ по самому берегу рѣки, и шедшій по ней представлялъ собой прекрасную мишень для „пробной“ стрѣльбы нѣмецкихъ стрѣлковъ.

— Вѣдь что ему стоило взять немного подъ гору и пойти полемъ, чай ужъ не так:е тамъ сугробы, что не пройдешь... А онъ претъ себѣ прямо на рожонъ! — возмущался капитанъ Дальскій.

— Пропадетъ ни за что, ни про что! — Дураки будутъ нѣмцы, если не снимутъ! — сказалъ извѣстный пессимистъ поручикъ Антоновъ.

— Ну, не каркай, ворона! — прикрикнулъ Дальскій.

— Сверни съ тропинки, Хрипуновъ! — кричалъ, волнуясь, Комаровскій, какъ будто бы солдатъ могъ его слышать

И вдругъ, какъ бы въ подтвержденіе пророчества Антонова, съ нѣмецкой стороны взвились два синихъ дымка. Но Хрипуновъ, словно бравируя опасностью, даже не ускорилъ шаговъ.

— Онъ какъ будто нарочно лѣзетъ на смерть, мерзавецъ! — бросилъ Антоновъ.

— Ерунда, онъ уже миновалъ линію обстрѣла. Его прикрываетъ холмъ — спокойно возразилъ Дальскій. Всѣ облегченно вздохнули.

Хрипуновъ теперь быстрыми шагами приближался къ землянкѣ.

Когда Хрипуновъ вошелъ въ землянку и сталъ застывшими отъ мороза руками развязывать сумку, весь центръ вниманія перенесся сразу на эту сумку. Только Комаровскій похлопалъ Хрипунова по плечу, бросивъ ему добродушное: „Молодецъ!“

Хрипуновъ доставалъ, не торопясь, пачку за пачкой, передавая ихъ Антонову. Офицеры нетерпѣливо, какъ дѣти, заглядывали черезъ плечо товарищу, вырывали письма и газеты у него изъ рукъ.

— А мнѣ ничего? — разочарованно протянулъ Иваницкій.

Хрипуновъ заглянулъ въ сумку и медленно, словно намѣренно мучая офицера, вытащилъ изъ нея розовый конвертикъ.

Иваницкій быстро схватилъ его, потомъ лицо его разочарованно вытянулось и онъ протянулъ:

— И больше ничего?

Но больше писемъ ему не оказалось.

Всѣ погрузились въ чтеніе. Кто читалъ письма, кто пробѣгалъ газету, кто заглядывалъ, черезъ плечо товарища въ газету, которую, тотъ читалъ, или въ его открытки. Никто не обращалъ вниманія на словно приросшаго къ землѣ солдата, который съ какимъ то мрачнымъ выраженіемъ слѣдилъ за Иваницкимъ.

Антоновъ поднялъ случайно голову и, замѣтивъ Хрипунова, сказалъ ему:

— Можешь итти!

А когда дверь за солдатомъ закрылась, онъ замѣтилъ:

— Какое странное лицо у этого Хрипунова.

Когда дневальный вошелъ вечеромъ въ „столовую", чтобы унести самоваръ, онъ замѣтилъ Хрипунова, со смущеннымъ видомъ вылѣзавшаго изъ подъ стола.

— Ты что?

— Спички разсыпалъ — отвѣтилъ тотъ, пряча что то въ карманъ. Но Хрипуновъ лгалъ. Онъ собиралъ не спички, а обрывки розоваго письма, небрежно разорваннаго послѣ прочтенія Иваницкимъ. Онъ хотѣлъ собрать эти обрывки въ одно цѣлое, думая найти въ немъ разгадку той тайны, которая упрямо ускользала отъ него цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, съ того самаго дня, когда призвали его на военную службу.

Если бы кто нибудь сказалъ Иваницкому, что у него, блестящаго офицера, есть соперникъ среди этого „пушечнаго мяса" — онъ расхохотался бы и назвалъ бы говорившаго сумасшедшимъ.

А между тѣмъ это было такъ: прапорщикъ Иваницкій и нижній чинъ Хрипуновъ любили одну и ту же женщину!

Иваницкій зналъ, что у хорошенькой бонны его сестеръ, которую онъ удостоилъ чести сдѣлать своей любовницей, есть женихъ — сама сказала, — но ужъ, конечно, не интересовался во-

просомъ, кто онъ и какъ его зовутъ. А когда хорошенькая Маша, которая издали казалась такой пикантной, а на дѣлѣ была мѣщански щепетильной, скоро надоѣла ему, онъ бросилъ ее со спокойной совѣстью. Иваницкій былъ увѣренъ, что она вернется къ своему жениху и выйдетъ за него замужъ, какъ „это всегда дѣлается у простыхъ". Онъ не зналъ — да ему было и не интересно знать, что женихъ Маши не былъ вовсе „простымъ", въ его смыслѣ, а имѣлъ сносное образованіе и былъ довольно интеллигентенъ.

Какое дѣло ему было до той трагедіи, которую пережила брошенная имъ дѣвушка, порвавшая изъ за него съ безумно любившимъ ее человѣкомъ. Брошенная, опозоренная, она молча ушла, вѣрнѣе: была выгнана изъ дома, потому что мать его, мадамъ Иваницкая, не выносила „никакой безнравственности".

Иваницкій тогда уже былъ на фронтѣ. Сначала Маша молчала, но потомъ вслѣдъ за нимъ полетѣли туда ея письма. Но онъ оставлялъ эти розовые листочки безъ отвѣта . . .

Хрипуновъ зналъ, кто отнялъ у него Машу. И когда Иваницкаго назначили къ нимъ въ полкъ, онъ счелъ это знаменіемъ. Отвлеченная ненависть получила вдругъ реальную почву, и вся жизнь Хрипунова, каждая минута вынужденнаго празднаго затишья съ тѣхъ поръ, какъ стали здѣсь, у рѣки, наполнилась мечтой о мести.

Морозы смѣнились, наконецъ, долго жданной оттепелью. Ледъ на рѣчкѣ посинѣлъ и грозилъ уже дать трещины. Рѣка была естественной границей между нашими и нѣмецкими линіями. Съ тѣхъ поръ, какъ мы отбросили нѣмцевъ за

рѣку, ни съ нашей, ни съ ихъ стороны не было попытокъ наступленія, но теперь мы рѣшили использовать еще крѣпкій ледъ и попытаться занять первую германскую линію.

Для наступленія выбрали ясное весеннее утро Загрохотала наша артиллеріи, разметывая проволочныя загражденія непріятеля, и, послѣ трехчасовой подготовки, наши бросились на „ура" черезъ ледъ

Хрипуновъ въ десятый разъ ходилъ въ атаку и ему было отлично знакомо это странное волнующее чувство. Онъ бѣжалъ по темному льду не болѣе пяти минутъ, но ему казалась, что онъ бѣжитъ уже много много часовъ. Время остановилось, и на смѣну ему, вмѣстѣ со смертью, обильно сыпавшейся изъ пулеметовъ и разрывавшихся снарядовъ, пришла на землю сама величавая Вѣчность. Глаза Хрипунова потеряли способность охватывать сразу большіе горизонты — онъ видѣлъ передъ собой что нибудь одно, и это одно казалось ему въ данную минуту самымъ существеннымъ, самымъ важнымъ. Сначала онъ видѣлъ кусочекъ берега Потомъ, добѣжавъ и вскарабкавшись на него, видѣлъ часть окопа, затѣмъ сталъ гнаться за отдѣльными фигурами, быстро бѣжавшими подъ нашимъ неожиданнымъ ударомъ. Добѣжать, ударить штыкомъ, схватиться въ рукопашную — потомъ бѣжать дальше, ища новую мишень

Хрипуновъ бѣжалъ, кололъ и смутно чувствовалъ, что за нимъ бѣгутъ десятки, сотни такихъ же Хрипуновыхъ. которые такъ же бѣгутъ, колютъ, падаютъ. А за ними катятся новыя волны.

Вотъ на раненаго офицера насѣли три дюжихъ молодца въ матовыхъ остроконечныхъ каскахъ. И то самое важное, что нужно было сейчасъ сдѣлать, воплощается внезапно въ этомъ

офицерѣ. Хрупуновъ, угрожающе поднявъ штыкъ, ринулся на выручку — да такъ и замеръ съ поднятой рукой на мѣстѣ: узналъ въ раненомъ Иваницкаго!

Послѣдній тоже узналъ солдата, вспомнилъ, вопреки обыкновенію, какъ его зовутъ, и отбиваясь здоровой рукой, крикнулъ:

— Не выдай, братецъ Хрипуновъ!

А солдатъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, и въ усталой отъ тупого бездумья, что охватываетъ человѣка въ бою, головѣ, бѣжали, толкая другъ друга, двѣ мысли И если бы Хрипуновъ могъ поймать ихъ и оформить словами, солдатъ сказалъ бы себѣ:

— Это — твой врагъ, твой злѣйшій врагъ. Пусть же онъ погибнетъ!

А другая мысль властно приказывала:

— Ты — солдатъ! Помни свой долгъ!

Иваницкій, изнемогая, смотрѣлъ въ сторону Хрипунова, не понимая, чего медлитъ спаситель. И взглядъ этихъ глазъ былъ такъ краснорѣчиво тосклив, и въ немъ свѣтилась такая жажда жизни и такой черный ужасъ смерти — что Хрипуновъ съ какимъ то звѣринымъ крикомъ ринулся на крайнего нѣмца.

— Спасибо, Хрипуновъ! — прошепталъ Иваницкій, опускаясь на снѣгъ рядомъ съ двумя мертвыми нѣмцами. Третій былъ раненъ и лежалъ поодаль, тяжело стоная.

Но въ глазахъ спасителя зажегся какой то злобный огонь и, наклонившись надъ офицеромъ, онъ прохрипѣлъ:

— Не тебя я спасалъ. Я спасалъ офицера! А тебя я ненавижу! Ты — мой злѣйшій врагъ. Невѣсту ты отнялъ у меня . . . невѣсту . . . отнялъ, чтобы поиграть и бросить!

Какъ гнѣвный мститель, стоялъ надъ офицеромъ, весь окровавленный,страшный, раненый въ нѣсколькихъ мѣстахъ, Хрипуновъ, бормоча безсвязныя угрозы и слова ненависти.

Но Иваницкій больше не слышалъ: онъ лишился сознанія . . .

Въ церкви звонили къ обѣднѣ. Яркое апрѣльское солнце, пробиваясь сквозь занавѣску окна, чертило на окнѣ причудливые узоры. Маша одѣвалась, стоя у зеркала. Черныя мысли мучали ее уже давно, съ того самаго дня, какъ получила она письмо отъ своего бывшаго жениха. Послѣ письма, въ которомъ она сообщила ему о разрывѣ, Хрипуновъ Машѣ больше не писалъ. И вотъ въ этомъ письмѣ, которое пришло почти черезъ годъ, онъ, какъ бы сознательно мучая Машу, писалъ ей о томъ, какъ встрѣтился съ Иваницкимъ на позиціяхъ, какъ узналъ его, какъ его ненавидитъ. Какъ узналъ изъ ея, Машинаго, письма ея адресъ.

Маша, зная хорошо ревнивый характеръ своего жениха, была увѣрена, что онъ исполнитъ свою угрозу и боялась за Иваницкаго.

Но ни на одно изъ писемъ, которыя летѣли къ Иваницкому, на фронтъ, отвѣта не было, даже на то, послѣднее, въ которомъ Маша предупреждала его противъ Хрипунова.

Мысли, одна другой тяжелѣй, мучили бѣдную женщину.

— Маша, тебя спрашиваютъ!

— Меня, тетя?

Въ передней было полутемно, и Маша не сразу узнала это блѣдное изможденное лицо. А

когда онъ, какъ то смущенно улыбаясь, взялъ ея руку своей лѣвой рукой — Маша сразу замѣтила, что, у Иваницкаго вмѣсто правой болтается пустой рукавъ.

И заплакала. Отъ радости ли, что снова видится съ нимъ, или оттого, что онъ — калѣка, Маша не знала и сама.

— Я думала . . . Хрипуновъ убьетъ тебя. . . пробормотала она сквозь слезы, высказывая мучившую ее послѣдніе мѣсяцы мысль — я писала тебѣ о немъ.

Лицо Иваницкаго стало необычайно серьезнымъ.

— Я получилъ твое послѣднее письмо уже въ лазаретѣ. Но ты ошибаешься въ Хрипуновѣ. Не будь его — я не былъ бы сегодня съ тобою. Онъ вынесъ меня раненаго — самъ раненый — изъ огня. Спасъ меня — цѣной своей жизни . . . Удивительный человѣкъ былъ этотъ Хрипуновъ...

И, слушая звонъ, разливавшійся въ чистомъ весеннемъ воздухѣ, Иваницкій глубоко задумался — задумался о невѣдомой ему, загадочной для него душѣ русскаго солдата . . .

Махмутка и Саберржанъ.

Почему и кто прозвалъ ихъ такъ въ первый разъ — затрудняюсь сказать, но всѣ мы привыкли называть нашихъ татарчатъ „наши зайчата“.

Ихъ было въ нашей ротѣ два, оба похожіе другъ на друга, оба миловидные, съ ясными юношескими глазами. Мы считали „зайчатъ“ мальчиками и обращались съ ними покровительственно свысока. Въ нашемъ мозгу долго не укладывалась мысль, что Махмуткѣ двадцать шесть лѣтъ, а Саберджанъ женатъ, и даже на двухъ.

Когда стало извѣстно послѣднее обстоятельство, оно дало пищу для безконечныхъ подтруниваній надъ Саберджаномъ, который никогда и ни на что не обижался.

— Слышь ты, Баклажанъ, (такъ мы окрестили, для ради легкости, Саберджана) разскажи, какъ ты сразу женился на двухъ!

— Не сразу, не сразу! — моталъ головой Саберджанъ — сначала одинъ жена, потомъ — другой.

И не понималъ, почему всѣ заливались хохотомъ.

— А твои жены красивыя?—приставалъ кто-нибудь.

— А онѣ не дерутся между собой?

— А почему у тебя двѣ жены, а не три?

— Три нельзя имѣть — серьезно отвѣчалъ Саберджанъ — три не по закону.

— Вотъ и врешь! Я знаю, что у васъ, мусульманъ, бываетъ и по двѣнадцати женъ.

— Бываетъ . . . И у васъ бываетъ . . . Но не по закону А двѣ — это законъ. Я хочу жить по закону.

— Баклажанъ, а Баклажанъ, а если я поѣду къ вамъ, въ Казань, можно мнѣ тоже взять вторую жену? — приставалъ въ сотый разъ весельчакъ Муравлинъ.

— Тебѣ нельзя. Когда твой жена помретъ— можешь.

— Ну вотъ, это я могу и здѣсь! А я хочу поѣхать въ Казань, и имѣть сразу двухъ . . . а еще лучше трехъ женъ, красивыхъ, красивыхъ... Баклажанъ, а ваши женщины красивы?

— Поѣзжай Казань — увидишь . . .

Съ Махмутомъ разговаривали меньше: онъ былъ не краснорѣчивъ и застѣнчивъ. Когда его пробовали дразнить, онъ сначала застѣнчиво улыбался, а потомъ быстро раздражался и говорилъ:

— Казанскій кулакъ видалъ? Нѣтъ? Такъ вотъ, смотри!

Взаимная привязанность ихъ доходила до трогательнаго. Одинъ никогда не садился ѣсть безъ другого, рядомъ сидѣли въ окопахъ, вмѣстѣ шли въ атаку. Если одного назначали въ развѣдку — обязательно просился и другой.

Они и ранены были въ одномъ и томъ же бою, осколками одной и той же гранаты. На перевязочномъ пунктѣ ихъ чуть было не разлучили: тяжело раненаго Махмута хотѣли автомобилемъ отправить въ ближайшій лазаретъ, Сабержанъ же вмѣстѣ съ другими, легко ранеными, долженъ былъ итти къ желѣзнодорожной

станціи, гдѣ ждалъ санитарный поѣздъ. Но Махмутка такъ заволновался, сталъ такъ отчаянно просить не разлучать его съ товарищемъ, что докторъ, чтобы успокоить его, позволилъ Сабержану тоже сѣсть въ автомобиль.

Въ лазаретѣ, гдѣ лежало всего тридцать раненыхъ, „зайчата" обратили на себя всеобщее вниманіе. Махмутка былъ очень нехорошъ. Онъ почти все время лежалъ безъ памяти и, когда приходилъ въ себя, начиналъ сейчасъ тревожно оглядываться, ища Сабержана. Тогда послѣдній поднимался на своей койкѣ (ихъ постели стояли рядомъ) и, протянувъ руку, начиналъ гладить черную голову товарища, повторяя какія то безсвязныя — видимо ласковыя — слова.

Ночью, когда дежурная сестра засыпала въ тепломъ углу, у печки, Сабержанъ тихонько слѣзалъ съ постели, надѣвалъ мягкія туфли и, подкравшись къ Махмуткиной койкѣ, опускался возлѣ нея на колѣни. Долго-долго могъ такъ стоять Сабержанъ, глядя въ потное лицо спящаго товарища.

Сабержанъ былъ самъ не свой, когда уносили Махмута на операцію, онъ провожалъ носилки до дверей операціонной и, навѣрное, залѣзъ бы и туда, если бы не прикрикнула на него старшая сестра.

Махмутку положили на бѣлый столъ. Онъ оглядывался вокругъ мутными глазами, косился на блестящіе металлическіе инструменты, а потомъ подозрительно уставился на сестру, подходившую къ нему съ маской.

— Считай! — сказалъ ему докторъ, наклоняя надъ маской пузырекъ съ эфиромъ.

Махмутка началъ монотонно считать и считалъ очень долго.

— И чего онъ не спитъ! — говорилъ док-

торъ, нетерпѣливо вытирая полотенцемъ какой то инструментъ. — Навѣрное, алкоголикъ!

— Что вы, докторъ, вѣдь татары не пьютъ! — заступилась за раненаго молоденькая сестра.

— Ну и наивны же вы, душечка! — отвѣтила ей старшая и, обратясь къ раненому, спросила:

— Махмутка, ты водку пилъ?

— Пилъ, пилъ! — радостно раздалось изъ-подъ маски.

— И много?

— Да такъ, каждый день понемножку!

Несмотря на всю серьезность момента, окружавшіе не могли удержаться отъ смѣха.

Младшая сестра разсказала за обѣдомъ всю исторію другимъ раненымъ, и лишь только Махмутка вечеромъ сталъ приходить въ себя, на него со всѣхъ сторонъ посыпались насмѣшливые вопросы:

— Махмутка, ты водку пилъ?

Эта фраза долго еще служила темой дня въ лазаретѣ.

У Сабержана рана живо зажила, но потомъ, какъ говорили солдаты „на счастье", стали отчего-то пухнуть ноги, такъ что и онъ залежался. Попали они въ одну и ту же комиссію и были выписаны въ одинъ и тотъ же день.

У насъ въ ротѣ бурно привѣтствовали возвращеніе „зайчатъ", безъ которыхъ у насъ не хватало мишени для грубоватыхъ, но безобидныхъ солдатскихъ шутокъ.

Сабержанъ подробно повѣствовалъ о жизни въ лазаретѣ, гдѣ его многое поразило, не преминувъ разсказать, какъ не могли усыпить Махмутку и какъ у него, Сабержана, докторъ два

раза принимался искать осколокъ, да такъ и не нашелъ.

— Такъ осколокъ и остался во мнѣ! — кончалъ свой разсказъ Сабержанъ, повидимому, очень гордившійся послѣднимъ обстоятельствомъ.

Татарчата вернулись къ намъ какъ разъ къ началу Рождественскихъ боевъ. Было жаркое дѣло. Мы успѣшно продвигались впередъ по дьявольски укрѣпленному пространству, каждая пядь котораго стоила немалыхъ жертвъ. На третій день была частичная неудача изъ-за неподоспѣвшихъ своевременно резервовъ. Пришлось отступить на версту, очистивъ только что занятый лѣсокъ. Къ вечеру наступило затишье. Убирали раненыхъ. Ночью хоронили убитыхъ.

Хватились нашихъ „зайчатъ". Среди убитыхъ ихъ не было. Легко раненые, вернувшіеся съ перевязочнаго пункта, говорили, что и тамъ не видали нашихъ любимцевъ.

— Попались въ плѣнъ? Да нѣтъ, они, черти, ловкіе — не сдадутся въ плѣнъ живыми!

Еще не конченъ былъ скромный обрядъ отпѣванія, еще не засыпана была братская могила, какъ мы получили приказъ итти на развѣдку въ только что очищенный лѣсокъ. Насъ пошло трое. Уже брезжилъ разсвѣтъ, когда мы подошли къ опушкѣ лѣса, откуда хорошо были видны лихорадочно укрѣпленныя за ночь нѣмецкія линіи.

Мы исполнили свое порученіе и повернули обратно, когда до слуха моего долетѣли слабые стоны. Я зналъ, что надо было торопиться, уходить, пока не замѣтилъ насъ непріятель, и ускорилъ шаги.

Но стоны были такъ навязчивы, такъ жалобны и протяжны, что я не могъ отказать

своему сердцу, и, пославъ нижнихъ чиновъ впередъ, углубился въ чащу.

Шагахъ въ двадцати отъ тропинки я увидѣлъ нашего Сабержана. Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ трупомъ Махмутки и издавалъ протяжные стоны. Стоналъ, колотилъ себя кулакомъ въ грудь и давился какими-то гортанными звуками.

— Сабержанъ, — сказалъ я ласково, дотрагиваясь до его плеча, — идемъ, вѣдь тебя здѣсь могутъ убить нѣмцы.

— А онъ?

— Вѣдь онъ же мертвъ. Ни захватить съ собой, ни похоронить его мы не можемъ — надо торопиться

— Я не оставлю его! — упрямо отвѣтилъ Сабержанъ.

— Глупый, вѣдь тебя же убьютъ нѣмцы!

— Ну и убьютъ! А я его похороню... По закону...

И лѣсная тишина снова огласилась гортанными звуками.

— Слушай, Сабержанъ, — сказалъ я ему тономъ начальника, — если ты останешься, тебя нѣмцы или убьютъ тебя, или захватятъ въ плѣнъ. А такъ какъ ты остался здѣсь самовольно — выйдетъ, что ты, по доброй волѣ, сдался непріятелю. А ты знаешь, какъ называется такой поступокъ?

Сабержанъ посмотрѣлъ на меня большими удивленными глазами. Потомъ всталъ, вытянулся по солдатски, надѣлъ упавшую въ снѣгъ фуражку и молча пошелъ рядомъ со мной.

Мы нагнали моихъ молодцовъ на поворотѣ. Муравлинъ, увидя моего спутника, закричалъ:

— А, Баклажанъ! А гдѣ Махмутка?

— Махмута нѣтъ, — торжественно и какъ-то безнадежно отвѣтилъ Сабержанъ. И закрылъ лицо рукой, словно ему было больно смотрѣть на бѣлый снѣгъ.

Мы шли молча къ своимъ линіямъ. Вставалъ сѣрый, мглистый день. Падалъ мелкій пушистый снѣжокъ. Гдѣ-то ухала артиллерія.

Мнѣ было грустно . . .

Свѣтъ и тѣни.

Послѣ трехдневныхъ жаркихъ боевъ наступило затишье.

Наши съ лихорадочной поспѣшностью укрѣплялись на отнятомъ у непріятеля пространствѣ. Нѣмецъ зловѣще молчалъ, старательно обдумывая реваншъ.

На перевязочномъ пунктѣ было тихо. Сегодня за цѣлый день пришло только двое солдатъ, неосторожно высунувшихся изъ окоповъ, съ легкими раненіями.

Перевязочный пунктъ помѣщался въ мало пострадавшемъ барскомъ домѣ имѣнія, неоднократно переходившаго изъ рукъ въ руки. То есть имѣнія почти уже и не было, только груды развалинъ, среди которыхъ одиноко красовался бѣлый барскій домъ, защищаемый флагомъ Краснаго Креста.

Врачи и сестры пили чай въ старомодной гостиной съ потемнѣвшими картинами въ золоченыхъ рамахъ, съ круглыми зеркалами и яркими персидскими коврами на облупленномъ полу. Старшій врачъ, раздражительный и злой на операціяхъ, но премилый добрякъ въ частной жизни, добродушно подсмѣивался надъ „новенькой", пріѣхавшей „изъ тылу" только двѣ недѣли тому назадъ

— Напрасно изводите Александру Георгіевну — она у насъ молодцомъ, — вступился за „новенькую" его ассистентъ, студентъ послѣдняго

курса, смотря на свою сосѣдку круглыми влюбленными глазами.

— Молодцомъ то молодцомъ, а все же такъ блѣднѣть не годится. Того и гляди, ее самое на носилки положатъ...

— Вы меня хотите окончательно обезкуражить, докторъ? — утомленно улыбаясь, отвѣтила Александра Георгіевна, — я вообще всегда блѣдная. Просто, вы меня не взлюбили съ самаго начала, Антонъ Дмитричъ!

— Откровенно сказать, я вообще не долюбливаю неопытныхъ помощницъ. Возни съ ними много, а прокъ сомнительный. Впрочемъ, изъ васъ, пожалуй, прокъ будетъ.

— Очень лестно для меня, — улыбнулась сестра.

— Легкомыслія въ васъ этого бабьяго мало, вотъ это хорошо.

— Бабьяго — фи, какъ вы выражаетесь, докторъ! — возмутилась хорошенькая сестра, сидѣвшая за самоваромъ.

— Ну, ладно, вы отъ меня еще и не такія выраженія услышать можете, сударыня... Извините — не салонъ здѣсь вамъ, а позиціи...

— Я серьезно думала, что никогда не привыкну къ этому аду, — обратилась Александра Георгіевна къ своей сосѣдкѣ, боевой сестрѣ — видъ крови и ранъ, это еще не такой ужасъ, какъ эти рвущіе сердце стоны. Первое время я слышала ихъ всюду, даже ночью. Не могла спать, мучимая галлюцинаціями... Какой все таки ужасъ эта война... И какое варварство! — тихо докончила она.

— Молоды вы еще, голубушка, но насмотрѣлись. Подождите — привыкнете, будете спать, какъ у себя дома, въ пуховой постели, и среди этихъ стоновъ... Ну, однако, пора и на боковую, надо же отоспаться за три ночи. Сегодня то

было тихо, а что будетъ завтра — одинъ Господь вѣдаетъ. Спасибо, господа, за компанію. Спокойной ночи!

Старшая сестра поднялась.

— А кто сегодня дежуритъ?

— Я — отозвалась Александра Георгіевна.

Сестры начали расходиться. Повертѣвшись около дежурной, ушелъ и студентъ. Въ столовой остались только докторъ, просматривающій газету, и дежурная сестра.

— Устали, дѣточка? — улыбнулся докторъ, вглядываясь въ ея блѣдное лицо съ большими синяками подъ глазами.— Ну, сегодня отдохнете, — работы не предвидится. Велите принести себѣ туда подушку и одѣяло. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — отозвалась Александра Георгіевна, посмотрѣвъ на доктора благодарными глазами. Этотъ ворчливый старикъ, который такъ рѣдко бывалъ самимъ собой, внушалъ ей большую симпатію, даже больше — онъ казался ей роднымъ среди всѣхъ остальныхъ, незнакомыхъ, непонятныхъ.

Александра Георгіевна еще не успѣла свыкнуться съ окружающей обстановкой. Вѣдь она пришла сюда изъ тыла, гдѣ смотрятъ на войну сквозь призму внѣдрившихся въ мозгу традиціонныхъ понятій. Ей казалось еще страннымъ, что сестры могутъ шутить при серьезныхъ перевязкахъ. Она находила дикимъ это легкое отношеніе къ смерти, какъ къ чему-то обычному, повседневному.

Александра Георгіевна не могла понять, какимъ образомъ, лишь только смолкнутъ голоса орудій, властно зовущіе къ долгу, серьезныя сестры и молодые офицеры превращаются въ веселыхъ, беззаботныхъ дѣтей.

Александра Георгіевна еще не сознавала, что

близость смерти дѣлаетъ ее чѣмъ-то обычнымъ, вовсе не страшнымъ.

Она еще не поняла, что смерть оттѣняетъ жизнь, какъ тѣнь — свѣтъ, и что, видя такъ близко конецъ — мучительно хочется жить, пользоваться манящими благами человѣческой жизни, взять отъ нея поскорѣе, что есть у нея свѣтлаго, яркаго, волнующаго . . .

Оттого-то и казались ей чуждыми эти веселые, брызжущіе силой и здоровьемъ офицеры, которыхъ уже завтра, быть можетъ, ждетъ холодная земля . . . Оттого сторонилась она смѣющихся, кокетливыхъ сестеръ . . .

А онѣ, въ свою очередь, не могли понять грустной женщины съ серьезными глазами, пришедшей къ нимъ изъ другого міра.

Она не понимала ихъ, потому что не понимала уже больше и самой жизни: у Александры Георгіевны все было въ прошломъ.

Дежурной сестрѣ не спалось. Она лежала на жесткой кушеткѣ, машинально прислушиваясь къ отдѣльнымъ ружейнымъ выстрѣламъ и тиканью старинныхъ часовъ на стѣнѣ — единственнымъ доносившимся звукамъ. А въ голову лѣзли неотвязныя мысли — тѣ самыя, которыя выползали откуда-то каждую минуту, не занятую трудомъ.

Съ той самой ночи, когда, три мѣсяца тому назадъ, Александра Георгіевна ушла изъ дому, чтобы поступить на курсы сестеръ.

Исторія Александры Георгіевны была самой обычной исторіей, какихъ тысячи. Вышла замужъ сгоряча, по любви, но уже въ первые же мѣсяцы начались размолвки. Слишкомъ ужъ различны были ихъ стремленія, взгляды, харак-

теры. Была надежда, что съ годами все сгладится, что они все поймутъ и привыкнутъ другъ къ другу. Думала, пойметъ же онъ, что незачѣмъ ему итти къ другимъ, искать другихъ, когда рядомъ съ нимъ живетъ любящая, способная понять его женщина. Въ часы ссоръ хотѣлось порвать все и уйти куда-нибудь, — куда глаза глядятъ, но въ рѣдкія минуты гармоніи опять вѣрилось что счастье — вѣчно . . .

Но вотъ случилось то страшное, непоправимое, отъ чего Александра Георгіевна бѣжала изъ дому, сломя голову. Ей казалось, что весь городъ будетъ издѣваться надъ ними, показывать на нихъ пальцами. А между тѣмъ, всѣ отнеслись къ Петру Петровичу со снисходительнымъ сочувствіемъ.

— Не удалось, молъ, бѣдняжкѣ!

И только . . .

Да и что, въ сущности, сдѣлалъ Петръ Петровичъ Андреевъ?

Онъ никого не убилъ, не ограбилъ, не растратилъ казенныхъ денегъ, а просто „уклонился“ отъ воинской повинности. Уклонился, какъ сдѣлали это многіе изъ его знакомыхъ — получилъ отсрочку, записавшись рабочимъ въ какое-то предпріятіе, работавшее на оборону.

Дѣло раскрылось. Произошелъ большой скандалъ. Имя директора фабрики попало во всѣ газеты. А Петру Петровичу, какъ и многимъ, записавшимся фиктивно вмѣстѣ съ нимъ, пришлось принудительно исполнить тотъ долгъ, отъ котораго они малодушно уклонились.

— Непріятная исторія, — говорили знакомые, и никто, меньше всего самъ мужъ, — не понимали, почему Александра Георгіевна дѣлаетъ изъ этого какую-то трагедію.

Петръ Петровичъ не могъ понять, что тотъ вечеръ, когда онъ пришелъ домой, растерянный и блѣдный, отнялъ у жены его все, что у нея оставалось еще въ жизни: вѣру и любовь...

Она давно уже не вѣрила Петру Петровичу, какъ мужу и мужчинѣ, но вѣрила, какъ человѣку, считала честнымъ и порядочнымъ.

И вдругъ онъ — трусъ и предатель!

Съ тяжелымъ чувствомъ вспоминала Александра Георгіевна начало войны, совпавшее съ началомъ ихъ знакомства, обрученіемъ, медовымъ мѣсяцемъ. Зараженная общимъ порывомъ, она тоже хотѣла что то дѣлать, работать, но Петръ Петровичъ смотрѣлъ на всѣ ея начинанія, какъ на ребячество.

Какъ стыдно вспоминать медовые мѣсяцы, полные эгоистичной любви и ласкъ, оставлявшихъ такъ мало времени для дѣла.

Первый годъ войны она съ увлеченіемъ отдавалась „общественной работѣ": жертвовала лишніе рубли, ходила съ кружками въ дни сборовъ, шила какія-то рубашки для воиновъ...

А потомъ все это было забыто. Война отодвинулась куда-то на задній планъ, и опустѣвшее мѣсто занялъ онъ, мужъ...

Бывали минуты, когда мелькало сознаніе, что такъ жить нельзя. Становилось стыдно за изысканный туалетъ, за дорогія кушанья, которыхъ требовалъ мужъ, за приглашеніе никому не нужныхъ гостей. Но все это были минуты. Онѣ проходили — и все шло по старому.

А та ночь кончила все разомъ, поставила крестъ на всемъ...

Она не переписывается съ мужемъ, не знаетъ даже точно, гдѣ онъ. Можетъ быть, онъ искупилъ свою вину тамъ, въ огнѣ передовыхъ позицій?

Только врядъ ли . . . Навѣрное, сумѣлъ устроиться безопаснѣе . . .

— Сестрица, принесли раненаго!

Александра Георгіевна закуталась плотнѣе въ теплый платокъ и вышла въ перевязочную. Офицеръ, раненый въ ногу, лежалъ на носилкахъ блѣдный, какъ трупъ, и только въ глазахъ его свѣтился тотъ блескъ упоенія, котораго такъ долго не могла понять Александра Георгіевна. И не замѣчала, что у нея самой загорались глаза, когда начинали грохотать орудія.

Пока сестра дѣлала перевязку, принесли еще раненыхъ. Санитаръ пошелъ будить сестеръ.

Тамъ, за имѣніемъ, начиналось дѣло.

Н-скій полкъ стоялъ второй мѣсяцъ въ резервѣ въ небольшомъ провинціальномъ городишкѣ. Такъ какъ скорой перегруппировки не предвидѣлось, офицеры постарались устроиться въ городкѣ поуютнѣе и перезнакомились со всѣми. Командиръ полка, старый холостякъ, не отставалъ отъ молодежи и разрѣшалъ устройство и вечеринокъ, и спектаклей, и маскарадовъ. Офицерское собраніе, завладѣвшее заломъ реквизированнаго зданія нѣмецкаго театра, стало центромъ мѣстнаго бомонда. Офицеры, въ большинствѣ молодежь-прапорщики „ускоренныхъ выпусковъ“, шиковали во всю, задавая тонъ всему городу.

Прапорщикъ Андреевъ былъ „непремѣннымъ членомъ“ всѣхъ баловъ, концертовъ и кутежей. Природное остроуміе и веселый нравъ сдѣлали его скоро общимъ любимцемъ. Красивый парень, онъ легко одерживалъ многочисленныя побѣды надъ сердцами бѣдныхъ провинціалокъ. Товарищи не разъ шутили, что если бы за каждую побѣду

представляли его къ наградѣ, — вся грудь его была бы увѣшана орденами.

Никто не считалъ Андреева женатымъ и мамаши усердно прочили за него своихъ незрѣлыхъ и перезрѣлыхъ дочекъ. Да и самъ Андреевъ въ этой новой обстановкѣ подчасъ забывалъ, что у него есть тамъ, гдѣ то, жена. Хотя воспоминаніе о послѣдней встрѣчѣ съ женой, которую по своему все таки любилъ Андреевъ, отравляло прапорщику подчасъ беззаботныя минуты. Самолюбивый эгоистъ, онъ не могъ забыть оскорбленій, которыя она бросила ему въ лицо въ ту памятную ночь . . .

— Глупо и дико . . . дико и глупо — говорилъ себѣ Андреевъ, но отогнать воспоминаній окончательно не могъ . . .

Была еще и другая мысль, тревожившая часто прапорщика Андреева: та мысль, которая сыграла не послѣднюю роль въ его желаніи устроиться тогда съ отсрочкой. Мысль, которая являлась ему чаще всего при видѣ тяжело опирающихся на деревяшку инвалидовъ или солдатъ, у которыхъ вмѣсто руки болтался одинъ пустой рукавъ.

Мысль разстаться съ какой-нибудь, хотя бы самой незначительной, частью своего красиваго тѣла пугала Андреева больше, чѣмъ страхъ смерти. Покончить со всѣми благами жизни, которую онъ такъ любилъ, или стать калѣкой — это казалось Петру Петровичу такимъ дикимъ и безсмысленнымъ.

Но пока еще фронтъ и связанныя съ нимъ опасности были далеко, и Андреевъ торопился пить искрящійся напитокъ изъ полной до краевъ чаши жизни . . .

Андреевъ проснулся въ первомъ часу дня. Болѣла налитая свинцомъ голова. На ногахъ

лежали пудовыя гири. Во рту былъ характерный вкусъ чего то прогорклаго... Посмотрѣлъ на часы. Вспомнилъ, что праздникъ, и повернулся на другой бокъ. Въ памяти мелькали отрывочные образы вчерашняго кутежа.

Громкій голосъ спросилъ:

— Петръ Петровичъ дома?

— Ихъ благородіе спятъ! — отвѣтили ему громкимъ шопотомъ.

— Ерунда, чего тамъ спать, — заявилъ, входя въ комнату, высокій, тонкій прапорщикъ.— Какъ скоро вчера нализался! А я за тобой — поѣдемъ завтракать въ „Венецію". Одѣвайся, я подожду. Семеновъ, свѣжая газетка есть?

Солдатъ принесъ газету. Пока Андреевъ, лѣниво потягиваясь, одѣвался передъ большимъ зеркаломъ, гость просматривалъ газету.

— У тебя есть родственница, сестра милосердія? — внезапно спросилъ онъ — да, впрочемъ, Андреевъ — такая распространенная фамилія.

— А въ чемъ дѣло? — спросилъ прапорщикъ и какое-то непріятное чувство поползло по его душѣ.

— Да вотъ, какая-то сестра милосердія Андреева отличилась и къ двумъ медалямъ представлена! — „За самоотверженную, превосходную работу подъ огнемъ непріятеля", — какъ сказано въ приказѣ. Спасая раненыхъ, сама ранена въ руку. Да, есть такія и немало ихъ... Вотъ, помню, когда мы стояли подъ Перемышлемъ...

— Какъ ее зовутъ? — быстро перебилъ товарища Андреевъ.

— Сейчасъ... Гдѣ это? Ахъ, вотъ... Андреева Александра... Да не рви изъ рукъ газеты! Родственница что ли?

— Да, родственница, — тихо отвѣтилъ Андреевъ, смотря на короткія, но краснорѣчивыя строки, изъ-за которыхъ вставалъ передъ нимъ

образъ когда-то — еще такъ недавно — горячо любимый.

И вполголоса прибавилъ:

— Моя жена . . .

— Жена? Ты женатъ? — удивился прапорщикъ.

Но Андреевъ уже не слышалъ вопроса.

Онъ ушелъ весь мыслями въ прошлое и вспоминая — въ сотый, можетъ быть, разъ — ту ночь, когда Александра ушла изъ дому, увидѣлъ — впервые — всю сцену въ новомъ свѣтѣ...

Что-то, похожее на угрызенія совѣсти, зашевелилось въ его душѣ и сердце наполнилось невольнымъ уваженіемъ къ той, которая показала ему — гдѣ его путь . . .

И жгло мозгъ сознаніе, что нельзя продолжать такъ дальше, что нужно что-то сдѣлать, и сейчасъ — пока не погасло то, что проснулось въ душѣ.

— Ну, чего же ты закисъ? Уже половина второго, товарищи ждутъ. Вспомнилъ жену и загрустилъ — баба!

— Нѣтъ, я сейчасъ готовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ждутъ товарищи, ждетъ новый кутежъ.

И со смутнымъ сознаніемъ, что онъ дѣлаетъ не то, что нужно, Андреевъ сѣлъ съ товарищемъ въ сани и крикнулъ извозчику:

— Въ „Венецію", только поскорѣй!

Шестое чувство.

...„Почему мы, женщины, обладаемъ этимъ проклятымъ даромъ? Откуда у насъ это странное чувство, мучительно подсказывающее близкую бѣду, таинственный голосъ, предупреждающій объ опасности?

Лучше не знать — ничего не знать, и жить такъ, — свѣтлой минутой настоящаго, не заглядывая въ закрытую книгу будущаго...

Что это? — Игра нервовъ? Самовнушеніе? Невидимое вліяніе таинственныхъ токовъ?

Почему у меня такъ болѣзненно живо это шестое чувство, такъ мучительно властно надъ моей душой?

Не надо его, не надо!

Хочу жить съ закрытыми глазами!

А оно ползетъ и ползетъ...

Тоска, невыносимая тоска мучила меня въ тотъ осенній день, когда разставались мы съ мужемъ. Первый разъ за всѣ пять лѣтъ совмѣстной жизни. До сихъ поръ я слѣдовала за нимъ повсюду, куда ни забрасывала его воля судьбы — или, вѣрнѣе сказать, воля министра путей сообщенія. Онъ служилъ въ министерствѣ...

Но теперь я не могла ѣхать съ нимъ: его прикомандировали въ прифронтовую полосу. А я ждала черезъ два мѣсяца ребенка. Мой первый умеръ, не проживъ и полугода. Теперь мы

только и жили мечтой о немъ, нашемъ будущемъ сынѣ. Это будетъ мальчикъ, непремѣнно мальчикъ... Но внезапно это маленькое существо потеряло для меня всякій интересъ.

Меня охватывалъ суевѣрный ужасъ при мысли о томъ, что мужъ уѣзжаетъ черезъ двѣ недѣли... черезъ недѣлю... черезъ три дня... завтра!

Состояніе мое было ужасно. Мужъ относилъ его за счетъ моего положенія.

Но я знала, что теряю мужа навсегда...

Я виновата передъ своимъ сыномъ.

Я мало думала о своемъ здоровьѣ — его здоровьѣ — мучительно тоскуя о мужѣ. И онъ родился болѣзненнымъ и хилымъ. Онъ жилъ всего три мѣсяца. Когда я глядѣла на его блѣдное личико, смотрѣвшее на меня изъ бѣлаго гробика — мнѣ казалось, что я хоронила свою лучшую мечту...

Но гдѣ то, въ глубинѣ души, поднималось новое, легкое чувство — теперь ничто не могло мнѣ помѣшать ѣхать къ моему Володѣ!

Но человѣкъ предполагаетъ, а располагаетъ слѣпая бездушная судьба!

Я заболѣла, долго была больна послѣ смерти моего мальчика, а потомъ должна была беречься, и врачи категорически запретили мнѣ уѣзжать.

Въ началѣ мая я получила письмо, взволновавшее меня до крайности: мужа командировали на позиціи!

Я, недолго думая и не предупредивъ никого, собралась въ дорогу. Я должна была проститься съ нимъ. Онъ не смѣлъ уйти на войну, не повидавшись со мной!

Восемь дней, утомительно долгихъ, провела я въ пути. Передъ моими глазами прошелъ цѣлый рядъ людей, чужихъ жизней. Проходили и уходили, ѣхали куда то, торопились, расходились, чтобы не встрѣтиться снова . . .

Каждый вечеръ, устраиваясь на верхной полкѣ, я думала:

— Слава Богу, однимъ днемъ ближе къ нему!

И сердце трепетало радостью близкаго свиданія . . .

И вотъ я въ Д. Поздно вечеромъ прибылъ поѣздъ на шумную станцію. Я оставила багажъ на вокзалѣ и поѣхала въ штабъ узнавать Володинъ адресъ. Оказалось, что это совсѣмъ недалеко. Мнѣ объяснили дорогу и я пошла пѣшкомъ. Улица тонула въ майскомъ полумракѣ. Стояла странная тишина, изрѣдка прерываемая гулкими раскатами.

Я старалась представить себѣ, какъ удивится и обрадуется мужъ.

Вотъ здѣсь. Хорошенькій домикъ, окруженный садикомъ. Вотъ его карточка на двери. Навѣрное, этотъ звонокъ. Но вдругъ меня остановила мысль:

— А если его нѣтъ дома?

Стояла у звонка въ какой то странной нерѣшительности. И вдругъ поползло откуда то снова это странное чувство, этотъ непонятный страхъ . . .

Чего я ждала? Чего боялась?

Наконецъ, я справилась съ собой и дернула звонокъ. Одинъ разъ, другой . . . Третій. Ни звука. Ни шага. Навѣрное, испорченъ . . .

Постучать? — Взялась за ручку двери. Она поддалась.

Темныя сѣни. Еще дверь. И она незаперта. Узнаю Володину небрежность. Передняя. Нѣсколько дверей. Которая къ нему?

Да и занимаетъ ли онъ всю квартиру или живетъ только въ комнатѣ?

Пока я стояла въ нерѣшительности въ передней, мнѣ послышался Володинъ голосъ. Тамъ, въ концѣ передней. Полуоткрытая дверь . . . Изъ нея — тонкая полоска свѣта. Значитъ, Володя дома.

Я быстро подошла и открыла дверь . . .

Когда я впослѣдствіи думала объ этой ночи, я вспоминала ее, какъ кошмаръ! Эта картина всегда стоитъ передъ моими глазами, и будетъ тамъ стоять, стоять — пока смерть не закроетъ ихъ навѣки . . .

Забыть нельзя . . . Нельзя . . .

. . . Зеленыя обои. У окна — письменный столъ, съ котораго насмѣшливо улыбается мой портретъ. Круглое аляповатое зеркало съ заткнутымъ за нимъ традиціонным пучкомъ сушеныхъ травъ. Кресло качалка.

Вотъ фонъ, на которомъ я увидѣла ихъ . . . Впрочемъ, ея я почти не видала . . . Помню только готическій профиль, черные волосы. Серьги: большія золотыя кольца. Эти кольца, дрожавшія при каждомъ ея движеніи, застряли въ моей памяти.

Я не смотрѣла на нее. Я видѣла только его лицо, его глаза, полные страсти и нѣжности.

Глаза, которые смотрѣли такъ на другую!

Съ минуту стояла я въ дверяхъ. Они не замѣтили, что дверь открылась.

Имъ было не до того . . .

Одно безумное желаніе сдавило мою душу:

— Проснуться, скорѣй проснуться, вѣдь это же сонъ, сонъ!

Но это не было сномъ . . .

Какъ я вышла въ сѣни, какъ открыла дверь, очутилась на улицѣ — не помню ничего!

Бродила всю ночь по тѣнистымъ улицамъ незнакомаго города, смотря вокругъ ничего не видящими глазами. А въ мозгу упорно стучала одна мысль, которой онъ не хотѣлъ понимать. Не хотѣлъ понимать, что насталъ конецъ всему, всему!

— Онъ больше не любитъ . . . любитъ другую . . . счастливъ съ другой! . .

Запѣли зяблики. Зачирикали воробьи. Восходило солнце.

Все чаще раздавались раскаты. Они говорили о томъ, что Володя скоро пойдетъ туда, гдѣ умираютъ за родину . . .

Когда началась уличная жизнь, прошли первыя партіи солдатъ, проѣхали первые автомобили, я пошла на вокзалъ.

Первымъ поѣздомъ я уѣхала обратно.

Володя не узнаетъ никогда, что я была у него въ ту ночь . . .

Остальное все — сонъ. Тревожный бредъ больного, отъ котораго я не проснулась еще и сейчасъ. Была тупая боль — и больше ничего . . .

Но такая боль, отъ которой нѣтъ нигдѣ спасенія . . .

Одинъ разъ ворвался въ эту боль какой то рѣзкій диссонансъ, пробудившій во мнѣ мучи-

тельныя чувства: ревность и почти — ненависть.

Это — когда пришло письмо отъ Володи, уѣзжавшаго на фронтъ.

Длинное. Нѣжное . . .

Къ чему эта ложь? Неужели нельзя сказать прямо и честно:

— Не люблю тебя больше. Люблю другую.

Я не отвѣтила на письмо.

Володя никогда не солжетъ, какъ человѣкъ человѣку.

А женщинѣ лгать — можно! . . .

Когда пришло извѣстіе, что Володя убитъ — извѣстіе, которое такъ осторожно старались сообщить мнѣ тетки, я приняла его съ тупымъ спокойствіемъ. Для меня Володя умеръ давно . . . Умеръ въ ту ночь . . .

Я тоже хотѣла умереть. Здѣсь не осталось для меня ничего.

Одна тупая, мертвящая боль . . .

Но искать смерти самой — не было силы...

„Смерть, гдѣ жало твое?"

Теперь мнѣ понятны эти слова. Смерть не страшна, когда она ежедневно, ежеминутно проходитъ передъ глазами.

Я видѣла, какъ умирали въ палатахъ раненые. Многіе отходили въ ужасныхъ мученіяхъ, съ душераздирающими стонами Но большая часть умирала съ какой-то странной покорностью . . . Я долго смотрѣла на эти изможденныя лица, стараясь проникнуть въ тайну ихъ

кротости, въ великую тайну души русскаго солдата...

Въ лазаретѣ мнѣ стало хорошо. Отошла ноющая боль.

Здѣсь не было мѣста личной жизни.

Всю ночь грохотали орудія. Шла артиллерійская подготовка. На утро они перешли въ наступленіе. Насъ, кажется, меньше, чѣмъ ихъ...

Въ лазаретъ то и дѣло приносятъ раненыхъ. Мы не успѣваемъ дѣлать перевязки.

Я не спала три ночи. Я еле держусь на ногахъ. Меня зовутъ то туда, то сюда... Мнѣ нехорошо, очень нехорошо... Сказались безсонныя ночи...

И опять это мучительное, гнетущее чувство...

Какая еще бѣда грозитъ мнѣ? Какое несчастье можетъ еще стрястись въ моей жизни?

У меня нечего больше взять судьбѣ!

... Боже, какой тамъ адъ!...

Какъ рвутся гранаты и шрапнели...

А люди идутъ въ этотъ адъ, бросаются впередъ, подъ огненнымъ дождемъ, навстрѣчу вѣрной смерти...“

Здѣсь кончаются записки сестры милосердія Елены Лебедевой, убитой осколкомъ гранаты, залетѣвшимъ въ лазаретъ...

Сестра Смерти.

Ее знали многіе участники Японской войны — эту блѣдную, невзрачную сестру милосердія. Рѣсницы ея были всегда опущены, такъ что никто не зналъ, какого цвѣта ея глаза. Единственное, что было въ ней красиваго — это золотистые, почти золотые, волосы. Несмотря на то, что она силилась зачесать ихъ совсѣмъ гладко, они лежали вокругъ ея головки какимъ-то сіяніемъ...

Никто не помнилъ, какъ ея имя-фамилія. Всѣ звали ее за глаза „Сестра Смерти“, а въ лицо — просто „сестра“...

Врачи относились къ ней корректно холодно, но цѣнили, какъ отличную работницу. Сестры сторонились ея.

И только раненые любили эту сестру съ сіяніемъ святой...

Ее чаще всего видѣли у постели умирающихъ, которыхъ она напутствовала въ иную жизнь.

Что она говорила имъ, что загорались ея глаза и все лицо свѣтилось какимъ-то сіяніемъ?

Говорила ли она имъ о близкихъ, оставшихся тамъ на родинѣ, за сотни верстъ?

О великой смерти воина?

О свѣтлой будущей жизни?

Какъ тихая музыка, звучалъ задушевный голосъ. И умирающіе забывали мучительныя раны, страхъ смерти, тоску разлуки съ близкими

и глядѣли въ эти кроткіе, сіяющіе глаза — пока не переставало биться ихъ сердце...

Тогда Сестра Смерти наклонялась надъ скончавшимся, закрывала нѣжной рукой его глаза и шла къ другому...

Напутствовать умирающихъ было ея призваніемъ.

Какъ только затихали выстрѣлы боя, она выходила на поле сраженія.

Проходя мимо раненыхъ и убитыхъ, она находила такихъ, которымъ ничто не могло уже помочь, и, сдѣлавъ имъ перевязку, подъ звѣзднымъ небомъ чужой страны, говорила свои волшебныя слова.

Никто не зналъ, кто она. Никто не зналъ, да и не интересовался знать — была ли у Сестры Смерти личная жизнь, или она всегда посвящала себя облегченію страданій другихъ . . .

Никто не зналъ, что означала глубокая скорбь этихъ странныхъ глазъ, почти всегда скрытыхъ рѣсницами . . . Глядѣло ли изъ нихъ личное горе, или они были такими, потому что видѣли всегда мученія другихъ . . .

Потому что такъ часто глядѣли въ глаза смерти . . .

Она не говорила ни съ кѣмъ, кромѣ своихъ раненыхъ, и незамѣтно, тихо творила свое дѣло.

И когда проходила она — тонкая, до изможденія худая, опустивъ въ землю глаза, — невольно замолкалъ веселый смѣхъ молодыхъ безпечныхъ сестеръ, болтавшихъ съ офицерами...

Потому что отъ нея вѣяло смертью . . .

Когда отзвучали послѣдніе выстрѣлы Японской войны, она вернулась въ Россію.

Поѣхала ли она на широкій просторъ Поволжья, откуда она была родомъ (единственное, что знали про Сестру Смерти другіе), осталась ли гдѣ-нибудь въ лазаретѣ — было неизвѣстно.

Только съ первыми залпами Балканской войны появилась она снова на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Плѣнные турки говорили, что видѣли ее во время Итало-Турецкой войны . . .

Ее не узнать, спутать съ кѣмъ-нибудь другимъ было невозможно.

Гремѣли выстрѣлы. Слышались стоны раненыхъ. Кровь умирающихъ обагряла землю.

И, наклонившись надъ отходящими, блѣдная сестра съ золотымъ сіяніемъ шептала имъ свои волшебныя слова.

О будущемъ величіи всеславянства.

О крестѣ, что, видный всему славянскому міру, возсіяетъ надъ Святой Софіей . . .

И снова загремѣли орудія. Снова зардѣлся на востокѣ пожаръ, но огонь его охватилъ и югъ, и западъ. Море крови заливало Европу и, казалось, не будетъ ему предѣла, и захлебнутся въ немъ всѣ края и народы . . .

И снова появилась на фронтѣ странная сестра, въ которой участники Японской войны узнали Сестру Смерти . . .

Съ самыхъ первыхъ военныхъ дней — до дня позорнаго мира — творила она тамъ, на фронтѣ, свое скромное дѣло. И многіе легко отошли въ иной міръ, ободренные ея свѣтлой улыбкой.

Съ вѣрой въ свое правое дѣло. Въ грядущую близкую побѣду . . .

Не тронули ее и озвѣрѣлые красные дикари. И въ тѣ дни, когда въ лазаретахъ царилъ произволъ и грубая сила, когда сестры вынуждены были терпѣть издѣвательства и униженія отъ тѣхъ, кому отдавали заботы и жизнь — Сестра Смерти проходила по палатѣ такъ же спокойно, какъ и годы назадъ, когда ее тронуть не посмѣлъ бы никто.

Смолкали при ней непристойныя слова.

И никто не рѣшился оскорбить странную сестру ни словомъ, ни движеніемъ...

На бѣломъ фронтѣ, средь бѣлыхъ орловъ, исходившихъ кровью, угасла жизнь бѣлой сестры.

Отъ тифа умирала она, заразившись отъ своихъ больныхъ. Въ холодномъ, нетопленномъ баракѣ — сараѣ . . .

Лежала безъ памяти, и въ жару бормотала какія то слова, которыхъ не понималъ никто.

Металась по подушкѣ ея голова и небрежно срѣзанные кѣмъ-то волосы одѣвали ея лицо какимъ то страннымъ сіяніемъ.

Но не золотыми были уже они, а серебряными . . .

И серебро волосъ говорило краснорѣчивѣе всего о тѣхъ нечеловѣческихъ страданіяхъ, которыя терпѣла за послѣдніе годы сестра . . .

Она умерла на разсвѣтѣ. Первые солнечные лучи, еще алые, пробрались сквозь щели — окна въ баракъ, освѣтили ея вѣнецъ. Бросили красные блики на ея бѣлое-бѣлое лицо.

Гдѣ то пропѣлъ пѣтухъ. Долетѣли звуки пробуждающагося лагеря.

И, прислушиваясь къ знакомымъ звукамъ, говорившимъ ей такъ много, Сестра Смерти пой-

мала взглядъ солнца, брошенный на ея лицо и, сложивъ руки, какъ передъ Причастіемъ, прошептала отчетливо и ясно:

— Воскреснетъ... Россія!..

ОГЛАВЛЕНІЕ

Готовятся къ печати слѣдующія книги того же автора:

„Тринадцать“

оккультные разсказы

„Оборванныя струны“

сборникъ разсказовъ

„ЗИМНІЯ ЗВѢЗДЫ“

романъ въ 2 частяхъ

„Языческимъ богамъ“

II сборникъ стиховъ

Первая книга выйдетъ въ апрѣлѣ с. г.

Цѣна въ Латвіи,
Эстоніи и Литвѣ—1 латъ
„ „ Франціи и Бельгіи—10 фр. франк.
„ „ другихъ странахъ—45 ам. центовъ

Книгоиздательство „МАРСЪ“
Рига